

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№2 (11) 2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – главный редактор
Махмудова С.М. (Россия) – заместитель главного редактора

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербак М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавачча А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь

Канель И.В.

Редактор и корректор

Канель И.В.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2024

International Scientific Journal
“Language and Text”

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – editor-in-chief
Makhmudova S.M. (Russia) – deputy editor-in-chief

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia) Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia) Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I.A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary

Kanel I.V.

Editor and proofreader

Kanel I.V.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77-67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the polisher.

© MSUPE, 2024

Содержание

2024. Том 11. № 2

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Имплицитные обещания в русском политическом дискурсе <i>Парфенова Л.В.</i>	8-18
Новые переводы письменных памятников Кавказской Албании: историко-филологический анализ <i>Махмудова С.М., Мурадян А.А.</i>	19-33
Ономатопеическая и эрративная лексика как текстообразующее лингвокреативное средство массмедиа <i>Тарасова М.С.</i>	34-42
Особенности языка современной студенческой молодежи в России и способы его совершенствования <i>Михалкин Н.В.</i>	43-51
Параллели древнееврейского корня קָפַר <i>к-п-р</i> (<i>к-ф-р</i>) «покрытие» в лексике семитских и кавказских языков <i>Нешер С.</i>	52-67
Специфика интерпретационного анализа диалектных фразеологизмов <i>Ибрагимова М.О.</i>	68-74

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» <i>Кулакова В.А.</i>	75-81
Вокативы и их функции в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (к 225-летию со дня рождения) <i>Черникова Н.В.</i>	82-90
Значение интертекстуальных связей в истолковании религиозно-нравственного аспекта рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» <i>Родин А.Л.</i>	91-97
«Снежная королева» Х.К. Андерсена: зримый образ и скрытый смысл в детской иллюстрации <i>Дорожкина М.А.</i>	98-111
Темпоральные конструкции с наименованием праздников в произведениях И.А. Бунина <i>Малинская Т.В.</i>	112-121

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Специфика трансляции концепта «Город» средствами креолизованного текста для иностранных обучающихся <i>Воробьева Е.В.</i>	122-130
---	---------

Contents

2024. Vol. 11. No. 2

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Implicit Promises in Russian Political Discourse

Parfenova L.V.8-18

New Translations of Written Monuments of Caucasian Albania: Historical and Philological Analysis

Makhmudova S.M., Muradyan A.A. 19-33

Onomatopoeic and Errative Vocabulary as a Text-Forming Linguo-Creative Means of Mass Media

Tarasova M.S.34-42

Features of the Language of Modern Student Youth in Russia and Ways to Its Improvement

Mikhalkin N.V.43-51

Parallels of the Hebrew Root כפר *k-p-r* (*k-f-r*) ‘Covering’ in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages

Nesher S.52-67

Features of the Interpretative Analysis of Dialect Phraseological Units

Ibragimova M.O.68-74

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The Influence of Syntactic Means of Representing Time and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-Shchedrin’s Fairy Tale “The Lost Conscience”

Kulakova V.A. 75-81

Vocatives and Their Functions in the Story by A.S. Pushkin “The Captain’s Daughter” (to the 225th Anniversary of the Birth)

Chernikova N.V.82-90

The Importance of Intertextual Connections in the Interpretation of the Religious and Moral Aspect of I.A. Bunin’s Story “Dark Alleys”

Rodin A.L.91-97

“The Snow Queen” by H.Chr. Andersen: Visible Image and Hidden Meaning in Children’s Illustration

Dorozhkina M.A.98-111

Temporal Constructions with the Names of Holidays in the Works of I.A. Bunin

Malinskaya T.V. 112-121

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

The Specifics of the Translation of the Concept “City” by Means of a Creolized Text for Foreign Students

Vorobeva E.V.122-130

Редакция Международного научного электронного журнала «Язык и текст» выражает огромную благодарность редактору данного номера профессору Государственного университета просвещения В.В. Леденевой за формирование настоящего выпуска.

От редактора

Настоящий выпуск журнала «Язык и текст» предлагает читателю — филологам-лингвистам, всем заинтересованным в знакомстве с актуальными исследованиями языка и его реализации в разножанровых текстах различных эпох лицам — статьи российских специалистов, которые сосредоточили свое внимание как на изучении ресурсов идиолектов и идиостилевых особенностей, так и на осмыслении концептосферы и специфики привлечения

внимания адресата к проблематике и средствам оформления транслируемых сообщений.

Статья Н.В. Черниковой «Вокативы и их функции в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (к 225-летию со дня рождения)» актуальна в связи с обращением к языку А.С. Пушкина — гения русской литературы, чей 225-летний юбилей мировая филологическая общественность отметила в этом году. Автор освещает состав, функции вокативов и вокативных конструкций в повести «Капитанская дочка», важной своим историческим сюжетом и художественно-эстетическим содержанием, нравственными уроками, которые отражают основы русской ментальности. Установлено, что вокативы не только оказываются нейтральными обращениями, служат для номинации и идентификации адресата, но и являются характерологическим средством, выполняя социально-регулятивную и эмотивную функции, несут позитивные и негативные коннотации, передавая пушкинскую иронию или формируя интимизацию для выражения отношения героев друг к другу.

К идиостилю писателя-классика М.Е. Салтыкова-Щедрина обратилась В.А. Кулакова, которая в интересной по композиции и способам презентации исследовательского материала статье «Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»» охарактеризовала синтаксические средства отображения времени и пространства в проекции их влияния на образ персонажа — *совести*. Новизну статьи обуславливает выбор объекта и предмета изучения, характер аргументации.

Языку И. Бунина посвятила статью «Темпоральные конструкции с наименованием праздников в произведениях И.А. Бунина» Т.В. Малинская. В произведениях феноменального русского писателя, чьи тексты отражают глубокое знание мастером слова традиций, обычаев, культуры русского народа, в частности, ее важной духовной стороны, связанной с Православием, получил оценку состав, строение конструкций с темпоральной семантикой, обусловленной упоминанием в тексте праздников Церковного календаря. Методологически точно охарактеризованы автором синтаксемы, предложно-падежные сочетания, субстантивные обороты.

Значение интертекстуальных связей в истолковании религиозно-нравственного аспекта рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» рассматривает А.Л. Родин.

Исследования текста, его структуры, концептуального содержания, возможностей передачи скрытых смыслов, имплицитной информации также представлены в номере. Так, статья Е.В. Воробьевой «Специфика трансляции концепта «Город» средствами креолизованного текста для иностранных обучающихся» посвящается креолизованному учебному тексту, в центре внимания — концепт «Город», который должен быть освоен для успеха в коммуникации иностранцами при овладении русским языком. Это придает статье как актуальность, так и практическую значимость, предполагая большой круг адресатов: преподаватели РКИ, обучающиеся-иностранцы, специалисты-теоретики, обращенные к изучению коммуникации и роли текста. Статья М.А. Дорожкиной ««Снежная королева» Х.К. Андерсена: зримый образ и скрытый смысл в детской иллюстрации» также посвящается креолизованному тексту — тексту с иллюстрациями, которые автор изучает, проводя сопоставительный анализ достижений иллюстраторов (В.С. Алфеевского, Н.К. Гольц и В.Э. Ерко) с целью установления идейно-эстетического смысла, который важен для создания иллюстраций к произведению (история третья «Цветник женщины, умевшей колдовать»). М.А. Дорожкина рассматривает роль цвета, света, композиции и других особенностей невербального компонента текста. Статья носит синтезирующий характер.

Статья М.В. Тарасовой «Ономатопеическая и эрративная лексика как текстообразующее лингвокреативное средство массмедиа» обладает ярко выраженным качеством новизны, так как в ней обследован и проанализирован свежий, не описанный в лингвистических работах материал, появившийся в массмедийном дискурсе — программе ТВ-канала «Москва-24». Она актуальна в связи с обращением к языку СМИ, окказиональной лексике, экспрессивным ресурсам-эрративам, имитирующим на основе звукоподражания речь особенного героя программы, по замыслу создателей текстов «высказывающего» оценочные суждения. В статье характеризуются разнообразные способы создания лингвокреативных единиц, анализируются их функции, показана роль звукоподражаний как ядра таких образований, связанных с актуальной лексикой «текущего момента» и способствующих коммуникативному успеху в работе с массовой аудиторией.

Предлагаемые статьи обладают практической значимостью и вносят конкретный теоретический вклад в изучение функционирования языка и его единиц в текстах.

В статье С. Нешер «Параллели древнееврейского корня קָפַר -*к-п* (*к-ф-р*) «покрытие» в лексике семитских и кавказских языков» анализируются выявленные в словарном составе семитских и кавказских языков параллели древнееврейского корня *к-п-р* «покрытие». Работа интересна тем, что впервые исследуются взаимоотношения лексики древнего иврита и нахско-дагестанских языков, контактировавших в доисламский период.

Исследование М.О. Ибрагимовой «Специфика интерпретационного анализа диалектных фразеологизмов» посвящено особенностям интерпретации семантики диалектных ФЕ, уровню их эквивалентности в парах субстандартных единиц малочисленного рутульского языка, что позволяет эксплицитно представить их общие свойства и выявить специфические черты, обусловленные развитием ареальных языковых единиц в различных условиях.

Язык Кавказской Албании в последние годы вызывает огромный интерес исследователей, как историков, так и лингвистов, в связи с тем, что в конце XX века в монастыре на горе Синай были обнаружены палимпсесты, написанные на утерянном языке Кавказской Албании, тем самым было доказано существование письменности на кавказско-албанском языке. После этого была идентифицирована надпись на медном подносе, найденном в Дагестане, как кавказско-албанская. Данной проблеме посвящена работа С.М. Махмудовой и А.А. Мурадян.

Особенностям языка современной студенческой молодежи в России посвящается статья Н.В. Михалкина, в которой рассматривается проблема культуры коммуникации при использовании сленгизмов, жаргонизмов и т.д., предлагаются решения по совершенствованию характера речи, речемыслительной деятельности молодого поколения.

Актуальность научной работы Л.В. Парфеновой «ИмPLICITные обещания в русском политическом дискурсе» обусловлена интересом к важному для социума политическому дискурсу, использованию имPLICITности, проявляющейся, в частности, при функционировании обещаний. Автором приводятся лингвистические характеристики имPLICITного политического обещания на русском языке, анализируется влияние полимодальности на восприятие промиссивного текстотипа аудиторией.

Все приведенные работы посвящены актуальным вопросам лингвистики и вызовут несомненный интерес не только у специалистов, но и у широкой читательской аудитории.

Валентина Васильевна Леденева, приглашенный редактор журнала «Язык и текст», доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта

ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва, Российская Федерация

Имплицитные обещания в русском политическом дискурсе

Парфенова Л.В.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Актуальность проведенного исследования обусловлена существенным практическим и теоретическим интересом к имплицитности, в частности к функционированию имплицитных обещаний в русском политическом дискурсе. В статье представлены результаты эксперимента, проведенного автором в 2023–2024 гг. с целью выявления лингвистических характеристик имплицитного политического обещания на русском языке, описания и оценки влияния полимодальности на восприятие промиссивного текстотипа аудиторией. Для достижения поставленной цели были использованы методы сплошной компьютерной выборки, анкетирования и критического дискурс-анализа, которые позволили выявить лексические маркеры реализации интенции обещания в имплицитном виде в русском политическом дискурсе, а также описать влияние полимодальности на перлокуцию обещания. Выборка исследования включала мини-тексты с ведущей промиссивной интенцией, отобранные за период с 1998 по 2024 год.

Ключевые слова: обещание, имплицитность, политический дискурс, прагматика, полимодальность, промиссивный текстотип.

Для цитаты: Парфенова Л.В. Имплицитные обещания в русском политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 8–18. DOI: [10.17759/langt.2024110201](https://doi.org/10.17759/langt.2024110201)

Implicit Promises in Russian Political Discourse

Lidia V. Parfenova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

The relevance of the research is due to the significant practical and theoretical interest in implicitness, in particular, to the functioning of implicit promises in Russian political discourse. The article presents the results of an experiment conducted by the author in 2023–2024 in order to identify the linguistic characteristics of an implicit political promise in Russian, describe and evaluate the

impact of polymodality on the perception of a promissive textotype by the audience. To achieve this goal, methods of continuous computer sampling, questionnaires and critical discourse analysis were used, which allowed to identify lexical markers of the implementation of the intention of a promise in an implicit form in Russian political discourse, as well as to describe the influence of polymodality on the perlocation of a promise. The study sample included mini-texts with a leading promissive intention, selected for the period from 1998 to 2024.

Keywords: promise, implicitness, political discourse, pragmatics, polymodality, promissive typical text.

For citation: Parfenova L.V. Implicit Promises in Russian Political Discourse. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 8–18. DOI: 10.17759/langt.2024110201 (In Russ.).

Введение

Использование иллюкативной силы обещания в политическом дискурсе часто является составляющим элементом тактики убеждения. Для него характерно существенное присутствие персуазивной интенции адресанта, т. е. намерения убедить адресата в определенном положении дел или сообщить/навязать ему намеченную точку зрения. Выдача обещания в явной и имплицитной форме в политическом дискурсе сопровождается невербальным воздействием. Для уточнения вербальных способов выражения имплицитных промиссивов, а также для описания их функционирования в речи, нами проведено многоступенчатое исследование устных и письменных имплицитных обещаний. Вначале были изучены новейшие работы по теории имплицитности. Затем было отобрано около 100 фрагментов текстов, предположительно содержащие промиссивную интенцию — мы определяем их как потенциально промиссивные текстотипы. Наконец, был проведен опрос респондентов, которым предлагалось отметить те тексты или фрагменты, которые, по их мнению, содержат обещания. По результатам анализа результатов выделены лингвистические маркеры имплицитного обещания. На втором этапе, в процессе валидизации, изучена реализация имплицитного обещания в разных модальностях, получены окончательные результаты. В данной статье мы ограничимся анализом обещаний в политическом дискурсе. Теоретической базой исследования послужили положения теории речевых актов [11], теории имплицитности [2; 9] и теории релевантности [14]. К анализу применялись методы исследований речевого поведения [1; 3; 10; 12; 13], а также критический дискурс-анализ [7].

Доказав, что смысл высказывания может передаваться не только эксплицитно (явно), но и с помощью коммуникативной имплицатуры — это понятие объединяет такие смыслы, как «подразумевать», «предполагать» и «иметь в виду». Г.П. Грайс разделил все контексты на конвенциональные и неконвенциональные. Далее мы рассмотрим, как это разделение влияет на анализ имплицитности.

Несколько отличное от Г.П. Грайса видение имплицитности дает французский ученый К. Кербрат-Оречиони. В своих размышлениях о смысле высказывания она отрицает категоричные суждения, принятые многими лингвистами: одно, предполагающее, что высказывание лишено смысла само по себе, но приобретает его в процессе произнесения в контексте, и другое, постулирующее, что смыслом высказывания является то, что слушающий в нем понял (предполагающее идеального адресата). В своей работе *L'implicite* ученый рассматривает многочисленные примеры функционирования имплицитности в речи, подробно рассматривает разные типы пресуппозиций и имплицатур, выделяя в имплицатурах

намеки и инсинуации [9, с. 25–39], проводит глубокий анализ функционирования этих явлений в речи, помещая их на воображаемой оси имплицитности [4]. В более поздних работах авторов теории релевантности [15], а также в работах других современных лингвистов, подробнее изучаются лингвистические и прагматические характеристики имплицитности, формируется теоретическая база. Учеными делаются попытки описать процесс инференции смыслов [11], оценить ответственность автора имплицитного сообщения [8], описать влияние лингвистических маркеров имплицитности [6], разграничить имплицитность содержания высказывания и имплицитность ответственности адресанта. К первой группе относят импликацию и вариативность (*le vague* — возможность широкого толкования содержания в силу неопределенного множества импликаций). Ко второй группе относят пресуппозицию и топик [10]. Предлагаются количественные способы оценки имплицитности [10], а также расширяется подход к анализу дихотомии ложь/введение в заблуждение с учетом описания прагматического вклада, необходимого адресату для достижения минимального уровня достоверности высказывания [8].

Описывая процесс инференции смыслов, ученые отмечают, что прагматические выводы, необходимые для восстановления полного смысла высказывания, называемые прагматическим обогащением, могут реализовываться в виде завершений или расширений [Bach 1974; цитируется по 8; 13]. В отличие от импликаций, прагматические обогащения, называемые также экспликациями [12; 14], рассматриваются как интуитивная часть высказывания, способствующая его экспликации. Импликация, или прагматический вывод, возникает (или не возникает) на основании такого дополненного содержания, так как только обогащенное содержание дает почву для анализа истинности всего высказывания.

Для последующего анализа имплицитных обещаний дадим краткую характеристику некоторым типам дискурсов с точки зрения присутствия в них имплицитности.

Бытовое повседневное общение представителей одной культуры можно считать наиболее сформированным с точки зрения эффективности использования имплицитности. В паре «неподготовленное сообщение — неподготовленный адресат» наличие общих базовых знаний и высокая степень конвенциональности способствует активному использованию намеков, при этом извлечение смысла не затруднено. Это естественная имплицитность с высокой частотностью в дискурсе.

Художественный текст и читатель как континуум «подготовленное сообщение — подготовленный адресат» также находятся в зоне повышенной плотности имплицитности. Это интеллектуальная имплицитность с высокой частотностью в дискурсе, по отношению к которому читатель заранее настраивается на получение информации и располагает временем на обдумывание. Исключения составляют жанр комикса и функционально-смысловой тип речи описание, где имплицитность практически исключена. В первом случае небольшой по объему текст сопровождается изображениями, и активируемое ими фрагментарное мышление заменяет креативное. Во втором случае детальное описание оставляет мало места для ассоциаций и намеков.

Рекламный дискурс с парой «подготовленное сообщение — частично подготовленный адресат» задает высокий уровень восприятия неявной информации без приложения дополнительных когнитивных усилий. С рекламой адресат, как правило, сталкивается внезапно, но у него есть возможность несколько раз пересмотреть/перечитать, если смысл сразу не понят. Это примитивная имплицитность с высокой плотностью в дискурсе.

Если анализировать *публичные выступления*, то здесь имплицитность формируется в паре

«подготовленное сообщение — подготовленный/неподготовленный адресат». В данном случае коммуникативное намерение направлено на людей, которые, как правило, имеют определенные ожидания. Получателем сообщения может быть и неподготовленный адресат, услышавший выступление случайно. В обоих случаях коммуникативная интенция автора обещания может быть осмыслена со временем, но может быть и заблокирована в силу слишком глубокой имплицитности. Примечательно, что если адресат может продолжать осмысливать сказанное, и перлокутивный эффект (доверие, испуг, уважение, корректировка планов и др.) наступит в свое время, то для адресанта данный речевой акт завершен. Он сможет скорректировать созданную им ситуацию либо при помощи другого РА (отказа от обещания, подтверждения обещания), либо действием (выполнением/невыполнением обещания). Присутствие имплицитности значительно, но порождение имплицитности может быть затруднено в связи с разнородностью аудитории и яркими институциональными характеристиками дискурса. Имплицитность в публичных выступлениях представлена во всем многообразии: в пресуппозициях и топиках — с целью формирования общественного мнения, в вариативности и имплицитурах — для соблюдения формальных этических норм и передачи информации с двусмысленным содержанием. Охарактеризуем ее как многослойную.

Особенности имплицитных обещаний политиков

Осмысление имплицитности тесно связано с изучением грамматической структуры высказывания и контекста. В случае произнесения обещаний людьми, наделенными властными полномочиями, уровень персональной ответственности адресанта за принятое обязательство является эксплицитно-высоким. Однако неясность содержания обещания и отсутствие четких временных горизонтов его выполнения (незаполненные семантические валентности) могут нивелировать запланированный положительный эффект от использования промиссива.

Пример 1. Имплицитное политическое обещание: «С многодетной мамой Оксаной Алексеевной Лисейцевой я пообщался по вопросам благотворительной деятельности, которую ведет их семья. У нее уже 11 детей! В Год семьи, объявленный президентом, приложу все усилия, чтобы Оксана Алексеевна получила статус «Мать-героиня»», — сообщил по итогам приема граждан Михаил Развожаев, губернатор города, секретарь Севастопольского регионального отделения партии «Единая Россия», проводивший прием граждан, 01.12.2023.

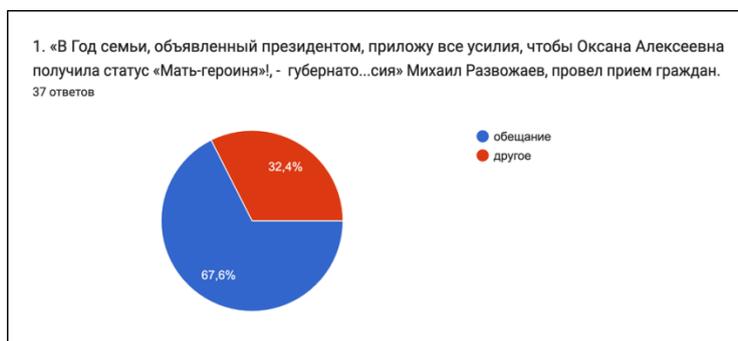

Рис. 1. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 1

В данном примере «приложу все усилия» является лексическим маркером промиссива, смысл которого выводится как готовность сделать все, что только возможно, чтобы достичь поставленной цели. Подразумевается максимальный вклад усилий, энергии и собственных ресурсов для достижения желаемого результата. Таким образом, формально отсутствует, но

подразумевается заполнение валентности содержания обещания, указан пациенс (мать), а также четко определена цель добиться получения статуса «мать-героиня». Дополнительный анализ контекста, учет того факта, что говорящий является административным лицом и имеет возможность предпринять определенные действия для достижения поставленной цели, позволяет сформировать импликацию обещания, что подтверждают результаты опроса (рис. 1).

Пример 2. Имплицитное обещание (буд+inf) в агитационном плакате: «Слышим людей. Сможем сделать. Партия Единая Россия».

В период предвыборной агитации активно используется политическая реклама, формирующая общественное мнение с использованием новых технологий. Обладая характеристиками политического и рекламного дискурсов, политическая реклама характеризуется размыванием критериев институциональности. Имплицитность позволяет передать иллюзию обещания, несмотря на усеченность грамматических конструкций в политических лозунгах.

Рис. 2. Имплицитное политическое обещание

Текст рекламы (рис. 2) большинством респондентов распознан как обещание. Отсутствие глаголов промиссивной семантики не затрудняет инференцию смысла. Имплицитность присутствует как на уровне ответственности («слышим» предполагает наличие диалога, — распределенная ответственность), так и на уровне содержания (адресат ожидает и догадывается, что именно сможет сделать автор), позволяя сформироваться обещанию в импликатуре.

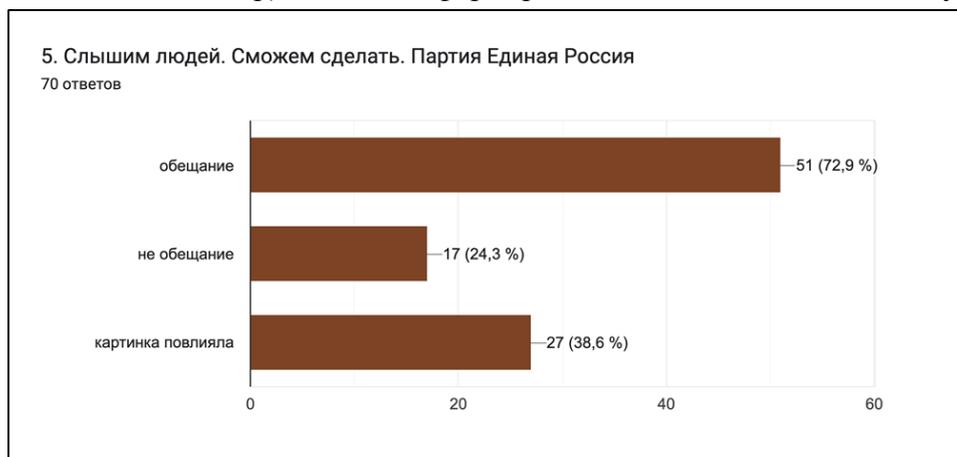

Рис. 3. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2

Влияние полимодальности (использования граффов, в частности приема капитализации,

с написанием узуальных слов прописными буквами, то есть умышленного нарушения нормы с целью привлечения зрительного внимания), а также использование известной личности в качестве объекта рекламы, повлияло на перцепцию данного промиссивного текстотипа в качестве обещания в 39% случаев (рис. 3).

Пример 3. Имплицитное политическое обещание (буд., СВ) в ответной реплике диалога: «... если вы нам напишете конкретное письмо с пожеланиями о тех формах поддержки/ которые мы могли бы оказать/ — обязательно сделаем», встреча министра иностранных дел С.В. Лаврова со студентами БФУ им. И. Канта, 2016 (рис. 4).

Рис. 4. Имплицитное политическое обещание

Абсолютное большинство респондентов отнесли данный текстотип к обещаниям (рис. 5). Имплицитность здесь формируется союзом «если», лексическим маркером промиссива выступает группа «обязательно сделаем». Личность адресанта в данном случае довольно сильно повлияла на распознавание обещания (56%), одновременно снижая имплицитность ответственности и нивелируя имплицитность содержания, создаваемую отсутствием предмета обещания и неопределенностью временной перспективы. Роль невербальных средств, в данном случае фотоотчета, транслирующего жест (на слове «сделаем» карандаш в руке едва заметно опускается, как бы ставя точку), несущественна (17%).

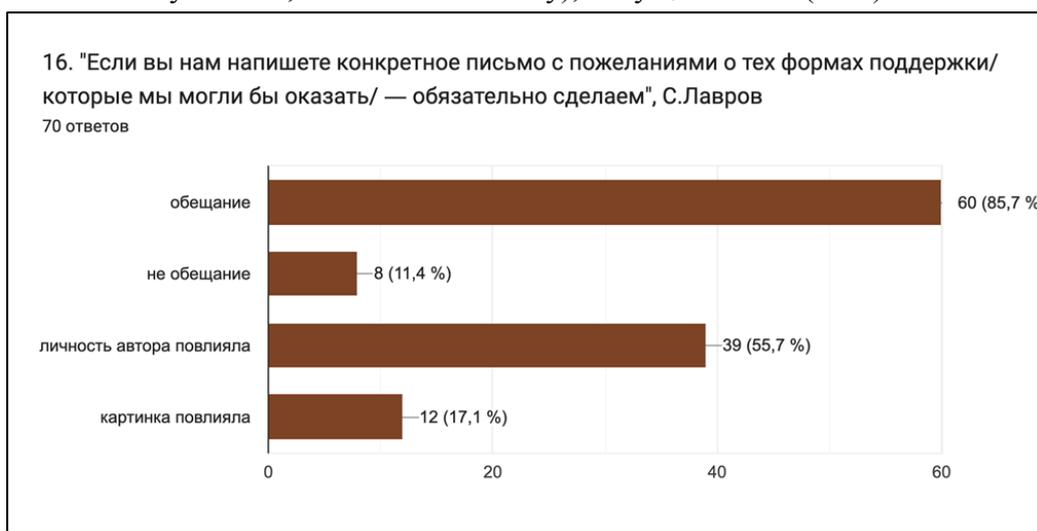

Рис. 5. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2

Имплицитные высказывания позволяют избежать использования глаголов промиссивной группы в пользу более «мягких» конструкций с неопределенной зоной ответственности и

при этом передавать промиссивное намерение говорящего. Такой характер речи может быть связан как с природной внутренней застенчивостью говорящего, так и с «незрелостью» собственно обещания, т.е. к моменту говорения не выполнено одно или несколько подготовительных условий Дж. Серля [11]. Можно предположить также, что современная публичная речь подвержена влиянию европейской речевой моды, а именно прослеживается тенденция к выбору менее категоричных высказываний из ряда возможных синонимов, к сглаживанию углов, к применению политики мягкой силы. Для дипломатического дискурса это само собой разумеется. Использование имплицитности может также являться приглашением к совместной словесной дуэли в среде интеллектуалов. Таким образом, промиссивная интенция, не реализованная эксплицитно в речевом акте, остается латентной. В таких случаях лингвистические характеристики высказывания не позволяют однозначно отделить намерение от обещания. Несмотря на это, мы можем сделать важный вывод о том, что интенция обещания, реализованная имплицитно, будет также обладать иллюкутивной силой обещания. Перлюкутивный эффект данных высказываний (влияние, оказываемое на адресата) будет однако частично отличаться от перлюкуции эксплицитного обещания: с одной стороны, имплицитные обещания также порождают ожидания, с другой стороны — адресату трудно однозначно квалифицировать данное коммуникативное послание и приходится проделывать дополнительную умственную работу по определению значимости для него данного сообщения. Когнитивные способности человека в каждом конкретном случае позволяют либо условно достроить дискурсивную цепочку до уровня высказывания с высокой степенью надежности (приблизив к обещанию), либо остаться в зоне имплицитности (состоянии информационной неопределенности). Подобные прагматические обогащения всегда очень персональны, культуроспецифичны и подвержены влиянию экстралингвистических факторов. В некоторых случаях отношение аудитории к личности субъекта высказывания и его социальному статусу являются определяющими факторами, позволяющими распознать обещание, но не стоит, однако, переоценивать важность данного компонента.

Пример 4. Имплицитное политическое обещание: «Постараемся на этом месте создавать новые общие городские пространства / ну то есть скверы какие-то...», выступление Губернатора Рязанской области Н.В. Любимова, 2017 (рис. 6).

Рис. 6. Имплицитное политическое обещание

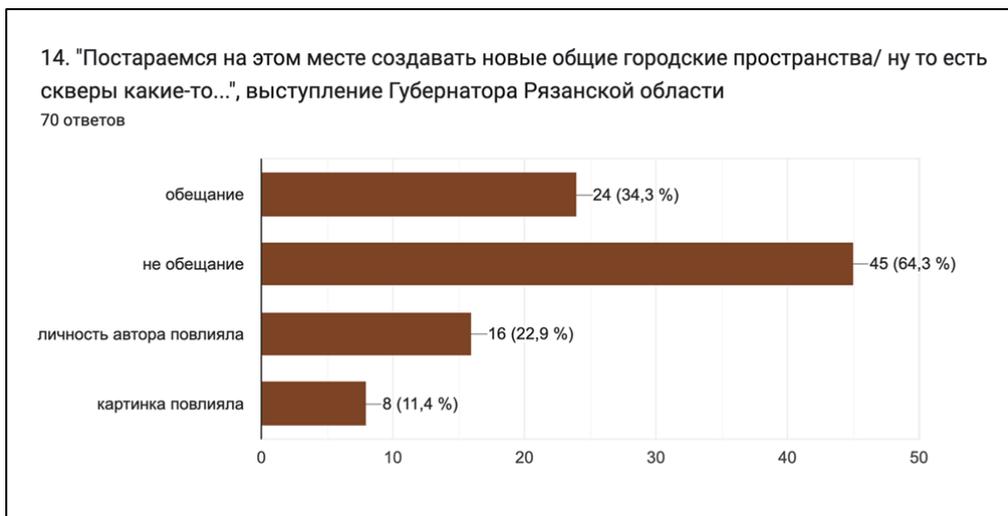

Рис. 7. Имплицитное политическое обещание. Результаты эксперимента 2

На примере 4 (рис. 6, рис. 7) наблюдаем влияние неузуального синтаксиса и отсутствия четких горизонтов планирования на распознавание обещания. Лексема «постараемся» маркирует неуверенность адресанта, блокируя формирование запланированной им имплицитности. Оценивая роль полиmodalности в реализации интенции обещания, можно констатировать, что частотный жест неширокого разведения рук ладонями вверх транслирует промиссивную интенцию адресанта с одновременной неуверенностью в возможности реализации обещанного. Результаты опроса, однако, показывают, что респонденты в большей степени ориентируются на лингвистические характеристики высказывания, чем на зрительную перцепцию.

Интенция обещания в политическом дискурсе присутствует также в высказываниях с использованием глаголов в форме 3 лица будущего времени: «Наша партия обеспечит ...», а также в настоящем времени, в декларативах: «Я поддерживаю строительство, продолжайте».

Заключение и выводы

Проведенный анализ примеров имплицитных обещаний в политическом дискурсе показывает, что в большинстве случаев они представляют собой негармоничные триады, то есть высказывания, изначальным намерением которых является желание использовать силу обещания для воздействия на слушателя в целях реализации какого-то другого намерения адресанта. Реализация интенции обещания в имплицитном виде в политическом дискурсе выявлена в следующих жанрах: в публичных выступлениях, новостных сообщениях, предвыборной агитационной рекламе, публикациях в соцсетях. Грамматически имплицитные обещания в политике реализуются при помощи глаголов в форме 1 или 3 лица будущего времени. Интенция обещания содержится также в декларативах. В последнем случае, однако, без усиления лексическими маркерами реализация промиссивной интенции может блокироваться.

На примере агитационных плакатов подтверждается общая тенденция к размыванию границ институциональности дискурсов.

По результатам эксперимента выделены лингвистические маркеры имплицитного обещания в политическом дискурсе: «приложу все усилия»; «ни при каких обстоятельствах»; «конечно, обязательно+буд. вр.»; «мы готовы»; «я это уже обещал и...» как тактика

продолжения ранее выданного обещания. Неузальный синтаксис и условное наклонение блокируют реализацию промиссивной интенции. Полиmodalность обещания в политическом дискурсе (позы, жесты, звуки, картинки, граффоны) способствует лучшему пониманию истинного намерения адресанта, снижает уровень манипуляции. Однако при распознавании интенции обещания и инференции смысла высказывания ее влияние в количественном выражении уступает лингвистическим показателям.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 1993. М.: Наука. 180 с.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. 1985. М.: Прогресс. С. 217–237.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2017. М.: Ленанд. 308 с.
4. Парфенова Л.В. Актуальные вопросы теории имплицитности с позиций лионской школы дискурсологии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 8 (850). С. 94–105. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_94
5. Cimmino D., Cominetti F. L'italien davvero comme déclencheur de contenus implicite dans le discours persuasif [Электронный ресурс] // Journal de pragmatique. 2023, pp. 84–95. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.2024).
6. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. 2010. London, New York: Longman. 608 p.
7. Hall A., Mazarella D. Pragmatic inference, levels of meaning and speaker accountability [Электронный ресурс] // Journal of pragmatics. 2023, pp. 92–110. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.24).
8. Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite. 1998. Paris: Armand Colin. 404 p.
9. Lombardi Vallauri E. L'implicite comme moyen de persuasion: une approche quantitative, [Электронный ресурс] // Corela, HS–25, 2018. URL: <http://journals.openedition.org/corela/6112>. DOI: <https://doi.org/10.4000/corela.6112> (дата обращения: 30.04.24).
10. Maillat D. Mettre de l'ordre dans vos inférence: limiter la variabilité des inférences pragmatiques [Электронный ресурс] // Journal of pragmatics. 2023, no. 205, pp. 157–168. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (дата обращения: 30.04.24).
11. Searle J. Sens et expression: Etudes de théorie des actes de langage. 1982. Paris: Les Editions de Minuit. 248 p.
12. Saussure (de) L. Parallélisme et linéarité de l'interprétation: remarques sur un cas de causalité implicite // Intellectica. 2005/1, no. 40, pp. 43–62. DOI: 10.3406/intel.2005.1358.
13. Saussure (de) L. Implicatures et métareprésentations en contexte de presse écrite // Revue Tranel. 2006, no. 44, pp. 57–75.
14. Sperber D., Wilson D. La pertinence. Communication et cognition. 1989. Paris: Ed. Du Minuit. 400 p.
15. Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. 2012. URL: <https://retoricaepragmatica.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/deirdre-wilson-dan-sperber-meaning-and-relevance-2012-cambridge-university-press.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

References

1. Vinokur T.G. Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya [Speaker and listener: variants of speech behavior]. 1993. Moscow: Nauka. 180 p. (In Russ.).
2. Grais G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike = New in foreign linguistics*. Vyp. XVI. 1985. Moscow: Progress, pp. 217–237 (In Russ.).
3. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 2017. Moscow: Lenand. 308 p. (In Russ.).
4. Parfenova L.V. Aktual'nye voprosy teorii implitsitnosti s pozitsii lionskoi shkoly diskursologii [Current issues of the theory of implicitness from the point of view of the Lyon school of discourse studies]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021. Vyp. 8 (850), pp. 94-105. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_94 (In Russ.).
5. Cimmino D., Cominetti F. L'italien davvero comme déclencheur de contenus implicite dans le discours persuasif [Elektronnyi resurs] // *Journal de pragmatique*. 2023, pp. 84-95. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.2024).
6. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 2010. London, New York: Longman. 608 p.
7. Hall A., Mazarella D. Pragmatic inference, levels of meaning and speaker accountability [Elektronnyi resurs] // *Journal of pragmatics*. 2023, pp. 92–110. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.24).
8. Kerbrat-Orecchioni C. *L'implicite*. 1998. Paris: Armand Colin. 404 p.
9. Lombardi Vallauri E. L'implicite comme moyen de persuasion: une approche quantitative, [Elektronnyi resurs] // *Corela*, HS–25, 2018. Available at: <http://journals.openedition.org/corela/6112>. DOI: <https://doi.org/10.4000/corela.6112> (Accessed: 30.04.24).
10. Maillat D. Mettre de l'ordre dans vos inférence: limiter la variabilité des inférences pragmatiques [Elektronnyi resurs] // *Journal of pragmatics*. 2023, no. 205, pp. 157–168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-pragmatics/special-issue/10MG77H4P91> (Accessed: 30.04.24).
11. Searle J. *Sens et expression: Etudes de théorie des actes de langage*. 1982. Paris: Les Editions de Minuit. 248 p.
12. Saussure (de) L. Parallélisme et linéarité de l'interprétation: remarques sur un cas de causalité implicite // *Intellectica*. 2005/1, no. 40, pp. 43–62. DOI: 10.3406/intel.2005.1358.
13. Saussure (de) L. Implicatures et métareprésentations en contexte de presse écrite // *Revue Tranel*. 2006, no. 44, pp. 57–75.
14. Sperber D., Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. 1989. Paris: Ed. Du Minuit. 400 p.
15. Wilson D., Sperber D. *Meaning and Relevance* [Elektronnyi resurs] // Cambridge University Press. 2012. Available at: <https://retoricaepragmatica.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/deirdre-wilson-dan-sperber-meaning-and-relevance-2012-cambridge-university-press.pdf> (Accessed: 12.05.2024).

Парфенова Л.В.
Имплицитные обещания в русском политическом
дискурсе
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 8–18.

Parfenova L.V.
Implicit Promises in Russian Political Discourse
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 8–18.

Информация об авторе

Парфенова Лидия Владимировна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Information about the author

Lidia V. Parfenova, PhD student, Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1159-5074>, e-mail: lidova2011@gmail.com

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024

Новые переводы письменных памятников Кавказской Албании: историко-филологический анализ

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Мурадян А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1897-7736>, e-mail: muradyanaa@mgppu.ru

Долгие века история древнейшего государства Восточного Кавказа была предана забвению, не было никаких исследований Кавказской Албании, никаких упоминаний о том, что у албан была своя письменность, что царь Албании чуть ли не первым в мире принимает христианство в качестве официальной религии, хотя об этой стране писали еще греко-римские источники (Страбон, Плутарх, Плиний Старший, Арриан и др. Истории известны войны Албании с Помпеем, Траяном и Александром Македонским. Однако история Кавказской Албании не может уйти в небытие, так как монументальные памятники архитектуры еще стоят в современном Азербайджане, Карабахе, в Эрети и Дагестане. Наша работа будет посвящена анализу некоторых письменных источников и артефактов, содержащих надписи на албанском языке.

Ключевые слова: Кавказская Албания, история Кавказской Албании, кавказско-албанская письменность, артефакты, содержащие письменные памятники, поднос, найденный в Рутульском районе Дагестана, попытка дешифровки албанских надписей.

Для цитаты: Махмудова С.М., Мурадян А.А. Новые переводы письменных памятников Кавказской Албании: историко-филологический анализ [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 19–33. DOI: [10.17759/langt.2024110202](https://doi.org/10.17759/langt.2024110202)

New Translations of Written Monuments of Caucasian Albania: Historical and Philological Analysis

Svetlana M. Makhmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Ayarpi A. Muradyan

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1897-7736>, e-mail: muradyanaa@mgppu.ru

For many centuries, the history of the oldest state in the Eastern Caucasus was forgotten, there were no studies of Caucasian Albania, no mention of the fact that Albanians had their own written language, that the king of Albania was almost the first in the world to adopt Christianity as an official religion, although Greco-Roman sources (Strabo, Plutarch, Pliny the Elder, Arrian and others) wrote about this country. History knows Albania's wars with Pompey, Trajan and Alexander the Great. However, the history of Caucasian Albania cannot fade into oblivion, as monumental monuments of architecture still stand in modern Azerbaijan, Karabakh, Eretia and Dagestan. Our work will be devoted to the analysis of some written sources and artefacts containing inscriptions in Albanian.

Keywords: Caucasian Albania, history of Caucasian Albania, Caucasian-Albanian writing, artefacts containing written monuments, a tray found in the Rutul district of Dagestan, an attempt to decipher Albanian inscriptions.

For citation: Makhmudova S.M., Muradyan A.A. New Translations of Written Monuments of Caucasian Albania: Historical and Philological Analysis. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 19–33. DOI: 10.17759/langt.2024110202 (In Russ.).

It is believed that the borders of Caucasian Albania stretched from the Kura River to the Samur River. However, Samur (the ancient name for Albania) could in no way be the northern border because the Rutuls — one of the main tribes of Caucasian Albania — lived around Samur: the southern Rutuls lived south of the river through Mount Deovgai, the northern ones — north of Samur, the river itself turned out to be in the middle. In addition, there is every reason to believe that not only Lezgin tribes were part of Caucasian Albania. On the territory of modern Azerbaijan, the settlements of the Dzharo-Belokan Avars have survived to this day, in the Tlyaratinsky district of Dagestan there is a place that has retained the name Albania; Pliny the Elder writes about the Didurs who were part of the 26 tribes of Albania [Plinius]. And the Didur / Dido or Tsez are included in the Avar-Ando-Tsez group of languages. Here are some more ancient Avar symbols — petroglyphs:

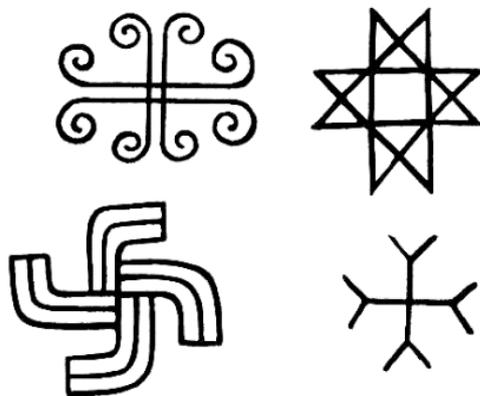

Fig. 1. Ancient Avar petroglyphs

By comparison, here are the Rutul petroglyphs of the Christian period:

Fig. 2. Rutul petroglyphs (Christian period)

Datun church is known too. It is an ancient Christian temple located in modern Shamil Dagestan area where Avarians reside. It was erected in the X — XI centuries¹.

In Dargin villages, petroglyphs indicating Christianity are also found — a stone tablet was found near the village Upper Labkomakhi of the Levashinsky region, on which the alphabet from the Matenadaran manuscript is reproduced, which suggests that the northern borders of Caucasian Albania are not quite correctly established.

Albania (or Caucasian Albania, as it is commonly called to distinguish it from the Balkan countries), is the first country to adopt Christianity under the leadership of the king Urnair in 313 AD. It is interesting that Elisha, the apostle of the brother of Jesus Christ, as early as 70 AD builds the first church, called the "Mother of the Churches of the East", in the village of Kish near the city of Sheki [Palimpsests: xv].

Fig. 3. “Mother of the Churches of the East”

If we bear in mind that this church was built only 37 years after the resurrection of Christ, then the conclusion suggests itself about Caucasian Albania as the source of the spread of Christianity in the East. The apostle *Elisha* stood at the origins of the Christianization of Albania, which is why the Church began to be called Apostolic. The name Elisha was preserved in the Rutul language as *Yerish*. In Rutul name Jesus hasn't been preserved, but there is a word *Иеccu* [Iessi] instead, which has the semantics of "Master" in the modern Rutul language. In the Gospel of Luke, Jesus is addressed this way.

“The history of the scientific study of the Caucasian-Albanian alphabet, created more than one and a half thousand years ago, is less than a century. This alphabet appeared around 422, when Christianity had already become the official religion of Caucasian Albania (the Albanian king

¹ <https://sobory.ru/article/?object=45792>

Urnayr was baptized at the end of the 3rd or the beginning of the 4th century)”, according to T.A. Maysak [13].

On November 30, 1971, the Church of St. Catherine on Mount Sinai burned down, during the repairs a secret room was discovered, in which more than 1100 ancient manuscripts remained intact [Palimpsests: xx]. The Georgian scientist Zaza Aleksidze in 1996 revealed among them palimpsests with an entry in Albanian, designated as N / Sin-13 or M13 and N / Sin-55 or M55). Then, together with Z. Aleksidze, Jost Gippert, Wolfgang Schulze and J-P. Mahe, they put a lot of effort to decipher and interpret the manuscripts. *“The assumption of Aleksidze that we are dealing with a rather old lectionary used in worship, proved to be correct,”* — says W. Schulze.

Attempts to determine the phonetic meanings of Albanian letters were also made by scientists before the discovery of Sinai palimpsests by Z. Aleksidze (A.G. Shanidze, A.G. Abramyan, V.L. Ghukasyan, G.A. Klimov, S.N. Muravyov). However, there is still no established version of the interpretation of the letters. According to T.A. Maysak, *“out of the 52 Caucasian-Albanian letters, the phonetic meanings of 29 letters can undoubtedly be identified ... For the remaining 23 characters, the definition of meanings is less obvious, since they are absent in borrowings and words with Udi equivalents, have no correspondences in Armenian and Georgian alphabets, are rare (three letters are not marked in palimpsests even once), and, besides, some of the “problematic” letters are too similar and not always distinguishable in the manuscript. Most of these 23 letters are supposed to be affricates, velar and uvular fricative, “secondary” (pharyngalized?) vowels and pharyngeal consonants, palatal (palatalized?) stops and sonants, and some others”* [13].

Researchers believe that the "Lezgin character" of the Caucasian-Albanian language *"is beyond any doubt"* [2, p. 20]. According to the opinion of J. Gippert and W. Schulze, the Caucasian-Albanian language from phonological and lexical points of view *“retained the original Lezgin (more precisely: East Samur) features much better than the modern Udi”* [Alikberov: 25; Gippert J., Schulze W.: 207], nevertheless, when decoding the Sinai palimpsests, the Udi language was taken as the defining language.

The Udins lived side by side in the territory belonging to Caucasian Albania with the Rutuls and the Tsakhurs in the west, with the Kryz and the Khinalugs (kets) in the east. And, if we agree with the conclusion of J. Gippert and W. Schulze about the dominant East Samur features of the Albanian written language, then it should be recognized that when analyzing the Sinai palimpsests, one should refer to all languages of the Lezgin subgroup. The study of manuscripts should involve not only Udi, but also other languages of the Lezgin subgroup of the Nakh-Dagestan languages — Rutul, Tsakhur, Kryz, Khinalug, Budukh, Agul, Tabasaran, Lezgin, Archin and, in our opinion, Ingiloy.

This work is an attempt to explain some Albanian inscriptions from the point of view of the Rutul language.

Sheki (in the Rutul language the city of Sheki still has the name Nukha or Nakhudik) is the city where the Rutuls (the Khnov-Borchinsky dialect of the Rutul language) lived and live — one of the tribes of Caucasian Albania, they also owned all the settlements around Sheki — Gakh, Shorsu, Hirsu, Dash-yuz. Kainar, Amsar, Gay-by lakh, Ak-by lakh, Shin, Kish. Nukha (Nakhudik // Sheki) was the capital of the southern Rutul area. The northern area of the Rutul, including 22 villages had Rutul for the capital. Apparently, it was an extensive state formation, since according to the "unique information" of the Armenian Catholicos (898-924) Johannes Draskhanakertsi, he visited *“the possessions of the king of Albania (Shaki-Hereti)”* [3: 145], that is, the possessions of the king of Albania stretched from Sheki to Hereti. It should be noted here that these possessions are called **Gal** by the Rutuls, — this is how the

settlements of Sheki and all the Rutul villages around it, named in this work, are still designated.

The Rutuls and the Tsakhurs (the southern capital — Ilisu, the northern capital — Tsakhur) have stayed in the southern part (modern Azerbaijan) in winter since ancient times, in the summer in the northern part (modern Dagestan), twice a year moving cattle across the pass: cattle grazed in the northern part in summer, and this way, the pastures in the southern part remained untouched, in winter they went to their southern territories, where the cattle got their own food, untouched in the summer. The Rutuls and the Tsakhurs had their villages and their homes here and there, sometimes even these villages were called the same: the village Amsar is both in Azerbaijan and Dagestan, as well as Mishlesh, Kalyal, Mukhakh, and others. In Bash-Mukhakh and Bash-Kalyal, the prefix *bash* "head" (Turkic) means that these villages were the main residences, and the namesake villages on the territory of Dagestan — Kalyal and Mukhakh — were summer residences, dachas, even the architectural appearance of which residents did not attach much importance. This fact also explains why there are so few Albanian monuments on the territory of modern Dagestan. For the Albanians, the Dagestan lands are only alpine pastures, where they brought their cattle for the summer. The Albanians lived, created and built in Albania instead.

The old territory of the Rutuls, called Gal, is a part of the historical territory of the ancient state of Caucasian Albania, which the Rutuls called "**Aran**" (this is how the Rutuls still call the territory of northern Azerbaijan based on the mountains dividing modern Dagestan with Azerbaijan).

This work is an attempt to explain some of the facts of the Albanian language from the point of view of Rutul, since the Rutul language (along with Tsakhur and Udi) is one of the languages that could be the basis of Albanian.

The word *ayoya* in Palimpsest is deciphered as Hallelujah. However, according to the materials of the Rutul language, the conclusion suggests itself that the word should be read as an archaic version of the word *гъдаа* "since; later; from there", which in some dialects of the Rutul language sounds like *hajaa*, since in the Rutul language there is no bow before the vowel [a], as, for example, in Russian: in the Rutul language, the sound [a] can be pronounced with a bow — [ʔa], which means "there is, to have, to be", and without a bow, then the sound acquires the semantics "this, the one that is near the listener". The second sound is the initial of the word *hajaa*. In the word *owpesown*, the part *ow* in the modern Mukhad dialect of the Rutul language passed into the sound [a] or [y], however, the sound [ow] was preserved in the Borchin-Khnov and Ihref dialects, compare *aa сукъус* or *уу сукъус* "sit down, sit on" in the Muhad dialect and *ов сукъус* — in Ihref dialect. In addition, one of the interesting features of the Pralezgin languages should be vowel nasalization, preserved in the Lezgi language, lost by other Lezgi languages. With a given pronoun, we tend to consider the sound [n] at the end of the word *owpesown* as a pronoun that does not have meaningful semantics.

In this case, the part of the sentence *pawlosi hebiy ayoya owpesown* should be translated as **Paul the Apostle then says // will say**. Thus, the word *hebi* is translated as "apostle". The proper name Abiley // Abil // Ebil [Habiley // Habil // Hebil // Habi // Hebi] is widespread in the Rutul language. The semantics of the word is lost, but according to palimpsests, it means "apostle" [31: xxii].

However, if the given lexeme Habiley // Habil // Hebil // Habi // Hebi has, according to Palimpsests, the semantics of the *apostle*, then questions arise about deciphering another translation of the Albanian text. In 1948 (as part of the archaeological expedition of the Museum of the Academy of Sciences of Azerbaijan) on the left bank of the Kura River in the city of Sudagilan on the territory of a destroyed Christian temple of the 7th century, R. M. Vaidov finds a square stone with a text in Albanian [1: 39-40], which also depicts two peacocks facing each other, and between them is the tree of life:

Fig. 4. Two peacocks and the tree of life

A.G. Abrahamyan deciphers the inscription. The decryption is given below:

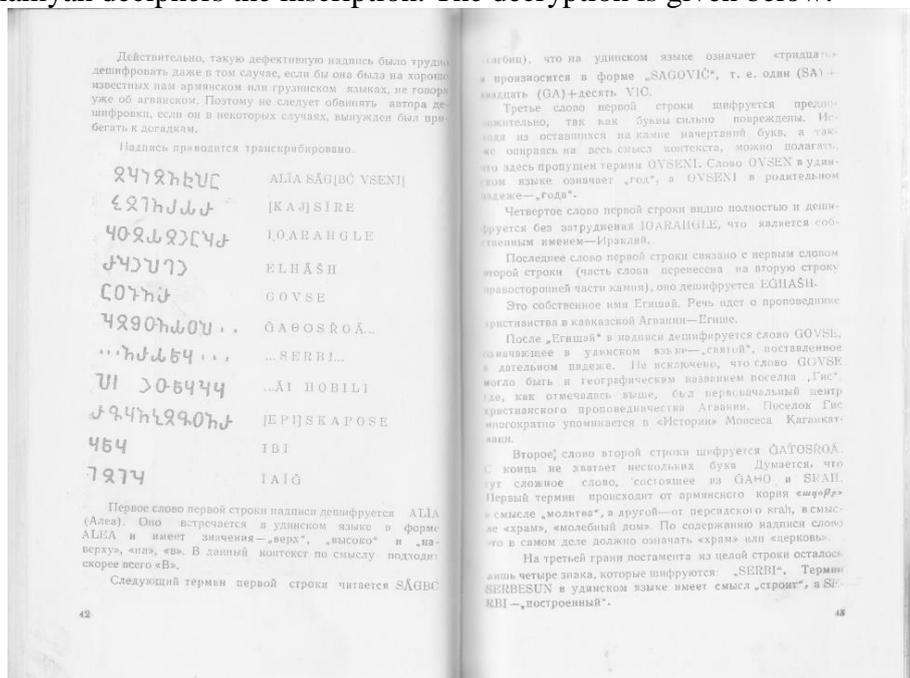

Fig. 5. Decryption

On pages 42-47 of his monograph A.G. Abrahamyan deciphers the inscription on the stone, which comes down to the following:

In the thirtieth [year of the reign] of Heraclius, a temple (in the name of) Saint Egishe (or Egishe Gis) was built ... in memory of Bishop Ovel.

If we take into account the achievements of A.G. Abrahamyan and go further in deciphering, taking into account the grammar of the Rutul language, this inscription is read a little differently:

Алиа сар "*from top to bottom*"

Кайсеpe tsar // *Caesar in the ergative case* (-pe is the ending of the ergative case)

Иракле — Irakli (-e — *the ending of the ergative case*)

Эляс — to the people (Эл — "people", -a — insertion of an indirect stem, -с — the ending of the dative case)

Говсе — Govs / Gos / Gosh / Gish / Kish is the name of the first-capital Christian village in Caucasian Albania, where the Rutuls lived, (-e — the end of in-essev — case denoting being inside)

ГьатЮсро – гьатЮс "*to convey the order through the ambassador*"; -po - pa is the end of the present tense or an imperfective participle.

А — "*this / these; there is*"

Шерби - шер / шегьер — city (-би may be the ending of the plural, which is still present in the Khnov dialect of the Rutul language and in the Tsakhur language. In the Muhad dialect of the Rutul language, this ending later added the element -р: *быр*)

The eighth line of the inscription, given by A. G. Abrahamyan, contains the word ... **ай** with a gap in front of it. We tend to think that the letters **ha** are missing.

Гьяъай — let him/her do / let them do (imperative form with the -й suffix)

нобили — proper name - Гьялбилиий

Ерискапос — As Bishop

Э — to be

Иби — perhaps here the semantics are "to be", then there must be *go*, in any case, the meaning of the sentence implies *go*.

ЙАЙГЪ — day. (In modern Rutul language — *йыгъ*)

Thus, we get quite understandable coherent text:

From above Caesar Heraclius gave the order "In the cities of Kish, let Abiley be made bishop" day.

However, with this interpretation of the text, as well as with the interpretation of A.G. Abrahamyan, the question remains: if **нобили** should be understood as an *apostle* in the Albanian language, as suggested in the deciphering of the Palimpsests, then the translation by A.G. Abrahamyan should be read as "**make the apostle a bishop,**" which is unlikely to correspond to objective reality. In our proposed translation [19] **нобили** is interpreted as Abil — a proper name, perhaps it is rising to the word "apostle".

"The Caucasian-Albanian manuscript does not contain a colophon or any other information that would allow it to be dated unambiguously. The upper limit of dating can be determined by the Georgian layer of the palimpsest, which was created no earlier than the X — XI centuries. An indirect indication of the lower chronological limit is given by the mention of the dinar in John 6: 7 — the name of the coin, which is a hapax and, unfortunately, is not fully read there, looks like zaizowzn'a" [Maysak]. Further, the author writes that W. Schulze traces the name of the dinar to the name of the Byzantine emperor Moesia, or the name of Mzhezhi Giuni, the Western Armenian king whose name could be reflected in the name of the coin. In our opinion, the given word requires further analysis, since in the Rutul language the name of money is preserved — шигъи [shih], and the phonetic appearance of the word cannot in any way be related to the above interpretation, especially as the word is hapax, which does not provide other evidence of the given interpretation.

The problem of deciphering Albanian epistles is currently attracting close attention of historians and linguists in connection with the Sinai palimpsests introduced into scientific use and new

searches in the field of Albanian studies.

We published earlier a photo of a copper tray with undoubtedly Albanian inscriptions and symbols, found in Rutul [19]:

Fig. 6. Copper tray

Third figure depicts a Griffin — an ancient symbol of a victorious ruler, it guards some secret knowledge and the path to immortality, represents the sun.

Fourth figure is the so-called Moon chariot depicted on the seal of the king of Albania Asvagen, however, science knows this symbol in the following form:

Fig. 7. Moon chariot

The "Rutul" version of the Lunar Chariot is slightly different from the one given.

Fifth figure is an incomprehensible sign, similar to the Tree of Life.

Sixth figure is an ancient symbol, now known as the Star of David, however, it is found in many places in the historical territory of Caucasian Albania, as well as throughout the world.

All these symbols have a sacred meaning — the connection of two worlds, the heavenly and the underworld, power over earth and heaven, the star of Isis, the personification of the god Ra, etc. And their appearance all together was supposed to mean a symbol of power. In our opinion, this tray had a meaning itself, since the letters on it are also not very clear.

R. Lolua, a well-known Georgian expert on ancient Caucasian writing, kindly agreed to analyze the inscription, he says: “As for the inscription: yes, **these are indeed Albanian letters** (emphasis added – S. M). *The phonetic meanings of the Albanian letters are as follows (starting from a letter similar to the Latin S): з - н - о - ч - ? (horizontal eight — a symbol of infinity?) - чь (velarized) - ль - оь (pharyngealized) — (symbol of infinity?) - w (short y — the second part of the digraph, denoting the sound y) - ц - р - (symbol of infinity?) — the letter of the Matenadaran manuscript No. 7117 called "tea" (not found in palimpsests) — "джаѡ" (not found in palimpsests) - c - nI or a - u.*

There is no meaningful text. It seems to me that there is some kind of symbolism. Note that the letters in the upper part are grouped according to the principle of three by three and are highlighted with characters similar to the "horizontal eight". There are also nine characters at the bottom. The images are also interesting — they can be the key to reading. It seems to me that they can be Christian symbols. The griffin can symbolize evil (although it may well be a Sassanian sign), a staircase with a tree on the left side can symbolize Calvary, the sign of David is also used in Christianity. I am not familiar with the upper sign (the symbol of the Holy Trinity?)” (From private correspondence).

Academician W. Schulze, Professor of the Department of General Linguistics named after Ludwig-Maximilian at the University of Munich, a specialist in the Udi language, which is considered the literary language of Caucasian Albania, a recognized specialist in Albanian writing, who was part of the group of researchers of the Sinai palimpsests, together with the Georgian academician Z. Aleksidze, the French linguist Mahe and Gippert, also deciphered the inscription on the plate, however, he doubted the authenticity of the inscription.

Professor W. Schulze writes:

I have tried to read it in Old Armenian, Old Georgian and Caucasian Albanian. The alphabet of neither Armenian nor Georgian, however, offer enough correspondences to interpret the lines accordingly. As for Caucasian Albanian, things are slightly different: In fact, one might try transliterating the signs accordingly. The result would look somehow alike the following (see picture below).

TOP # (left-to-right) *ž_v_ś_k'_?_?_Ś_čj'_o_n_?_Š_p'_d^jof_l^j/ć_c^j_ś_r*

You will immediately see that in which direction soever you try reading this line: It hardly represents something like sensible language. There are simply too few vowels in there (in fact only one). Even if we assume that the text has been written (in the Arabic tradition) without vowels, all this doesn't make sense at all.

Another point is worth being mentioned: The letters come rather close to the highly distorted signs in the Caucasian Albanian alphabet list. The form of these signs is documented only in this alphabet list (manuscript copy of the 14th century or so). The original signs as documented in the Caucasian Albanian palimpsests and stone inscriptions differ considerably from the form of these letters in the alphabet list. Given the fact that the alphabet list is quite known also by local artists or so, we can assume that the person who has produced the letters on the plate has simply referred to the letters of this list for either ornamental purpose or in order to produce a fake (since the discovery of the first Caucasian Albanian inscriptions (in 1948) there have been some fakes like that ben produced especially in Southern Dagestan.

As a conclusion I would dare saying that the inscription on the plate is not something ,old '(or Caucasian Albanian), but something that has been produced more recently. This goes together with the rather fictitious ornaments and symbols in the middle of the plate. I do not know of any parallel emblematic patterns documented for Early Medieval times in the Caucasus.) (From private correspondence).

To his answer, prof. W. Schulze also attached a transliteration of the inscription:

Fig. 8. Schulze's transliteration

Both experts agree on one thing — the inscription is undoubtedly made in Albanian letters, and even if it is a fake, then it belongs somewhere in the XIV century, as it was previously dated by prof. W. Schulze.

The arguments in favor of the authenticity of this inscription are as follows: the Rutuls, who this tray belonged to, are one of the Albanian peoples, until the nineties of the twentieth century they still used their historical lands in modern Azerbaijan as their pastures, and they still live there. In this case, did they have a need in the XIV century to prepare fictitious documents, while even the Albanian Apostolic Autocephalous Church was liquidated by the tsar's decree much later — during the Caucasian War, in 1836?

The second argument: the tray was found in a deplorable state — all covered in green rust, as happens with copper objects (Figure 9), only later it was cleaned in the most barbaric way — using a welding flame. This allows us to think that even if the inscription in the Old Albanian language is a fake, then it was done several centuries ago, since modern Rutuls until very recently did not remember that they had a written language, as well as that they had such a powerful state, and even more so they could not write letters. The conclusion is that either it is original and not a fake, and then the inscription refers to the most ancient, old Albanian, period of the written tradition, or — in the XIV century the Rutuls still owned the original Albanian script and knew the alphabet.

Fig. 9. Green rust

We tried to decipher this inscription on the basis of the Rutul language, as it was found on the territory where the Rutuls lived. Considering that the inscription consists of only consonants, it should be concluded that this is a form of ancient writing, when vowels were omitted. However, one vowel — **O** —

is given in the inscription, apparently, being important for understanding the meaning of what is written. Our version of deciphering gives reason to assume that the infinity sign, which is present three times in the inscription, means only the statement of what was said, as if a seal, the fastening of what was said.

The first three letters — *ž _ v _* — can mean *зов* — an archaic form of the pronoun of the 1st person "I" in the nominative or ergative case, since not all dialects of the Rutul language have a personal pronoun in the form of an ergative case, as, for example, in *Ihrek*. Letters *cj _ _ s r*, in the end of the inscription may mean *кайсар* "king, ruler", a word spoken in Rutul with abruptive to I of . 8 - j / h, 9 - o and 10 - n / r can mean *Чор* — the ancient Albanian name of Derbent, which for some time was the capital of Albania, in the Rutul language the ancient name of Derbent in the *Джал* transcription was preserved. The rest of the inscription cannot be deciphered yet.

The first tray (Figure 9), was found in a burial ground, the other — (Figure 10) (and also roughly treated with a flame (Figure 11)), was found during the repair of the Mukhrek mosque, known as the oldest Muslim mosque in the entire Caucasus, however, these artifacts lead to the conclusion that the mosque was built even earlier and before that still served as a church.

Fig. 10. Tray

Fig. 11. Tray

This tray also has two easily distinguishable inscriptions on the top and bottom of the equilateral cross in the middle (Figure 12), where the letters are more similar to the Phoenician or Greek [23: 227], there are also early Christian symbols — a sign of a ladder and a cross in a circle.

Fig. 12. Two inscriptions

R. Lolua says that "Despite the presented material, there is reason to believe that the Udi

language is not a “descendant” of the Caucasian-Albanian dialect in which Albanian textual and epigraphic monuments were created ...” [11].

“Due to its very tragic fate, the Albanian cultural heritage with its ancient writing, autocephalous church tradition that claimed to be of apostolic origin, many temples not only in the Eastern Caucasus, but also Jerusalem, educational centers and original book culture, monuments of architecture and archeology, etc. deserves a much more delicate, careful attitude towards itself,”
А.К. Аликберов says [2: 24].

Литература

1. *Абрамян А.Г.* Дешифровка надписей кавказских агван. 1964. Ереван: Митк. 96 с.
2. *Аликберов А.К.* Кавказская Албания и лезгинские народы // *Albania Caucasia: сборник статей.* 2015. М.: Институт востоковедения РАН. 270 с.
3. *Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. 1987. Ереван: Издательство АН Армянской ССР. 304 с.
4. *Арриан.* Поход Александра. 1962. М., Л.: Изд-во АН СССР. 394 с.
5. *Гаджиев М.С.* Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты // *Albania Caucasia: сборник статей.* 2015. М.: Институт востоковедения РАН. 270 с.
6. *Иеромонах Алексей (Никоноров).* История христианства в Кавказской Албании. 2012. Махачкала: Эпоха. 190 с.
7. *Киракос Гандзакец.* История / Перевод с древнеармянского Т. Тер-Григорьяна. 1946. Баку: Изд-во Азербайджанской АН СССР. 302 с.
8. *Климов Г.А.* Вопросы дешифровки агванского (кавказско-албанского) письма // *Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки: сборник статей.* 1976. М.: Прогресс. С. 444-446.
9. *Климов Г.А.* Агванский язык // *Языки мира. Кавказские языки.* 1999. М. С. 459-460.
10. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент / отв. ред. Г.Г. Гамзатов. 1982. М.: Наука. 184 с.
11. *Лолуа Р.* Проблемы современной албанологии // *Удинский сборник. Грамматика. Лексика. История языка.* 2008. М.: Academia. С. 380-431.
12. *Лолуа Р.* Вопросы структуры кавказско-албанского языка: автореф. дисс. ... докт. филологии. 2010. Тбилиси. 70 с.
13. *Майсак Т.А.* К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // *Вопросы языкознания.* 2010. № 6. С. 88-107.
14. *Мамедова Ф.Д.* К вопросу об албанском (кавказском) этносе Востока // *Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права.* 1989. № 3. С. 108-117.
15. *Мамедова Ф.Д.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. 1986. Баку: Элм. 284 с.
16. *Мамедова Ф.Д.* Кавказская Албания и албаны. 2002. Баку: Центр Исследований Кавказской Албании. 818 с.
17. *Марр Н.Я.* Албанская надпись // *КСИИМК.* 1947. С. 7-14.
18. *Махмудова С.М.* It is my cross // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* 2015. Vol. 6, no. 6, pp. 236-242.
19. *Махмудова С.М.* Новые албанские и армянские надписи, найденные на территории Дагестана // *Историко-культурный вклад армян Гардмана и Ширвана (история и современность). Республиканский симпозиум (Ереван, 29-30 апреля 2016). Доклады и тезисы докладов.* 2016. Армения. С. 123-124 (в соавторстве с А. Акопяном).
20. *Мовсес Каланкатуац.* История страны Алуанк / Перевод с древнеармянского,

- предисловие и комментарии Ш.В. Смбатьяна. 1984. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. 257 с.
21. Орбели И. Надписи Гандзасара и навоцпутика. 2016. Ереван: Нор Тпагрич. 214 с.
22. Страбон. География: в 17-ти кн. / Перевод Г.А. Стратановского. 1964. Л., М.: Наука. 957 с.
23. Тарумян Р.Х. Влияние приемов письма на формирование графем и происхождение агванского алфавита // *Albania Caucasia*: сборник статей. 2015. М.: Институт востоковедения РАН. 270 с.
24. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э. 1959. М., Л.: Изд-во АН СССР. 391 с.
25. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия института языка, истории и материальной культуры им. Акад. Н.Я. Марра. 1938. Тбилиси. № 4, ч. 1. С. 1-68.
26. Шнирельман В.А. Албанский миф // Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. 2003. М.: ИКЦ «Академкнига». 591 с.
27. Эняят-олла Реза. Азербайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания). 1982. Тегеран: Издательство «Иран-замин».
28. Aleksidze Z., Mahé J.-P., Gippert J., Schulze W. (in preparation). The Caucasian-Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation // *Monumenta Paleographica Medii Aevi*. Turnhout: Brepols.
29. Plinius. *Naturalis Historia*. VI: 29.
30. Schulze W. Towards a history of Udi / G. Authier, B. Balci (eds.) // *Papers of the IFEA Round Table on the languages of the Caucasus*. 2003. Istanbul.
31. Gippert J., Schulze W. Some remarks on the Caucasian Albanian palimpsests, p. 207.
32. Известия греческих и римских писателей о Кавказе / Собрал и перевел с подлинников К. Ган. Часть 1. От Гомера до 6 столетия по Р.Х. 1884. Тифлис: Типография Канцелярии Главнокомандующего гражданскою частью на Кавказе.

References

1. Abramyan A.G. *Deshifrovka nadpisei kavkazskikh agvan* [Deciphering the inscriptions of the Caucasian Agvans]. 1964. Erevan: Mitk. 96 p. (In Russ.).
2. Alikberov A.K. *Kavkazskaya Albaniya i lezginские народы* [Caucasian Albania and Lezgi peoples]. *Albania Caucasia: sbornik statei* [Albania Caucasia: collection of articles]. 2015. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 270 p. (In Russ.).
3. Akopyan A.A. *Albaniya-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmyanskikh istochnikakh* [Albania-Aluank in Greek-Latin and Ancient Armenian sources]. 1987. Erevan: Publ. AN Armyanskoi SSR. 304 p. (In Russ.).
4. Arrian. *Pokhod Aleksandra* [Alexander's campaign]. 1962. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR. 394 p. (In Russ.).
5. Gadzhiev M.S. *Kavkazskaya Albaniya i Dagestan: istoriko-geograficheskii i administrativno-politicheskii aspekty* [Caucasian Albania and Dagestan: historical-geographical and administrative-political aspects]. *Albania Caucasia: sbornik statei* [Albania Caucasia: collection of articles]. 2015. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 270 p. (In Russ.).
6. Ieromonakh Aleksii (Nikonorov). *Istoriya khristianstva v Kavkazskoi Albanii* [History of Christianity in Caucasian Albania]. 2012. Makhachkala: Epokha. 190 p. (In Russ.).
7. Kirakos Gandzaketsi. *Istoriya* [History]. *Perevod s drevnearmyanskogo T. Ter-Grigor'yana*. 1946. Baku: Publ. Azerbaidzhanskoi AN SSSR. 302 p. (In Russ.).
8. Klimov G.A. *Voprosy deshifrovki agvanskogo (kavkazsko-albanskogo) pis'ma* [Issues of

- deciphering the Agvan (Caucasian-Albanian script]. *Tainy drevnikh pis'men. Problemy deshifrovki: sbornik statei* [Secrets of ancient scripts. Problems of decipherment: collection of articles]. 1976. Moscow: Progress, pp. 444-446 (In Russ.).
9. Klimov G.A. Agvanskii yazyk [Agvan language]. *Yazyki mira. Kavkazskie yazyki = World languages. Caucasian languages*. 1999. Moscow, pp. 459-460 (In Russ.).
10. Kudryavtsev A.A. Drevnii Derbent [Ancient Derbent]. In G.G. Gamzatov (ed.). 1982. Moscow: Nauka. 184 p. (In Russ.).
11. Lolua R. Problemy sovremennoi albanologii [Problems of modern Albanology]. *Udinskii sbornik. Grammatika. Leksika. Istoriya yazyka* [Udi Compendium. Grammar. Lexicon. History of language]. 2008. Moscow: Academia, pp. 380-431 (In Russ.).
12. Lolua R. Voprosy struktury kavkazsko-albanskogo yazyka: avtoref. diss. ... dokt. filologii. [Issues of Caucasian-Albanian language structure. Dr. Sci. (Philology) diss.]. 2010. Tbilisi. 70 p. (In Russ.).
13. Maisak T.A. K publikatsii kavkazsko-albanskikh palimpsestov iz Sinaiskogo monastyrya [Towards the publication of Caucasian-Albanian palimpsests from the Sinai Monastery]. *Voprosy yazykoznaniiya = Topics in the study of language*. 2010. № 6, pp. 88-107 (In Russ.).
14. Mamedova F.D. K voprosu ob albanskom (kavkazskom) etnose Vostoka [To the question of the Albanian (Caucasian) ethnos of the East]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR = News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series of history, philosophy and law*. 1989. № 3, pp. 108-117 (In Russ.).
15. Mamedova F.D. Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoi Albanii [Political history and historical geography of Caucasian Albania]. 1986. Baku: Elm. 284 p. (In Russ.).
16. Mamedova F.D. Kavkazskaya Albaniya i Albany [Caucasian Albania and Albanians]. 2002. Baku: Tsentr Issledovaniya Kavkazskoi Albanii. 818 p. (In Russ.).
17. Marr N.Ya. Albanskaya nadpis' [Albanian inscription]. *KSIMK*. 1947, pp. 7-14 (In Russ.).
18. Makhmudova S.M. It is my cross. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, no. 6, pp. 236-242.
19. Makhmudova S.M. Novye albanskije i armyanskije nadpisi, naidennye na territorii Dagestana [New Albanian and Armenian inscriptions found on the territory of Dagestan]. *Istoriko-kul'turnyi vklad armyan Gardmana i Shirvana (istoriya i sovremennost')*. Respublikanskii simpozium (Erevan, 29-30 aprelya 2016). *Doklady i tezisyy dokladov* [Historical and cultural contribution of the Armenians of Gardman and Shirvan (history and modernity). Republican Symposium (Yerevan, 29-30 April 2016). Reports and abstracts]. 2016. Armeniya, pp. 123-124 (co-authored with A. Akopyan). (In Russ.).
20. Movses Kalankatuatsi. Istoriya strany Aluank [History of the country of Aluank]. *Perevod s drevnearmyanskogo, predislovie i kommentarii Sh.V. Smbatyana*. 1984. Erevan: Publ. AN Armyanskoi SSR. 257 p. (In Russ.).
21. Orbeli I. Nadpisi Gandzasara i havotsptuka [Inscriptions of Gandzasar and Havotsptuk]. 2016. Erevan: Nor Tpagrich. 214 p. (In Russ.).
22. Strabon. Geografiya: v 17-ti kn. [Geography: in 17 books]. *Perevod G.A. Stratanovskogo*. 1964. Leningrad, Moscow: Nauka. 957 p.
23. Tarumyan R.Kh. Vliyanie priemov pis'ma na formirovanie grafem i proiskhozhdenie agvanskogo alfavita [Influence of writing techniques on the formation of graphemes and the origin of the Agvan alphabet]. *Albania Caucasica: sbornik statei* [Albania Caucasica: collection of articles]. 2015. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 270 p. (In Russ.).
24. Trever K.V. Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoi Albanii IV v. do n.e. — VII v. n.e. [Essays on the History and Culture of Caucasian Albania IV c. BC — VII c. AD]. 1959. Moscow, Leningrad: Publ. AN SSSR. 391 p. (In Russ.).

25. Shanidze A.G. Novootkrytyi alfavit kavkazskikh albantsev i ego znachenie dlya nauki [Newly discovered alphabet of Caucasian Albanians and its importance for science]. *Izvestiya instituta yazyka, istorii i material'noi kul'tury im. Akad. N.Ya. Marra = News of the Institute of Language, History and Material Culture named after Acad. of N.Y. Marr*. 1938. Tbilisi. № 4, ch. 1, pp. 1-68 (In Russ.).
26. Shnirel'man V.A. Albanskii mif [Albanian myth]. *Voiny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e = Memory Wars. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. 2003. Moscow: IKTs «Akademkniga». 591 p. (In Russ.).
27. Enayat-olla Reza. Azerbaidzhan i Arran (Aturpatakan i Kavkazskaya Albaniya) [Azerbaijan and Arran (Aturpatakan and Caucasian Albania)]. 1982. Tegeran: Publ. «Iran-zamin». (In Russ.).
28. Aleksidze Z., Mahé J.-P., Gippert J., Schulze W. (in preparation). The Caucasian-Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation // *Monumenta Paleographica Medii Aevi*. Turnhout: Brepols.
29. Plinius. *Naturalis Historia*. VI: 29.
30. Schulze W. Towards a history of Udi / G. Authier, B. Balci (eds.) // *Papers of the IFEA Round Table on the languages of the Caucasus*. 2003. Istanbul.
31. Gippert J., Schulze W. Some remarks on the Caucasian Albanian palimpsests, p. 207.
32. *Izvestiya grecheskikh i rimskikh pisatelei o Kavkaze [News of Greek and Roman writers about the Caucasus]*. Sobral i perevel s podlinnikov K. Gan. Chast' 1. Ot Gomera do 6 stoletiya po R.Kh. 1884. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze (In Russ.).

Информация об авторах

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Мурадян Айарпи Андраниковна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1897-7736>, e-mail: muradyanaa@mgppu.ru

Information about the authors

Svetlana M. Makhmudova, Doctor in Philology, Professor, Department “Linguodidactics and Intercultural Communication”, Institute “Foreign Languages, Modern Communication and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Ayarpri A. Muradyan, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department “Linguodidactics and Intercultural Communication”, Institute “Foreign Languages, Modern Communication and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1897-7736>, e-mail: muradyanaa@mgppu.ru

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024

Ономатопеическая и эрративная лексика как текстообразующее лингвокреативное средство массмедиа

Тарасова М.С.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1792-6187>, e-mail: mariannatarasova@gmail.com

Статья посвящена лингвокреативным особенностям языка СМИ. Автором проанализированы приемы языковой игры, основанные на эрративном словотворчестве и ономатопее. Выявлено, что использование подобных лексических единиц усиливает коммуникативное воздействие на аудиторию и аттракцию. Использовались методы наблюдения, словообразовательного и стилистического анализа, критический анализ медиадискурса, нацеленной выборки окказиональных единиц, эрративов, описательный. В качестве результата исследования представлены типы ономатопеических окказиональных единиц как лингвокреативного текстообразующего средства, в их числе охарактеризованы эрративы. Установлены функции этих единиц в программе про жизнь столичного кота Бублика на канале «Москва 24».

Ключевые слова: лингвокреативность, языковая игра, играма, ономатопея, эрратив, язык СМИ, кот Бублик.

Для цитаты: Тарасова М.С. Ономатопеическая и эрративная лексика как текстообразующее лингвокреативное средство массмедиа [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 34–42. DOI: [10.17759/langt.2024110203](https://doi.org/10.17759/langt.2024110203)

Onomatopoeic and Errative Vocabulary as a Text-Forming Linguo-Creative Means of Mass Media

Marianna S. Tarasova

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1792-6187>, e-mail: mariannatarasova@gmail.com

The article is devoted to the linguistic and creative features of the media language. The author analyzes language game techniques based on errative word creation and onomatopoeia. It was revealed that the use of such lexical units enhances the communicative impact on the audience and attraction. Methods of observation, word-formation and stylistic analysis, critical analysis of media discourse, targeted sampling of occasional units, erratives, and descriptive were used. As a result of the study, types of onomatopoeic occasional units as a linguo-creative text-forming

means are presented, among them erratives are characterized. The functions of these units were established in the program about the life of the capital's cat Bublik on the channel "Moscow 24".

Keywords: linguistic creativity, language game, gameme, onomatopoeia, errative, media language, cat Bublik.

For citation: Tarasova M.S. Onomatopoeic and Errative Vocabulary as a Text-Forming Linguo-Creative Means of Mass Media. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 34–42. DOI:10.17759/langt.2024110203 (In Russ.).

Введение

Лингвокреативность в текстах СМИ служит для передачи коммуникативной интенции, усиления воздействия на адресата [14; 15]. Используемые при этом приемы языковой игры повышают экспрессивность речи, в том числе за счет сознательного нарушения авторами медиатекстов языковой нормы. Согласимся с Т.П. Крановой, что «языковая игра многофункциональна» и в текстах современных СМИ выполняет разнообразные функции: комическую, развлекательную, гедонистическую, характерологическую, фатическую, аттрактивную, компрессивную, смыслообразующую, выразительную, эстетическую, экспрессивную (воздействующую), дискредитирующую и оценочную [8, с. 5]. Нами также ранее рассматривалась лексическая креативность медийных текстов, направленная на привлечение внимания аудитории в рекреационных и развлекательных целях [13].

Языковая игра, в том числе в текстах СМИ, является предметом заинтересованного изучения как отдельных лингвистов, так и екатеринбургской школы «Лингвистика креатива». Как отмечает И.Т. Вепрева, лексическая сфера стала «самым чутким барометром, реагирующим на социальные изменения» [2, с. 116], что находит свое отражение в «массовом лингвокреативе», играющем в жизни современного человека не только «лингвистическую, но и социальную и культурологическую роль» [11, с. 287]. Прагматику кодов языковой игры в рекламе, медиатекстах и интернет-коммуникации текста в своих работах исследует Т.А. Гридина [3; 4; 5] и представители сформированной ученым научной школы.

Использование ономатопеи и эрративов при создании языковой игры в медиатекстах

В настоящей работе продолжим изучение в текстах СМИ языковой игры, связанной с использованием игром, эрративной лексики и ономатопеи. Материалом для исследования послужили тексты развлекательной программы про жизнь столичного кота Бублика на канале «Москва 24». Это около ста выпусков, в которых ведущий кот Бублик делится с москвичами полезными советами и новостями из жизни города. Тематически они подразделяются на три основных блока: «*Мрр вашему дому!*», «*Лучший город мрра*», «*Котейка рубль бережет*». Материал в исследованных нами видеороликах преподносится легко, с юмором, на «кошачьем» языке, хотя темы сюжетов важны для горожан: финансовая грамотность, реновация, транспортная инфраструктура, медицинское обслуживание и проч. Поддерживает развлекательный характер программы и формат видеоизображения: «целиком анимированный выпуск, или комбинированные съемки (расположение мультипликационного героя-ведущего в необходимых по сюжету локациях города)» [13, с. 341]. Программа имеет короткий

хронометраж, в среднем 35–40 сек., что отражает и общую концепцию эфирной сетки канала «Москва-24», который использует в основном такие (короткие) формы контента (15–45 минут) и в течение дня активно задействует повторы [9, с. 195].

Как мы отметили выше, ведущий *кот Бублик* разговаривает со зрителем «кошачьим» языком, который создается авторами программы с помощью сочетания таких лексических средств, как эрративы и ономатопы. Термин «эрратив» (от лат. *errare* в значении «ошибаться»), введенный Г. Гусейновым, означает слово или выражение, подвергнутое нарочному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта [19] воздействия, создания заинтересованности, вовлечения в языковую игру. Ономатопея подразумевает словотворчество, связанное со звукоподражанием, фонетическим уподоблением окказиональных единиц неречевым звукокомплексам [10], в том числе наподобие «языка» животных. Согласимся с Э.В. Эрдниева, что в русском языке звукоподражания — активные участники словообразовательных процессов, т. к. являются производящей основой для различных частей речи [18].

Видеоролики про кота Бублика выходят с субтитрами, поэтому зритель может быть уверен, что не ослышался, заметив необычное слово. Для нашего исследования это также полезно, т. к. нередко игры в речи кота-ведущего оформлены с использованием графикации: ***Я это КОТегорически одобРМЯУ!; ПоздравьМЯУ!***

Рассмотрим примеры употребления в исследованном материале ономатопеической окказиональной лексики. Поскольку ведущий программы «по происхождению» *кот*, то очевидно, что в составе текстов развлекательной программы использованы игры, базирующиеся на звукоподражании классическим кошачьим «мяу» и «мур»:

(1) *Я открыл портал! «Активный гражданин» — тут каждый может выразить свое мнение по всяким названиям! Ну, держись, Мяусква! Переименовать Котельники в КОТейники, станцию Беговую в Тыгыдовскую. А Фили... В Филе! Желательно куриное! К уголовному розыску вопросов нет. МУР-р-р — это всегда хорошо!*

(2) *Вот блин! Все они облагородили! И ЦАО, и ЗАО, и ЮВАО. А кто облагородит МЯО? Я тоже мяусквич! Мне положена набережная...вокруг миски. И современный фудкорт, сколько можно с пола есть?! И почему у меня в лотке опилки?*

(3) *Все. Включаю главное чувство мяусквича — чувство собственного достоинства. Звоню в диспетчерскую ругаться!*

Игры «*Мяусква*» и «*мяусквич*» подчеркивают столичное происхождение Бублика (в пресуппозиции: хозяйка Наташа взяла его в одном из приютов города) и по-кошачьи хозяйское отношение к своей территории (ср.: *Мы, москвичи, всем рады. Пусть только паспорт получит... Ветеринарный* [о новом питомце Наташи, собаке Зефирке]).

Языковая игра омофонов: звукоподражание «мур» и аббревиатура МУР – Московский уголовный розыск (*К уголовному розыску вопросов нет. МУР-р-р — это всегда хорошо!*), к которому у добропорядочного и законопослушного жителя столицы не должно быть вопросов.

(4) Бублик: *Прощай, дорогой друг! Мне будет тебя не хватать!* [смотрит в пустую миску]

Наташа: *Ну все, Бублик. Импортный корм закончился, переходим на российский.*

Бублик: *Блин, страшновато... А буду выпендриваться, могут и меня импортозаместить.*

Я ж шотландец. Эх, была не была! Мы и не таких едали. [Ест] Ой! Сосисочненько... вполне себе колбасытненько, и даже... Фуа-грандиозно! А ведь работает импортозамурчение!

Композит *«импортозамурчение»* – пример языковой игры с актуальной лексикой современного периода. Тема санкций и импортозамещения — одна из наиболее востребованных в массмедийном дискурсе последних лет, в том числе и с точки зрения словообразования [12]. Соответственно, «импортозамещение» можно назвать «ключевым словом текущего момента» (понятие предложено Т. В. Шмелевой), что делает его «объектом активной и массовой языковой рефлексии» [17]. В данном случае сложное слово *«импортозамурчение»*, благодаря внедрению звукоподражательной части, приобретает особенную позитивную окраску: новый российский корм не только может заменить импортный, а он даже ‘очень вкусный’. Это подчеркивается контекстом, в котором используются окказиональные композитные наречия *«сосисочненько»*, *«колбасытненько»* и *«фуа-грандиозно»*, имеющие положительную «деликатесную» коннотацию. Считается, что коты от удовольствия, в том числе от вкусной еды, мурчат. Таким образом, *«импортозамурчение»* создает «у реципиента яркий акустический образ» [16], чтобы продемонстрировать, по замыслу авторов текстов, что новый российский корм очень понравился Бублику.

Подобный акустический образ представлен и в следующем контексте:

(5) Диктор в телевизоре: *В районе Ясенево откроют новый рекреационный центр. Площадки для йоги, боксерские груши и скалодром...*

Бублик спал на диване, вскочил: *ЧТО? Я возмуричен! Площадка для йоги? Москвичи, да вас прогнуть пытаются!* [стоит, прогнув спину] *Боксерские груши?* [на лапках боксерские перчатки] *А где боксерские яблоки?* [стучит лапой в перчатке по яблоку] *Еще и скалодром!* [лезет вверх по шторе] *Да мы от ваших идей уже на стенку лезем! Ладно, нормальный центр. А не нравится он мне, потому что он в Ясенево. А я — нет!*

С помощью эрратива *«возмуричен»*, основанного на звукоподражании, авторы текстов программы передают эмоции Бублика «кошачьим» языком.

(6) *На мос.ру есть целый раздел с благотворительностью... Ведь настоящий москвич всем помогает! Тем, кто прикован к постели... Вставай!* [сидит на груди у спящей хозяйки Наташи] *Тебе пора на работу, а мне — под одеялко! Помогает детям! Малыш, давай-ка я тебе помогу!* [придвигает себе миску с кормом собаки Зефирки] *Ты же одна явно все не съешь! Помогает животным... Потому что мяуимуцим нужна поддержка!*

(7) *Сегодня я буду цирковым котиком... Работаю со страховкой! И расскажу, какой она бывает. Кроме привычных* [на экране окошки: ‘автомобиль’, ‘гипс’, ‘пожар’], *бывают и необычные страховки. Например, страхование домашних животных, оно же — страхование мяуицества. Заболеет Бублик... Хозяйка получит на лечение рублик.*

В контекстах (6) и (7) представлены игремы, лексически связанные с владением домашними животными. Композит *«мяуимуцие»* (ср. малоимущие) обозначает хозяина, владельца кота. Эрратив *«мяуицество»* подразумевает мяукающее имущество, т. е. домашнего питомца, у которого тоже должны быть документы: ветеринарный паспорт, страховой полис.

(8) *Программа «Мой район» идет много лет... А программа «мой квартиру» начинается прямо сейчас! Ты моешь пол...* [у собаки Зефирки швабра в зубах] *А я буду пылесосить!*

[катается на роботе-пылесосе] Ты — вылизывай кухню... А я... миску! Ты почисти прихожую... А я историю браузера! [в истории просмотров: «Выставка голых кошек», «Голые кошки», «Сфинксы»] Главное — это грамотный **мяунеджмент**! Эх, что бы ты без меня делала!

(9) Диктор в телевизоре: Вы можете участвовать в жизни Москвы, предлагая свои идеи для развития на портале «Город Идеи»...

Бублик: А что? Есть и у меня идеи для **мяудернизации**! В общественном транспорте выделить места для пассажиров с котьми! В МФЦ помогать не только с оформлением, но и с кормлением. А в поликлиниках устроить чек-лап! Дерзайте и вы! Проявите свою незаурядную столичность!

В примерах (8) и (9) эрративы, окказионализмы с помощью звукоподражательного компонента придают исходным процессам (менеджмент и модернизация) направленность на «кошачьи нужды». «**Мяунеджмент**» подразумевает, что кот выступает руководителем в процессе уборки квартиры. «**Мяудернизация**» столицы должна, по мнению Бублика, включать различные обновления в сфере услуг для владельцев кошек и других домашних животных.

(10) У нас во дворе больницу реконструировали. Представляю, как доктора этому врачуду радуются! У окулиста глаза на мокром месте от счастья. Причем все! ЛОР повсюду свой нос сует... В новое оборудование! У аллерголога аж зудит, как всех вылечить хочется! А медбратья и медсестры молиться готовы на новый ремонт! Интересно, им там нужны **мяудицинские** работники?

(11) Московские поликлиники стали превращаться в **мяудицинские** центры! Ну, привет, чудо-юдо-робо-кот! Это раньше пациенты могли в очереди погавкаться. А теперь... Только мурчать будут. Пришел пациент к окулисту, а она ему со входа глазки строит. Записались на рентген? Она вас просвЕтит... в какой кабинет идти. А какая же она покладистая! Всю вашу тяжелую поклажу перевезет. Настоящий сервис с нечеловеческим лицом! Теперь в трех московских больницах, каждому заболевшему готовы протянуть еще и лапу помощи... Добро пожаловать, или, как говорится: наше вам с кисочкой! Ха-ха-ха!

Эрратив «**мяудицинский**» предполагает связь котов с медицинской сферой. А в примере (11) описывается новые роботы-помощники, размещенные в нескольких столичных больницах (см. **чудо-юдо-робо-кот**), которые имеют дизайн, напоминающий кота: выступы «ушки» на корпусе и мордочка кота на экране интерфейса — «сервис с нечеловеческим лицом» (ср. с прецедентным выражением «сервис с человеческим лицом», т. е. с высокой клиентоориентированностью).

Заключение

Итак, мы проанализировали еще один способ осуществления языковой игры, используемой в медиадискурсе для воздействия на адресата, зрителя. Хотя сами по себе звукоподражания «не способны передавать чувства, переживания, волеизъявления и т.п.», их сочетание с эрративами «усиливает и дополняет значение» [16] вновь созданных лексических единиц. Такие искаженные, деформированные слова и выражения создают особые фонетические эффекты, привлекают внимание аудитории.

Отметим, что эрративы напоминают окказионализмы, но это поверхностное сходство. Для окказионализмов характерно необычное употребление в содержательном плане или

оригинальное индивидуально-авторское словообразование, они «понятны на фоне контекста, ситуации, к которым “привязаны”, и модели или образца, которые послужили базой для их создания» [1]. Эрратив — это «искаженное слово, имеющее другой семантический контекст, но не изменяющее в корне своего значения» [6].

Д.Д. Корнюк и В.В. Цицкун в рамках своего исследования употребления эрративов в речи провели социальный опрос и выяснили, «что чаще всего употребление эрративов обусловлено стремлением говорящего/пишущего усилить экспрессивную окраску речи, оживить повествование, придать ему шутливо-ироничный оттенок, поддержать непринужденное общение и т. д.» [7]. Подобные цели преследуют и на телевидении в работе над современным развлекательно-информационным контентом.

Языковая креативность, использование таких средств, как игры, эрративы и онамотопы, позволяют создавать лаконичные и неформальные медиатексты, обладающие высоким уровнем выразительности и воздействия на аудиторию.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Окказионализмы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2686792> (дата обращения: 21.03.2023).
2. Вепрева И.Т. О креативном подходе к употреблению префиксальных глаголов в современном русском языке // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 115–126.
3. Гридина Т.А. Реклама как игровой текст: прагматика кодов языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2018. № 16. С. 36–48.
4. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ассоциативные проекции слова в игровом медиатексте // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2019. № 17. С. 73–93.
5. Гридина Т.А., Талашманов С.С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 31–37. DOI: 10.26170/pl19-03-03.
6. Карась Л. «Рыбов продаете или просто показываете»: что такое эрративы и зачем они нужны [Электронный ресурс] // Теории и практики. URL: <https://business.theoryandpractice.ru/posts/19434-rybov-prodaete-ili-prosto-pokazyvaete-chto-takoe-errativy-i-zachem-oni-nuzhny> (дата обращения: 21.03.2023).
7. Корнюк Д.Д., Цицкун В.В. Влияние эрративов на речь современной молодежи // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. 2023. № 16. С. 75–84.
8. Куранова Т.П. Языковая игра в речи теле- и радиоведущих: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 23 с.
9. Могилевская В.С. Программирование телеканалов двух столиц («Москва 24» и «Санкт-Петербург») как инструмент создания образа вещателя // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: статьи участников ежегодного апрельского научного форума. Том 1. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. С. 194–196.
10. Онамотопея [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23311> (дата обращения: 21.03.2023).
11. Ремчукова Е.Н. Феномены массового лингвокреатива: актуальный комплекс «понаехали – понаехали тут – понаехавшие» // Лингвистика креатива – 3 / под. общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 286–303.
12. Тарасова М.С. Актуальная лексика периода экономических санкций 2014–2017 гг.

«Импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 76–83.

13. Тарасова М.С. «Мрр вашему дому»: языковая игра как средство аттракции в СМИ // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К. А. / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: Постатор, 2023. С. 340–344.

14. Тарасова М.С. Слова-композицы в языке СМИ (на примере употребления композитных прилагательных в речи А. Доброва в программе «Добров в эфире») // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 311–317.

15. Тарасова М.С. Сложные слова коронадискурса // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: Постатор, 2021. С. 249–253.

16. Хабибуллина О.А., Николаева А.В. Ономатопея как выразительное средство рекламного текста (на материале английского и немецкого языков) // Вестник ТГПУ. 2017. № 3 (180). С. 68–74.

17. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.

18. Эрдниева Э.В. Звукоподражания как производящая основа знаменательных слов // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И.А. Стернина. Вып. 9. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. С. 151–153.

19. Эрратив [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/109190> (дата обращения: 21.03.2023).

References

1. Bel'chikov Yu.A. Okkazionalizmy [Elektronnyy resurs] [Occasionalisms]. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2686792> (Accessed: 21.03.2023).

2. Vepreva I.T. O kreativnom podkhode k upotrebleniyu prefiksalykh glagolov v sovremennom rusском yazyke [On a creative approach to the use of prefixed verbs in modern Russian]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa = Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2022, no. 2, pp. 115–126 (In Russ., abstr. in Engl.).

3. Gridina T.A. Reklama kak igrovoy tekst: pragmatika kodov yazykovoy igry [Advertising as a game text: the pragmatics of the language game codes]. *Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti = Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2018, no. 16, pp. 36–48 (In Russ.).

4. Gridina T.A., Konvalova N.I. Assotsiativnyye proyeksii slova v igrovom mediatekste [Associative projections of the word in play media text]. *Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti = Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2019, no. 17, pp. 73–93 (In Russ.).

5. Gridina T.A., Talashmanov S.S. Yazykovaya igra v sovremennoy internet-kommunikatsii: metayazykovoy aspekt [Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic

Aspect]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2019, no. 3 (75), pp. 31–37. DOI: 10.26170/pl19-03-03 (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Karas L. «Rybov prodavote ili prosto pokazyvayete»: chto takoye errativy i zachem oni nuzhny [Elektronnyy resurs] [“Are you selling fish or just showing them”: what are erratives and why are they needed]. *Teorii i praktiki* [Theories and practices]. Available at: <https://business.theoryandpractice.ru/posts/19434-rybov-prodaete-ili-prosto-pokazyvaete-chto-takoe-errativy-i-zachem-oni-nuzhny> (Accessed: 21.03.2023).

7. Korniyuk D.D., Tsitskun V.V. Vliyaniye errativov na rech' sovremennoy molodozhi [The influence of erratives on the speech of modern youth]. *Sevastopol'skiye Kirillo-Mefodiyevskiyechteniya = Sevastopol Cyril and Methodius Readings*, 2023, no. 16, pp. 75–84 (In Russ.).

8. Kuranova T.P. Yazykovaya igra v rechi tele- i radiovedushchikh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Language game in the speech of television and radio presenters. Ph. D. (Philology) Thesis]. Yaroslavl, 2008. 23 p. (In Russ.).

9. Mogilevskaya V.S. Programirovaniye telekanalov dvukh stolits («Moskva 24» i «Sankt-Peterburg») kak instrument sozdaniya obraza veshchatelya [Programming of TV channels in two capitals (“Moscow 24” and “St. Petersburg”) as a tool for creating the image of a broadcaster]. In: *Media v sovremennom mire. 61-ye Peterburgskiyechteniya: stat'i uchastnikov yezhegodnogo aprel'skogo nauchnogo foruma. Tom 1* [Media in the modern world. 61st St. Petersburg Readings: articles by participants of the annual April scientific forum. Volume 1]. 2022. Saint-Petersburg, Mediapapir, pp. 194–196 (In Russ.).

10. Onomatopeya [Elektronnyy resurs] [Onomatopoeia]. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23311> (Accessed: 21.03.2023).

11. Remchukova Ye.N. Fenomeny massovogo lingvokreativa: aktual'nyy kompleks «ponayekhali – ponayekhali tut – ponayekhavshiy» [Phenomena of mass linguistic creativity: the current complex “came in large numbers – came in large numbers here – came in large numbers”]. In: T.A. Gridina (ed.). *Lingvistika kreativa – 3* [Creative Linguistics – 3]. 2014. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, pp. 286–303 (In Russ.).

12. Tarasova M.S. Aktual'naya leksika perioda ekonomicheskikh sanktsiy 2014-2017 gg. «Importozamestitel'nyy»: semantika, upotrebleniye, konnotatsii [Essential lexis of the period of economic sanctions of 2014-2017. “Import-substitutional”: semantics, usage, connotations]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2018, no. 3 (69), pp. 76–83 (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Tarasova M.S. «Mrr vashemu domu»: yazykovaya igra kak sredstvo attraktsii v SMI [“Meow to your home”: language game as a means of attraction in the media]. In: O.V. Shatalova (ex. ed.). *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. n., professora Voylovoy K.A.* [Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers based on the results of the International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Doctor in Philology, Professor K.A. Voilova]. 2023. Moscow: Postator, pp. 340–344 (In Russ.).

14. Tarasova M.S. Slova-kompozity v yazyke SMI (na primere upotrebleniya kompozitnykh prilagatel'nykh v rechi A. Dobrova v programme «Dobrov v efire») [Composite words in the mass media language (on the example of using adjectives in A. Dobrov's speech in the program “Dobrov v efire”)]. In: O.V. Shatalova (ex. ed.). *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii,*

posvyashchonnoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora K.A. Voylovoy [Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers based on the results of the international scientific conference, dedicated to the 75th anniversary of the birth of Doctor in Philology, Professor K. A. Voilova]. 2018. Moscow: MRSU Ed. Office, pp. 311–317 (In Russ.).

15. Tarasova M.S. Slozhnyye slova koronadiskursa [Compound words of coronadiscourse]. In: O.V. Shatalova (ex. ed.). Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora K. A. Voylovoy [Russian language in Slavic intercultural communication. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor in Philology, Professor K.A. Voilova]. 2021. Moscow: Postator, pp. 249–253 (In Russ.).

16. Khabibullina O.A., Nikolayeva A.V. Onomatopeya kak vyrazitel'noye sredstvo reklamnogo teksta (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov) [Onomatopoeia as an expressive means of the advertising texts (on the basis of the English and German advertising texts)]. *Vestnik TGPU = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2017, no. 3 (180), pp. 68–74 (In Russ., abstr. in Engl.).

17. Shmeleva T.V. Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta [Krizis (crisis) as the key word of the present moment]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2009, no. 2 (28), pp. 63–67 (In Russ., abstr. in Engl.).

18. Erdniyeva E.V. Zvukopodrazhaniya kak proizvodnyashchaya osnova znamenatel'nykh slov [Onomatopoeia as a productive basis of significant words]. In: I. A. Sternin (ed.). Semantiko-kognitivnyye issledovaniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 9 [Semantic-cognitive studies: interuniversity collection of scientific works. Issue 9]. 2018. Voronezh: ООО «Izdatel'stvo RITM», pp. 151–153 (In Russ.).

19. Errativ [Elektronnyy resurs] [Errative]. Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and encyclopedias on Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/109190> (Accessed: 21.03.2023) (In Russ.).

Информация об авторе

Тарасова Марианна Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий редактор редакционно-издательского отдела управления маркетинга и коммуникаций, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1792-6187>, e-mail: mariannatarasova@gmail.com

Information about the author

Marianna S. Tarasova, PhD in Philology, Leading Editor, Editorial and Publishing Section of the Marketing and Communications Department, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1792-6187>, e-mail: mariannatarasova@gmail.com

Получена 29.05.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 29.05.2024
Accepted 15.06.2024

Особенности языка современной студенческой молодежи в России и способы его совершенствования

Михалкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

В данной статье анализируются объективные условия и субъективные факторы включения сленга, жаргонизмов, англицизмов в русский язык общения и мыслеречевой деятельности студентов гуманитарных специальностей, а также возможности культуры студенческих коллективов на минимизацию и исключения из речи студентов этих «нововведений». В работе проведена классификация причин возникновения и включения в русскую речь студентов, в их общение друг с другом и преподавателями сленга, жаргонизмов, англицизмов, уточнены возможности культуры студенческих коллективов в деле минимизации и исключения из языка студентов этих «нововведений», оценены способы и средства через которые и посредством которых можно в образовательном процессе формировать в студенческих группах соответствующую культуру коллектива, обоснован вариант использования культуры студенческих коллективов в деле использования в образовании студентов речи, которая была бы чистой, понятной, интересной и для студентов, и для преподавателей.

Ключевые слова: язык, средство, способ, практика, практико-ориентированное образование, «массовая» культура, организация образования и воспитания.

Для цитаты: Михалкин Н.В. Особенности языка современной студенческой молодежи в России и способы его совершенствования [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 43–51. DOI: [10.17759/langt.2024110204](https://doi.org/10.17759/langt.2024110204)

Features of the Language of Modern Student Youth in Russia and Ways of Its Improvement

Nikolay V. Mikhalkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

This article analyses the objective conditions and subjective factors of the inclusion of slang, jargonisms, anglicisms in the Russian language of communication and thought-speech activity of students of humanitarian specialities, as well as the

possibilities of student culture to minimize and exclude these "innovations" from students' speech. The paper classifies the reasons for the emergence and inclusion of slang, jargonisms, anglicisms in the Russian speech of students, in their communication with each other and teachers, clarifies the possibilities of the culture of student collectives in minimizing and excluding these "innovations" from the language of students, evaluates the ways and means through which and by means of which it is possible in the educational process to form the appropriate culture of the collective in student groups, substantiates the option of using the culture of student collectives in the use of slang, jargonisms and anglicisms in the Russian language of communication and thought-speech activity of students.

Keywords: language, means, method, practice, practice-oriented education, "mass" culture, organization of education and upbringing.

For citation: Mikhalkin N.V. Features of the Language of Modern Student Youth in Russia and Ways of Its Improvement. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 43–51. DOI: 10.17759/langt.2024110204 (In Russ.).

Введение

Язык научения и общения студентов гуманитарных специальностей не только исходный компонент их социализации, развития их мировоззрения и профессиональной деятельности, но и первооснова сохранения целостности и суверенности нашей страны. От его точности, ясности и грамотного употребления во многом зависят и эффективное освоение студентами специальности, и становление будущего выпускника ВУЗа как личности [1, с. 57].

По своему содержанию язык обучения и общения студентов в России — это совокупность понятий и знаков естественного русского языка, а также общедоступных для широкого круга молодежи категорий, взятых из гуманитарных и других видов наук, служащих средством выражения правомочий и обязанностей сообществ людей, хранения этой информации, доведения ее до всех слоев общества, а также управления человеческим поведением [16, с. 40].

Язык обучения и общения студентов в России, русский язык, характеризуется определенным своеобразием. Оно проявляется в содержании понятий и категорий, которые связаны с их будущей работой, в логике и стиле формулирования основных черт и свойств предметов, связанных со спецификой профессиональной подготовки студентов, в социальных ситуациях, где выпускники ВУЗов будут общаться со своими визави и так далее [22, с. 115].

Главное, язык обучения и общения студентов в России должен быть не только общедоступным, четким и по возможности кратким, понятным, но и понятным гражданам страны, с которыми будущие специалисты должны будут взаимодействовать. Если положения, формулируемые для студентов и самими студентами в процессе обучения и их профессиональной деятельности не отвечают названным требованиям, налицо недооценка возможностей как языка общения, так и русского языка в целом [2, с. 58].

Следовательно, необходимо минимально использовать не только «специальные» понятия и категории, для понимания которых нужны хотя бы элементарные специальные знания, но и англицизмы, сленг, жаргонизмы. Главным требованием к нему является обеспечение сочетания: с одной стороны, доступности и убедительности, а с другой — точности в отражении сущности темы, где пересекаются компетенции выпускника ВУЗа и

интеллектуальный потенциал оппонента выпускника [23, с. 7].

Особенности языка и речи современных студентов и причины их возникновения

Как свидетельствуют научные исследования, посвященные вопросам включения в речь студентов жаргонизмов, сленга, этот процесс был всегда. Причин этому много, но всех их можно подразделить объективные условия и субъективные факторы [21, с. 217].

Традиционный субъективный фактор — это проблема отцов и детей. Молодежь практически всегда имеет свои взгляды на «реальное» бытие, в том числе и на функции используемого ими языка в своей речи. В какой-то мере это обуславливается тем, что молодые люди, переходя из мира детства в мир взрослый, находятся как бы между этими мирами. Процесс социализации подрастающего поколения проявляется в разных формах, средствах и способах. Одним из них являются языковые протесты. «Материалом» для таких протестов становится все нетрадиционное, что не воспринимается взрослыми в обществе, все, что отвергается традиционным укладом, содержанием языка общества. К такому «материалу» следует отнести: речь музыкальных фанатов; лексику приглашаемых на музыкальное телевидение авторов; компьютерный жаргон; городское «просторечие» и так далее. А этот «материал» предполагает использование жаргонных слов, бранных оборотов речи как своего рода междометий или просто способов связи предложений, сленга, англицизмов [8, с. 132].

В этой системе ценностей есть вызов благополучной жизни, неприятию общества вообще, его образцам бытия. Из этого протеста формируются такие высказывания как: «улет», «отпад», «депрессняк», «ботаник», «мани» (от английского слова *money* — деньги), «баксы», «бабки», «колбасит» и так далее. По своему содержанию — это атавистический примитивизм [3, с. 19-21].

Наряду с субъективными факторами, которые обуславливают включение в речь молодежи и студентов отклонений от грамотной речи, есть объективные условия, детерминирующие этот процесс. К ним следует добавить объективную связь между жизнью общества и языком, который используют люди в этом обществе. Язык всегда быстро и гибко реагирует на все изменения, которые происходят в обществе. Особенно это проявляется в таком аспекте, как пополнение его лексического содержания [15, с. 93].

В настоящее время в социальной, духовной жизни людей, в материальном производстве определяющую роль стали играть цифровые технологии. Они основаны на особых методах кодировки и передачи информации. В итоге этот процесс практически исключает ее «субъектность». Обезличенными становятся и культурные парадигмы общностей. В определенной степени «размывается» и язык бытия социальных общностей. Мы «вступаем» в «цифровую эпоху» [20, с. 199].

Не осталась в стороне от этого процесса и наша страна. Можно утверждать, что в стране происходит «киберсоциализация» человека и социальных общностей. Она выражается не только в изменении самосознания людей, их мотивов, установок при усвоении ими культуры и ценностей общества. Фактически утверждается в стране «оторванность» человека от реальной жизни, реальных ценностей [9, с. 37].

Теряет свою действенность главенствующий в обществе «социальный стержень», в том числе и язык. Значительная часть граждан страны, разных возрастов, профессий, занятых во всех сферах жизни общества, фактически ориентирована на использование компьютеров, мобильной связи, интернета, социальных медиа и так далее. Это реальность современной жизни. В этой реальности формируется новое содержание языка и речи в стране. Цифровая

информация стала системообразующим фактором в организации экономической и других видов деятельности, в том числе и в сфере образования, и она обусловила беспрецедентный рост англицизмов, сленга, жаргонизмов. Влияние ИТ-технологий привело к некоторой неуправляемости в вопросах пополнения объема новых понятий и сформировало зависимость граждан от них [16, с. 51].

И сегодня, на современном этапе развития стран мира и всеобщей связи между народами, язык и речь не только граждан общества, но и молодежи, студентов, не может не отражать кардинальные изменения, которые в нем происходят.

Сленг был и будет формой общения среди молодежи, в том числе и студентов. Его нельзя отменить и тем более запретить. Это не только фактор эмоциональной выразительности и разнообразия речи, но он есть атрибут истории нашего народа, культуры и языка [14, с. 51].

Нами были выявлены причины, которые, по мнению студентов разного пола, социального положения, этнической и национальной принадлежности, обуславливали использование ими англицизмов, сленга, жаргонизмов. Их отзывы позволяют выявить причины использования данных компонентов в языке студентов вузов:

- позволяет удобно и кратко излагать свои мысли;
- позволяет адекватно раскрывать тему общения понятно для сторон взаимодействия;
- позволяет соответствовать современным требованиям, которые выдвигает научный и технологический прогресс, а также развитие языков в мире;
- позволяет быть реально включенным в «элиту» студенчества.

При этом большинство студентов не жалеет о том, что они используют в своей речи англицизмы, сленг, слова «паразиты» и так далее. И для того, чтобы минимизировать употребление англицизмов, сленга, жаргонизмов, стоит больше внимания уделять не только такому предмету как «Культура речи», но и культуре студенческих коллективов, так как умение ясно, четко, красиво и правильно говорить не приходит к нам само по себе [10, с. 99].

Возможности культуры студенческих коллективов в минимизации употребления студентами англицизмов, сленга, жаргонизмов

Культура — весьма сложная, многоуровневая система. С одной стороны, это накопленные обществом материальные и духовные ценности, наслоения эпох, времен и народов, сплавленных воедино. С другой — живая человеческая деятельность, опирающаяся на наследие всех предыдущих поколений народа, оплодотворяющая и передающая это наследие тем, кто придет на смену ныне живущим. Именно в таком непрерывно совершающемся обмене знаниями, умениями, навыками, способностями заключается смысл культурного процесса [19, с. 89].

Значимой, в деле минимизации включения в речь студентов сленга, жаргонизмов и англицизмов, является регулятивная (нормативная) функция культуры. Связано это, прежде всего, с регулированием культурой различных сторон, видов общественной и личной деятельности людей.

Регулятивная функция культуры непосредственно пересекается с семиотической, или знаковой. Так как культура являет, прежде всего, определенную знаковую систему, то формирование культуры коллектива предполагает знание знаков этой социальной общностью. Без осмысления знаковых систем, соответствующих конкретной культуре,

невозможно овладеть потенциалом родного языка, сформировать у участников коллектива ясную и четкую речь [5, с. 10].

При этом родной литературный язык является не только средством общения людей, но и выступает в качестве важнейшего средства овладения национальной культурой. Одновременно, высокий уровень культуры коллектива утверждает в жизни и деятельности участников коллектива требования, параметры чистоты родного языка, искоренению из их речи сленга, жаргонизмов, слов-паразитов и так далее [15, с. 94].

Ориентация ряда студенческих коллективов на «не идеологические» ценности свободы, индивидуального развития, творчества, да и другие не коллективистские черты современной молодежной культуры, побудили Президента России провозгласить формирование у студентов культуры на основе традиционных ценностей народов России. Содержательно они включают следующие положения: жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России [24, с. 2].

Именно на этих ценностях следует развивать культуру студенческих коллективов, которая будет обладать высоким уровнем воздействия на самих студентов и на всех, кто включен в образовательную среду и образовательное пространство.

Функционально включение культуры студенческих коллективов в минимизацию жаргонизмов, англицизмов, сленгизмов в их речи реально осуществлять следующими способами: убеждением и внушением [18, с. 87-88].

Эти процессы начинались в древние времена. Первые учителя риторики уже тогда многое сделали для распространения и развития знания о мастерстве убеждения, приемах спора и построения публичной речи, обращая особое внимание на ее эмоционально-психологические стороны и особенности.

Несмотря на различие принципов, правил и приемов, осуществления связи культуры коллективов с минимизацией включения в речь студентов англицизмов, сленга и жаргонизмов, убеждение и внушение, дополняя друг друга, следует использовать в каждом акте взаимообусловленности развития культуры студенческих коллективов и чистоты речи студентов.

Посредством убеждения и внушения, широкого процесса коммуникации, осуществляется регулирование поведения студентов в студенческом коллективе, проявляется своеобразная демонстрация их поступков, подтверждаются необходимые, с точки зрения высоких образцов речи, варианты использования возможностей русского языка.

Составной частью возможностей культуры студенческих коллективов на утверждение в студенческой речи чистоты и ясности русского языка, выступают и «социально-культурные ресурсы» профессорско-преподавательского состава вузов, участников образовательных учреждений. Наверное, трудно не согласиться с утверждением, что в деле минимизации включения в речь студентов сленгов, англицизмов и жаргонизмов важнейшую роль играет личный пример преподавателя, который демонстрирует высокий уровень использования в речи русского языка [17, с. 165].

Значимым в деле влияния культуры студенческих коллективов на минимизацию включения в речь студентов так называемых «нововведений» будут сохраняемые и

передаваемые от набора к набору, а иногда на отдельно взятых факультетах, традиции использования в речи студентов такого русского языка, который являл собой его чистоту, ясность, точность [7, с. 72].

Студенческий коллектив со своей культурой выступает не только сферой учебной деятельности, но и сферой самоутверждения, самовыражения, самореализации, сферой общения, гарантом защищенности и поддержки, носителем социально-нравственных норм и ценностей, реализующихся в коллективной деятельности и коллективных отношениях [13, с. 151].

Влияние культуры студенческого коллектива на личность, на придание его речи ясности, четкости, определенности, конкретности значительно. Данное влияние проявляется в контексте функциональных возможностей коллектива и культуры коллектива. Формирования культуры студенческих коллективов посредством русского языка и русской речи, одновременно придает культуре коллектива фактор минимизации в речи студентов сленгизмов, англицизмов, жаргонизмов [11, с. 57].

Литература

1. *Аверюшкин А.Н.* Можно ли воспитать общество? Большевики и культура в период становления советского государства [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 52–59. DOI: 10.17759/langt.2022090406
2. *Аверюшкин А.Н., Канель И.В.* Триада «философия культуры — психология — лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 57–64. DOI: 10.17759/langt.2023100205
3. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз». 3-е изд. М.: Просвещение, 2010. 300 с.
4. *Борзиева З.М.* Значение и основные принципы коллективного воспитания в социализации личности / З. М. Борзиева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 34 (324). С. 127-128.
5. *Дергачева И.В.* «А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 4. С. 9-13. DOI 10.17759/langt.2018050402
6. *Донцов А.И.* Психология коллектива: Методол. пробл. исслед. [Учеб. пособие для вузов по спец. "Психология"] / А.И. Донцов. М.: Изд-во МГУ, 1984. 208 с.
7. *Заболоцкий Н.* «На закате» // Николай Заболоцкий. Стихотворения. Поэтическая Россия. М.: Советская Россия, 1985. 302 с.
8. *Захаров А.О.* Образование в эпоху маргинализма: отчуждение знания // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 131-137. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-131-137
9. *Зенкевич И.В., Михайлова А.Е.* Учебный процесс в современном ВУЗе: массовая культура и критическое мышление [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. Том 1. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2014_n3/72256 (дата обращения: 14.06.2024).
10. *Зенкевич И.В.* Россия в учебниках русского языка для американцев: лексический аспект [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 3. С. 98–107. DOI: 10.17759/langt.2023100310
11. *Кричевский Р.Л.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
12. *Психология малой группы: структура, динамика, организация.* Кострома, 2011. 369 с.

13. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: Учебник для студ высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия». Высшая школа, 2019. 512 с.
14. Макаренко А.С. Некоторые выводы из моего педагогического опыта / Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
15. Махмудова С.М., Зенкевич И.В. Инклюзивное образование в условиях цифровизации учебной деятельности [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 92–98. DOI: 10.17759/langt.2020070407
16. Михалкин Н.В. Информация, язык, мышление обучаемого в структуре методологии организации практико-ориентированного образования в вузе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 2. С. 38–53. DOI: 10.17759/langt.2020070205
17. Мурадян А.А. Влияние пандемии COVID-19 на образовательные процессы // Национальные языки и культуры: мышление и понимание в условиях глобализации: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Армавир, 30 ноября 2021 года. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2022. С. 163-167.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 563.
19. Симонова С.А. Эволюция роли библиотеки в контексте сохранения национальных языков [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 1. С. 86–96. DOI: 10.17759/langt.2024110108
20. Снегирев Ф.В. К вопросу об определении понятия «сленг» // Молодой ученый. 2018. № 9. С. 199-202.
21. Суворова Н.Н., Дрофа С.Ю. Причины употребления современной молодежью сленга как варианта русского нелитературного языка // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 216-222.
22. Глеужанова А.К. Особенности студенческого жаргона / А.К. Глеужанова. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 114-118.
23. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 2, часть 26.
24. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.06.2024)

References

1. Averyushkin A.N. Can Society Be Educated? Bolsheviks and Culture during the Formation of the Soviet State [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 52–59. DOI: 10.17759/langt.2022090406. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Averyushkin A.N., Kanel I.V. Philosophy of Culture — Psychology — Linguistics Triad: Bronisław Malinowski's Conception as regards Interdisciplinarity [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 57–64. DOI: 10.17759/langt.2023100205. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka: (Stilistika dekodirovaniya): Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. «Inostr. yaz» [Stylistics of Modern English: (Decoding Stylistics): Textbook for students of pedagogical institutes on speciality "Foreign language"]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 2010. 300 p. (In Russ.)
4. Borzieva Z.M. Znachenie i osnovnye printsipy kollektivnogo vospitaniya v sotsializatsii lichnosti

- [The significance and basic principles of collective education in the socialisation of the individual]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2020. № 34 (324), pp. 127-128 (In Russ.)
5. Dergacheva I.V. “And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 4, pp. 9–13. DOI: 10.17759/langt.2018050402. (In Russ., abstr. in Engl.)
 6. Dontsov A.I. *Psikhologiya kollektiva: Metodol. probl. issled.* [Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. "Psikhologiya"] [Psychology of the collective: Methodological problems of research. [Textbook for universities on speciality "Psychology"]. A.I. Dontsov. Moscow: Publ. MGU, 1984. 208 p. (In Russ.)
 7. Zabolotskii N. «Na zakate» [At sunset]. In: Nikolai Zabolotskii. *Stikhotvoreniya. Poeticheskaya Rossiya*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985. 302 p. (In Russ.)
 8. Zakharov A.O. *Obrazovanie v epokhu marginalizma: otchuzhdenie znaniya* [Education in an era of marginalisation: the alienation of knowledge]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2021. № 12, pp. 131-137. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-12-131-137 (In Russ.)
 9. Zenkevich I.V., Mikhailova A.E. The educational process in the modern University: mass culture and critical thinking [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2014. Vol. 1, no. 3 (In Russ., abstr. in Engl.)
 10. Zenkevich I.V. Russia in Russian Language Textbooks for Americans: Lexical Aspect [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 3, pp. 98–107. DOI: 10.17759/langt.2023100310. (In Russ., abstr. in Engl.)
 11. Krichevskii R.L. *Psikhologiya maloi gruppy: teoreticheskii i prikladnoi aspekty* [Small group psychology: theoretical and applied aspects]. R.L. Krichevskii, E.M. Dubovskaya. Moscow: Publ. MGU, 1991. 205 p. (In Russ.)
 12. *Psikhologiya maloi gruppy: struktura, dinamika, organizatsiya* [Small group psychology: structure, dynamics, organization]. Kostroma, 2011. 369 p. (In Russ.)
 13. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. *Psikhologiya: Uchebnik dlya stud vyssh. ped. ucheb, zavedenii* [Psychology: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions]. 2nd ed., stereotype. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Vysshaya shkola, 2019. 512 p. (In Russ.)
 14. Makarenko A.S. *Nekotorye vyvody iz moego pedagogicheskogo opyta* [Some conclusions from my teaching experience]. In: Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya: V 8-mi t. T. 4*. Moscow: Pedagogika, 1984. 400 p. (In Russ.)
 15. Makhmudova S.M., Zenkevich I.V. Inclusive Education in the Context of Digitalization of Training Activity [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 92–98. DOI: 10.17759/langt.2020070407. (In Russ., abstr. in Engl.)
 16. Mikhalkin N.V. Information, Language, Thinking of the Student in the Structure of the Methodology of the Organization of Practice-Oriented Education at the University [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 2, pp. 38–53. DOI: 10.17759/langt.2020070205. (In Russ., abstr. in Engl.)
 17. Muradyan A.A. *Vliyanie pandemii COVID-19 na obrazovatel'nye protsessy* [Impact of the COVID-19 pandemic on educational processes]. *Natsional'nye yazyki i kul'tury: myshlenie i ponimanie v usloviyakh globalizatsii: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Armavir, 30 noyabrya 2021 goda* [National languages and cultures: thinking and understanding in the conditions of globalisation: collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference, Armavir, 30 November 2021]. Armavir: Armavirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2022, pp. 163-167 (In Russ.)
 18. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Basics of general psychology]. Moscow, 1946, p. 563 (In Russ.)

19. Simonova S.A. Evolution of the Role of the Library in the Context of Preserving National Languages [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 1, pp. 86–96. DOI: 10.17759/langt.2024110108. (In Russ., abstr. in Engl.)
20. Snegirev F.V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «sleng» [On the definition of slang]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2018. № 9, pp. 199–202 (In Russ.)
21. Suvorova N.N., Drofa S.Yu. Prichiny upotrebleniya sovremennoi molodezh'yu slenga kak varianta russkogo neliteraturnogo yazyka [Reasons for the use of slang as a variant of Russian non-literary language by modern youth]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: scientific research*. 2019. № 1, pp. 216–222 (In Russ.)
22. Tleuzhanova A.K. Osobennosti studencheskogo zhargona [Features of student jargon]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyabr' 2014 g.) [Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of the III International Scientific Conference (Moscow, November 2014)]*. Moscow: Buki-Vedi, 2014, pp. 114–118 (In Russ.)
23. Federal'nyi Zakon «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ. St. 2, chast' 26 [Federal Law "On Education in the Russian Federation" of 29.12.2012 No. 273-FZ. Art. 2, part 26] (In Russ.)
24. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei» [Elektronnyi resurs] [Presidential Decree No. 809 of 9 November 2022 "On Approval of the Principles of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed: 14.06.2024) (In Russ.)

Информация об авторе

Михалкин Николай Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и гуманитарные науки» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Information about the author

Nikolay V. Mikhalkin, Doctor in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Humanities, Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4419-2038>, e-mail: fafnir85@yandex.ru

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024

Параллели древнееврейского корня **קִפַּר** *к-п-р* (*к-ф-р*) «покрытие» в лексике семитских и кавказских языков

Нешер С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; международная языковая школа Berlitz, г. Иерусалим, Израиль,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

В VIII в. до н.э. израэлиты были изгнаны из северного Израиля ассирийцами, как считают историки, некоторые в Мидию (Армению). Позже, в VI в. до н.э., южное колено Израиля, иуды («евреи»), было изгнано вавилонянами, позднее многие из них мигрировали и в регионы Кавказа. О пребывании евреев на Кавказе в научной и научно-популярной литературе имеются многочисленные упоминания, что заставляет ожидать, что в кавказских языках могли и должны были сохраниться свидетельства ареальных связей. Однако проблема поиска гебраизмов и лексических свидетельств влияния одного языка на другой осложняется тем, что с VII в. н.э. в кавказские языки проникают арабские заимствования вместе с религией, а так как арабский и иврит являются родственными языками, становится сложнее установить, из какого языка (иврита или арабского) в кавказские проникает термин. Настоящее исследование посвящено анализу арабских и древнееврейских заимствований в кавказских языках. Используемые в работе сравнительно-исторический и этимологический методы исследования помогут, на наш взгляд, определить принадлежность некоторых лексических единиц в дагестанских языках, входящих в иберийско-кавказскую семью языков.

Ключевые слова: арабизм, арамейский язык, Ветхий Завет, горские евреи, грузинские евреи, горско-еврейский язык, еврейско-татский язык, грузинский язык, Дагестан, заимствования, иврит, изгнание израэлитов/евреев, Кавказ, Коран, нахско-дагестанские языки.

Для цитаты: *Нешер С.* Параллели древнееврейского корня **קִפַּר** *к-п-р* (*к-ф-р*) «покрытие» в лексике семитских и кавказских языков [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 52–67. DOI: [10.17759/langt.2024110205](https://doi.org/10.17759/langt.2024110205)

Parallels of the Hebrew Root כִּפַּר *k-p-r* (*k-f-r*) 'Covering' in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages

Sarah Nesher

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; Berlitz International Language School, Jerusalem, Israel,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

In the 8th century BC the Israelites were expelled from northern Israel by the Assyrians, according to historians, some to Media (Armenia). Later, in the 6th century BC, the southern tribe of Israel, Judah (“Jews”) was expelled by the Babylonians, later many of them migrated to the regions of the Caucasus. There are numerous references to the stay of Jews in the Caucasus in scientific and popular science literature, which makes us expect that evidence of these connections could and should have been preserved in the Caucasian languages. However, the problem of searching for Hebraisms and lexical evidence of the influence of one language on another is complicated by the fact that from the 7th century, Arabic penetrated into the Caucasian languages along with religion, and since Arabic and Hebrew are related languages, it becomes more difficult to establish from which language (Hebrew or Arabic) the term penetrates into Caucasian languages. This study is devoted to the analysis of Arabic and Hebrew uses in the Caucasian languages. The comparative-historical and etymological research methods used in the work will help, in our opinion, to determine the source of some lexical units in the Dagestan languages that are part of the Iberian-Caucasian family of languages.

Keywords: arabism, Aramaic, Old Testament, Mountain Jews, Georgian Jews, Juhuri, Judeo-tat language, Georgian, Dagestan, loanwords, Hebrew, expulsion of Israelites/Jews, Caucasus, Qur’an, Nakh-Dagestanian languages.

For citation: Nesher S. Parallels of the Hebrew Root כִּפַּר *k-p-r* (*k-f-r*) 'Covering' in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 52–67. DOI: 10.17759/langt.2024110205 (In Russ.).

Введение

На Кавказе говорят более чем на 50 языках. На протяжении многих веков миграции народов и амбиции империй, борющихся за власть, оказывают влияние на кавказские языки. Например, арабские вторжения с VII века н.э. на Кавказ привели к исламизации Дагестана и большей части Северного Кавказа, что ожидаемо оказало большое влияние на языки, в которых религиозная лексика оказалась заимствованной из арабского языка.

В семитских языках (например, в арабском и иврите) часто наблюдается сходная лексика, возможно, имеющая общее происхождение в силу родственности языков. Письменный арабский язык Корана засвидетельствован с VI века н.э. Арабский язык стал источником заимствования исламской религиозной лексики в нахско-дагестанских языках [Курбанова, 1999, с. 57-59; Забитов, 2001, с. 89-98; Стоянова, Эфендиев, 2005; Альмурзаева, 2012, с. 20-22] и др. Однако, как показывает наш материал, некоторые слова, обнаруживаемые в лексике дагестанских языков, имеют более раннюю историю.

История изгнания израэлитов-евреев и их появления на Кавказе

Все 12 колен израэлевых жили в Царстве Израильском (до царя Соломона). Около 930-920 г. до н.э. Израиль был разделен на Северное царство, «Израиль», с 10 коленами, и Южное царство, «Иудея», со столицей в Иерусалиме. Большинство израэлитов и некоторые представители южной Иудеи были изгнаны в Ассур и Мидию (например, в Армению) ассирийскими царями (начиная с Тиглатпаласара III, около 740 г. до н.э. — волнами)¹, и скоро эти 10 колен ассимилировались с другими народами. Большинство представителей южных колен (Иуда и Леви) были изгнаны в Вавилонию царем Навуходоносором (три волны: 606 — 586 г. до н.э.). Большинство из них остались в диаспоре, но некоторые вернулись через 70 лет — «возвращение в Сион»². Другим 10 коленам северного Израиля, так называемым «потерянным коленам», также обещано возвращение согласно Библии³ [Ветхий Завет «Танах»; Авшалумова, 1997, с. 11, с. 34; Mamistvalishvili, 2014, с. 21; JVL, 2021].

Есть несколько мнений относительно времени появления евреев в Грузии. Грузинские исторические хроники XI в.⁴ утверждают, что евреи Грузии имеют по крайней мере 2600-летнюю историю на данной территории — со времени после вавилонского изгнания Навуходоносора 586 г. до н.э. [Лернер, 2008, с. 9, с. 12; Mamistvalishvili, 2014, с. 9, с. 20; Крихели, 2017, с. 288-289] и др. Евреи расселились по всем землям Персидской империи⁵, в состав которой в то время входила и Южная Грузия [Крихели, 2017, с. 289]. В. Челидзе [Челидзе, 2020а] относит время появления евреев Грузии к более позднему периоду, когда в связи с жестокими оскорблениями в Иудее (Израиль) селевкидского царя Антиоха IV Епифана некоторые евреи покинули страну и поселились в Грузии в 169 и в 63 году до н.э. [Челидзе, 2020а]. Тем не менее, многие историки, в том числе И. Черный [Черный, 1869/2017, с. 8], И.Ш. Анисимов [Анисимов, 1888, с. 12-13], В.Ф. Миллер [Миллер, 1900, с. IV], Л.И. Лавров [Лавров, 1982, с. 146], Маноах [Маноах, 1984, с. 2-5], И. Давид [Давид, 1989, с. 88-90], А. Агарунов [Агарунов, 2009, с. 26-54], С.М. Махмудова [Махмудова, 2015, с. 239-240] и др. убеждены, что горские евреи рано поселились в селах Кавказской Албании. Некоторые источники относят приход горских евреев на Восточный Кавказ к изгнанию ассирийскими царями в Мидию. По свидетельству Бар-Гебрей⁶, еврейские поселения существовали на берегу Каспийского моря с IV в. до н.э. [Мамедова, 2006, цит. по: Махмудова, 2015, с. 239]. Другая версия связана со временем империи Сасанидов (226 – 651 гг. н.э.) [Маноах, 1984, с. 3-5; Агарунов, 2009, с. 26]. Многие израэлиты-евреи, как и другие народы в Дагестане, приняли ислам [Анисимов, 1888, с. 96; Миллер, 1892, с. III;

¹ «В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских» [Библия, Синодальный 4-я Царств 17:6].

² См. Иеремия 29:10 и Даниил 9:2.

³ «то скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их» [Иезекииль 37:21].

⁴ *Картлис Цховреба* «История Грузии» (Леонти Мровели).

⁵ «...и послали письма ко всем Иудеям в сто двадцать семь областей царства Артаксерксова со словами мира и правды» [Есфирь 9:30]. Это было написано в V в. до н.э. [С.Н.].

⁶ Сирийский епископ, автор «Всеобщей истории» о событиях из Библии до 1285 года.

Агарунов, 2009, с. 30-31 и др.].

В диаспоре иврит оставался письменным молитвенным языком для всех евреев. Кроме грузинского языка, иудео-грузинский (киврули) стал разговорным языком с многочисленными еврейскими и арамейскими компонентами [Enoch, 2013, с. 179-180]. Точно так же горские евреи в Дагестане говорили на своем персидском диалекте, горско-еврейском (еврейско-татский, джуури), также под влиянием иврита и арамейского языка [Черный, цит. по: Давид, 1989, с. 102].

Иврит и арабский язык

В 2010 г. была расшифрована древнейшая надпись на иврите, датируемая XX в. до н.э. (во время правления царя Давида), проф. Г. Галили. Эта надпись указывает на то, что по крайней мере некоторые из библейских писаний были составлены за сотни лет до дат, представленных в современных исследованиях⁷ [University of Haifa, 2010]. К тому же древнейшими библейскими текстами, обнаруженными в 1979 году (в Иерусалиме), датируемыми VII-VI вв. до н.э., являются небольшие серебряные свитки с благословением Аарона (Числа 6:24-26) [Лявданский, 2009].

Во время ассирийских вторжений около 722 г. до н.э. иврит был разговорным языком израэлитов [Hurvitz, 2003, с. 25]⁸. После вавилонского изгнания иврит испытал влияние арамейского, а немного позже и персидского (с конца VI века до н.э.) [Gesenius, 1910, с. 12; Lambdin, 1973, с. XIII]. В библейских переводах Таргумим для евреев диаспоры еврейские слова также стали частью еврейского диалекта арамейского языка [Cook, 2013]. L. Kogan [2015, с. 86] утверждает, что исходная еврейская лексика из «Танаха» (Ветхого Завета) сохранилась чрезвычайно по сравнению с другими семитскими языками. Слова на иврите (а также слова других семитских языков) пишутся только согласными буквами без гласных⁹. Что актуально для данного исследования, в арабском языке фонема /п/ отсутствует, эквивалентами являются /ф/ или /б/¹⁰.

Доисламские наскальные надписи на арабском языке, в Саудовской Аравии, датируются 470 г. н.э. [Bostrom, 2016; David, 2017]. Согласно мусульманской традиции, Пророк Мухаммед (570-632 гг. н.э.) получил откровения, составляющие исламский Коран, некоторые из самых ранних фрагментов Корана датируются примерно 568-645 гг. н.э. [University of Birmingham, 2015].

Мусульманские ученые утверждают, что Коран ниспослан на «чистом арабском языке»

⁷ Этот текст на иврите представляет собой социальное высказывание, касающееся рабов, вдов и сирот. В нем используются характерные для иврита глаголы, которые редко использовались в других региональных языках [University of Haifa, 2010].

⁸ «И сказал Елиаким, сын Хелкиин, и Севна и Иоак Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что понимаем мы, а не говори с нами по-иудейски вслух народа, который на стене» [Исайя 36:1].

⁹ Большая часть корней (корневых букв) — трехсогласные (иногда двусогласные и четырехсогласные). Другие словоформы образуются из исходного корневого значения путем присоединения служебных согласных, несущих морфологическое значение, или префиксов и суффиксов [Gesenius, 1910, с. 99-100].

¹⁰ Старый библейский пример — это глагол לָבַד *pileg, pileg* «он разделил», что с арабского переводится как *řalaja* фалая, /п/ >/ф/ [Klein, 1987, с. 508]. См. «У Евера родились два сына; имя одному: Фалек [*n-l-z*], потому что во дни его земля разделена; имя брата его: Иоктан» [Бытие 10:25].

[Rippin, 2003, с. 226-227]. Среди ученых, разделявших эту точку зрения, были, например, Abū 'Ubayda (582-639 г.), Imam al-Shāfi'ī, Ibn Fāris (940-1004 г.) [Hafiz, Albara Altaher, 2015, с. 44]. Также Shāfi'ī (умер в 820 г.), al-Farrā (умер в 822 г.), и Ibn Jinnī (умер в 1002 г.) считали арабский язык превосходным чистейшим языком [Gilliot, Larcher, 2003, с. 115]. В *Encyclopaedia of Qur'an* [2003] W. Kadi (al-Qādī) и M. Mir [Kadi, Mir, 2003, с. 213] пишут, что арабский язык был довольно хорошо развит во время пророческой деятельности Мухаммеда. Но только после появления ислама арабский язык достиг высшего уровня способности к самовыражению, а литература его — наивысшей точки сложности и изощренности.

В то же время, A. Rippin [Rippin, 2003, с. 226] и др. отмечают, что с самого раннего периода ислама читатели заметили, что в Коране есть лексика неарабского происхождения. Такие наблюдения были источником дискуссий и обширных обсуждений среди традиционных мусульманских и евроамериканских ученых. Мусульманские филологи, 'Abu Mansur al-Gawallqī (1072-1145 гг. н.э.), as-Suyutf (умер в 1505 г.), Sihab ad-din al-Hafagf (умер в 1658 г.) и др. подтвердили наличие заимствованных слов в Коране на основании более ранних традиций: в частности, Ibn 'Abbas (умер в 686 г.) и Mughahid (умер в 722 г.) [Zammit, 2002, с. 53]. Очевидно, что здесь следует отметить как лингвистическую, так и религиозную точку зрения к материалу.

По свидетельству S. Fraenkel [Fraenkel, 1886], A. Geiger [Geiger, 1833/1896], T. Nöldeke & F. Schwally [Nöldeke, Schwally, 1919/2013, с. 5], J. Horovitz [Horovitz, 1923], A. Jeffery [Jeffery, 1938/2007], S. Hopkins [Hopkins, 2013] и др., имеются гебраизмы и в арабском языке. A. Jeffery [Jeffery, 1938/2007, с. 2, с. 11] подчеркивает, что у многих доисламских арабов отсутствовала лексика, описывающая новые для них сюжеты Корана. Для описания этого нового явления понадобилась новая лексика. Как пишут T. Nöldeke и F. Schwally [Nöldeke, Schwally, 2013, с. 5], основным источником являются заимствования из еврейских писаний: *“A closer investigation of the apparent Jewish and Christian elements in the Koran will lead to the conclusion that the primary elements shared by Christianity and Islam are of Jewish colouring”*.

Эпиграфические памятники на Кавказе

На Кавказе самая ранняя арабская надпись (куфическая) найдена в Дербенте, Дагестан, 770 г. н.э. В Южном Дагестане обнаружены и другие арабские эпиграфы, относящиеся к X веку н.э. [Лавров, 1966, с. 57-58, с. 173]. Другие археологические эпиграфические находки на Северном Кавказе подтверждают христианскую направленность в этом регионе до исламизации [Далгат, 1893/2004, с. 46; Мужухоев, 1977, с. 137-140]. Исследователи отмечают, что христианство народами Кавказской Албании было принято в 313 году нашей эры под руководством царя Урнайра. IV веком н.э. датированы албанские палимпсесты, найденные на горе Синай в конце XX века, написанные на албанском языке — праязыке лезгинских народов Дагестана. Для нас этот документ представляет огромную важность, так как религиозная лексика здесь фиксируется задолго до принятия ислама. Принятие ислама происходило на Кавказе много веков, начиная от VII века н.э. (первыми ислам принят рутулами и цахурами (Южный Дагестан), до конца XVIII века н.э. в Ингушетии [Далгат, 1893/2004, с. 50-51; Ибрагимов, 1999]. Еврейские надписи датируются здесь немного раньше: недалеко от Мцхеты, Грузия, сотни еврейских надгробий с надписями на иврите и арамейском языке относятся к II-V векам н. э. [Лернер, 2008, с. 100-101], что подтверждает наличие ранних еврейских поселений в этом регионе.

Языковые контакты

Грузинский язык, как известно, был письменным языком по крайней мере с IV века н.э. [Челидзе, 2021]. Немирович-Данченко [Немирович-Данченко, 1880/2017, с. 46], К. Б. Лернер [Лернер, 2004, с. 78-96; Лернер, 2008, с. 95-96, с. 126-127] и др. сообщают, что до христианизации Грузии (в 319 г. н.э.), благодаря грузино-еврейским контактам, некоторая еврейская лексика вошла в грузинский язык. Позднее, в XI-XII вв., через грузин-христиан, заимствования проникли и в северокавказские нахские языки (чеченский и ингушский) до исламизации [Далгат, 1893/2004, с. 45; Климов, 1986, с. 107; Мужухоев, 2021]¹¹. По мнению Г.А. Климова [Климов, 1986, с. 107], эти заимствования, вероятно, проникли и в лезгинские языки. М.Ш. Халилов [Халилов, 2004, с. 51-52, с. 121] подтверждает наличие грузинских заимствований и в восточно-дагестанских языках и относит первые к XI вв. н.э. (некоторые из них — из древнегрузинского V-XI в.).

По нашим данным, некоторые примеры еврейской лексики обнаруживаются и во многих других нахско-дагестанских языках, обозначенные как арабизмы. Нам удалось выявить несколько подобных слов.

Древнееврейский корень *k-p-r* (*k-f-p*) «покрыть, покрытие» и производные слова

На иврите корень כָּפַר *k-p-r* (*k-p̄-r*), *k-f-p* (*k-f-p*) «покрыть», «покрытие» имеет развитое гнездо производных слов. Согласно Н.W.F. Gesenius [Gesenius, 1847/1996, с. 411] и др., прямое значение глагола¹²) כָּפַר *kāpār* *кафар*) — «он покрыл» — «смолил» (отсюда *kīpēr kīper* «он покрыл» — «он искупил»). Пассивный залог *kīpar* *кунар* — «он был искуплен», «прощен» [Klein, 1987, с. 284]. Глагол *kāpār* *кафар* также имеет семантику «отрицать» [Бен-Яков, Холминский, 1992, с. 209], и отсюда значение «сокрыть от Бога». Существительное) כֹּפֶר *kōpēr*, *кофер*) в Библии понимается как «выкуп», и в постбиблейском иврите значение «отрицатель», а в современном иврите — «неверующий, атеист» [Бен-Яков, Холминский, 1992, с. 200; Kernerman, 1995, с. 137]. Первоначальное значение «покрыть» подтверждается в следующих библейских стихах; (1), а в (2) также «Йом ha-Киппурим» — «Судный День» (отпущение грехов) [Бен-Яков, Холминский, 1992, с. 203]:

(1) *Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделение сделай в ковчеге и осмоли [к-п-р «покрыть»] его смолою [к-п-р] внутри и снаружи [Бытие 6:14].*

(2) *И будет совершать Аарон очищение [к-п-р, «покрыть»] над рогами его первоначально в год; кровью очистительной [жертвы] [к-п-р, «покров»] за грех он будет очищать [к-п-р «покрыть»] его первоначально в год в роды ваши. Это святыня великая у Господа [Исход 30:10].*

Более того, в постбиблейском иврите כָּפַרָה [*kappāra*, *капара*] также означает («покрытие») «искупление», «прощение» [Бен-Яков, Холминский, 1992, с. 209; Klein, 1987, с. 284].

¹¹ М.Б. Мужухоев утверждает, что такие имена, как Адам, Хава (Ева) и др., вошли в чеченский и ингушский языки благодаря христианизации. Другие еврейские заимствования, как, например, *шаббат* «суббота», передались через грузинский [Далгат, 1893/2004, с. 45; Абаев, 1979, с. 6]. По свидетельству М.Ш. Халилова [Халилов, 2004, с. 269, с. 277, с. 281], слово *шабат* считается грузинизмом в бежтинском (чантлискуринский говор), в гунизбском (сарусойский говор), в удинском и в пова-тушинском.

¹² Все глаголы на иврите представлены в прошедшем времени мужского рода, 3-го лица, единственного числа.

Арабский лексем *kaḫāra kaḫāra* (см. фонетическое изменение /п/ > /ф/) встречается в исламском Коране. По словам M.R. Zammit [Zammit, 2002, с. 539] религиозное значение этого слова «искупить» имеет еврейское или арамейское происхождение. A. Jeffery [Jeffery, 1938/2007, с. 250] также утверждает это сходство и, что арабское слово *kaḫīr kaḫīr* «неверующий», вероятно, заимствовано из еврейского *koḫār koḫār*. J. Horovitz [Horovitz, 1923, с. 227], A. Jeffery [Jeffery, 1938/2007, с. 250] и E. Klein [Klein, 1987, с. 284] пишут, что арабское *kaḫāra kaḫāra* «искупление» заимствовано из иврита. Однако и другие семитские языки демонстрируют аналогичную лексику с этим значением «покрытие», и E. Klein [Klein, 1987, с. 284], резонно замечает, что все эти слова взаимосвязаны, и, соответственно, этимологически родственны. Поэтому эти параллели древнееврейского корня *к-п-р* (*к-ф-р*) «покрытие» в различных семитских языках обусловлены их общим происхождением, а в некоторых кавказских языках — типологическим характером.

Тем не менее, по отношению к еврейским диалектам, Y. Henshke [Henshke, 2018, с. 650] и др. заявляют о еврейском происхождении слова *каппарат* «искупление», в иудео-арабских диалектах, в том числе в египетско-иудео-арабском [Rosenbaum, 2002]. Так же, основываясь на материале иудео-арамейских диалектов, большинство лингвистов утверждают, что производные слова от корня *к-п-р* (*kaḫpōreṭ kaḫpōreṭ* — «крышка на ковчег» Библ.) и др., являются гебраизмом: M. Jastrow [Jastrow, 1903, с. 607-608] M. Sokoloff [Sokoloff, 2002], A. Tal [Tal, 2000, с. 405] и др.¹³.

В некоторых нахско-дагестанских языках словоформа *капарат/а* в значении «искупление», встречается, например, в чеченском *капарат* [Мадиев, 1961, с. 208]. П.Т. Магомедова [Магомедова, 2003, с. 206] пишет, что в тиндинском языке (андийской подгруппы) *капарата/кабарата* — религиозный термин, имеющий семантику «зерно, которое дается во искупление грехов». Этот лексем *капарат* считается арабизмом в аварском [Халиков, Эфендиев, 2002, с. 39], в хваршинском [Каримова, Халилов, 2013], в даргинском [Стойнова, Эфендиев, 2005, с. 35]. Однако, Б.Б. Маноах [Маноах, 1984, с. 157] утверждает, что горско-еврейское слово *копора* «жертвоприношение» («возмещение») происходит от древнееврейского.

Другая арабская лексема — *кафир* «неверующий» — (еврейский *koḫēf koḫēf*, «иноверец»¹⁴) наблюдается во многих нахско-дагестанских языках, и *кофир* также встречается в горско-еврейском [Нафталиев, 2016, с. 278]. Это слово тоже считается арабизмом, например, в аварском и в андийских языках чамалинский *канур-аб*, в цезском, бежтинском и в даргинском *канур*, лакском *чанур*, в арчинском *каинур*, в табасаранском *кафир*, а в лезгинском, также в агульском, рутульском — *кафир* [Забитов, 2001, с. 94], в ингушском *кафире* [Оздоева, 2007, с. 50]. По мнению Р.Ш. Каримовой и М.Ш. Халилова [Каримова, Халилов, 2013], *канураб* «немусульманин» в хваршинском языке (цезской подгруппы) происходит от арабского *кафир* (фонетическое изменение: и > у). То же значение и в бежтинском [Халилов, 1995, с. 143], в цезском — *канурав* [Халилов, 1999, с. 143], в каратинском и в чамалинском — *кануро/б* [Магомедова, Халидова, 2001, с. 162; Магомедова, 1999, с. 181].

Примечательно, что ни в одной из этих словоформ в нахско-дагестанских языках не

¹³ См.: «И положи крышку [*к-п-р*] на ковчег откровения во Святом-святых» [Исход 26:34].

¹⁴ Т.е. «покрывать правду».

произошло обычное фонетическое изменение арабских заимствований /п/ > /ф/. Это можно объяснить либо тем, что фонема /ф/ отсутствует во многих аваро-андо-цезских языках, и обычно фонема /ф/ в арабских заимствованиях передается как /п/, либо тем, что *капара* вошла непосредственно из иврита, поскольку в горско-еврейском языке в слово *копора* фонема /п/ присутствует. Однако в тиндинском языке фонетическое изменение /п/ > /б/ наблюдается в *kabarata*, что свидетельствует о возможном арабском влиянии.

В. Челидзе [Челидзе, 2020b, с. 51] пишет, что национальный грузинский поэт Шота Руставели упоминается как «Шота Купари» в грузинском историческом памятнике «Столетняя хроника» — XIV в. В. Челидзе [Челидзе, 2020b] ссылается и на востоковеда и руставелолога А. Элердашвили, который считает, что *купари* — грузинский вариант арабского *кафар*: (*кофр* «неверие» и *кафер* «неправедный» или «свободомыслящий»), а также на проф. Ш. Цицуашвили, который указывает на еврейское *куфер* с таким же толкованием [Челидзе, 2020b, с. 51]. Поскольку грузинский язык не знал исламского периода в своей истории, в связи с чем не мог испытывать и влияния арабского языка, а также (второй довод) — в грузинском языке присутствуют другие заимствования из иврита, возможно, что еврейское *куфер* в смысле «свободомыслящий» вошло непосредственно из иврита в грузинский язык. Также пассивный залог иврита *kûpar* *купар* «был накрыт», «прощен» может указывать на прямое заимствование из иврита с семантическим расширением и адаптацией к грузинской грамматике (маркер именительного падежа — *и*).

Заключение

Исследуемые слова в нахско-дагестанских языках традиционно считаются арабскими заимствованиями. Поэтому трудно точно определить и доказать, из какого именно семитского языка (в частности, из древнееврейского или арабского) этот корень *к-п-р* (*к-ф-р*) «покрытие» вошел в грузинский и некоторые другие кавказские языки. Оба условия вполне реальны по сложившимся в этом регионе историческим влияниям, а именно, с одной стороны, наличие многовековой еврейской диаспоры на Кавказе, а с другой стороны, религиозные связи Кавказа с Арабским Халифатом на протяжении нескольких столетий.

Наличие фонемы /ф/ в частности в лезгинских языках в подобных словоформах, как арабское слово *кафир* «немусульманин», «неверный», указывает на передачу через арабский язык. На возможность непосредственной передачи из иврита указывает наличие фонемы /п/, например, в грузинском, чеченском, горско-еврейском и в аварском.

Однако иврит появляется на данных территориях задолго до арабского — еврейские надписи на надгробиях II-V вв. подтверждают присутствие израэлитов/евреев в Грузии задолго до исламизации Северного Кавказа и Дагестана. Некоторая лексика еврейского происхождения подтверждена в кавказско-албанских палимпсестах IV в., — также до исламизации в Южном Дагестане.

Ни один язык не может претендовать на то, что только исконная лексика составляет его словарный запас. Со временем языки заимствуют, осваивают и адаптируют иностранные слова, пополняя свой запас, и они становятся «своими». Даже если окажется, что некоторые из проанализированных слов изначально происходят из библейского иврита, и были переданы через арабский язык на Кавказ — можно также причислить их к арабским заимствованиям.

Проведенный анализ является гипотезой — попыткой проследить путь заимствования некоторых религиозных слов в кавказских языках. Для окончательного вывода, безусловно,

Нешер С.
Параллели древнееврейского корня כפר *k-p-r* (*k-f-r*)
«покрытие» в лексике семитских и кавказских языков
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 52–67.

Nesher S.
Parallels of the Hebrew Root כפר *k-p-r* (*k-f-r*) 'Covering'
in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 52–67.

необходимы дополнительные исследования, материалом для которых могли бы стать албанские (синайские) палимпсесты, которые написаны задолго до знакомства иберийско-кавказских языков с исламской лексикой.

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том 3. 1979. М.: АН СССР. С. 6.
2. *Авшалумова Л.Х.* Иудаизм и его особенности в Дагестане. 1997. Махачкала: Дагкнигоиздат. С. 11, 34.
3. *Агарунов А.* Евреи Дагестана — История и Современность // Всемирный Конгресс Горских Евреев. 2009. С. 26-54.
4. *Альмурзаева П.Х.* Заимствованная лексика чеченского языка: дисс. ... канд. филол. наук. 2012. М.: Институт языкознания РАН. С. 20-22.
5. *Анисимов И.Ш.* «Кавказские еврей-горцы» // Сборник материалов по этнографии. Дашковский этнографический музей. 1888. М. С. 12-13, 96.
6. *Бен-Яков Б., Хольманский М.* Новый словарь русско-ивритский, иврит-русский. 1992. Иерусалим: Изд. Ш. Зак. 913 с.
7. Библия. Русский синодальный перевод. 1917.
8. Ветхий Завет. (Танах «Еврейская Библия» на иврите).
9. *Давид И.* История евреев на Кавказе. 1989. Тель-Авив: Кавкасион. 1406 с.
10. *Далгат Б.К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей / Послесл. Булатова А.О.; отв. ред. Арутюнов С.А. 2004. М.: Наука. С. 44-51.
11. *Забитов С.М.* Арабские заимствования в лексико-семантической системе восточнокавказских языков // Языки России (Кавказские языки). 2001. М. С. 89-98.
12. *Ибрагимов Г.Х.* Христианство у цахуров (йикийцев-албанцев) // Альфа и Омега. 1999. № 1 (19). М. С. 170-181.
13. *Каримова Р.Ш., Халилов М.Ш.* Заимствованная лексика в хваршинском языке / ред. Б. Комри. 2013. Махачкала: Алеф. 335 с.
14. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. 1986. М.: Наука. С. 107.
15. *Крихели С.* Грузинские евреи // Евреи: бухарские, горские, грузинские в водовороте истории. 2017. Н.-Й.: Kaykov Media. С. 285-486.
16. *Курбанова З.Г.* Арабские заимствования в рутульском языке: дисс. ... канд. филол. наук. 1999. Махачкала. С. 57-59.
17. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X-XVII веков. 1966. М.: Наука. С. 57-58, 173.
18. *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). 1982. Л.: Наука. С. 146.
19. *Лернер К.Б.* Евреи Грузии от эллинизма до позднего феодализма (II в. до н.э. — XIX в. н.э.). 2008. Иерусалим. С. 9, 12, 95-127.
20. *Лявданский А.К.* Библия. II. Рукописи и издания еврейского и греческого текста. Еврейские рукописи Ветхого Завета [Электронный ресурс] // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». 10 августа 2009. Том V. С. 97-110. URL: <https://www.pravenc.ru/text/209477.html> (дата обращения: 28.04.2023)
21. *Магомедова П.Т.* Тиндинско-русский словарь. 2003. Махачкала: ДНЦ РАН. 616 с.
22. *Магомедова П.Т.* Чамалинско-русский словарь. 1999. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра ДНЦ РАН. 437 с.

23. Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш. Каратинско-русский словарь. 2001. СПб.: Скрипториум. С. 162.
24. Маноах Б.Б. Пленники Салманасара (Из истории евреев Восточного Кавказа). 1984. Иерусалим. 160 с.
25. Махмудова С.М. It is my cross // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, no. 6, pp. 236-242.
26. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. 1961. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. С. 208.
27. Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. 1892. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук. 92 с.
28. Миллер В.Ф. Очерк фонетики еврейско-татского наречия — Татские этюды. Вып. 3. 1900. М.: Лазаревский институт восточных языков. 31 с.
29. Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам [Электронный ресурс]. URL: <http://saunje.ge/index.php?id=1674> (дата обращения: 10.06.2021)
30. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. 1977. Грозный. С. 137-140.
31. Нафталиев М.Н. Еврейско (джуури)-русский словарь / ред. Назарова Е.М. 2016. М.: Изд. дом СТМЭГИ. С. 278.
32. Немирович-Данченко В.И. Воинствующий Израиль. Неделя у дагестанских евреев // Кавказские еврей-горцы. 1880/2017. С. 46.
33. Оздоева Р.М. Арабизмы в ингушской лексике: дисс. ... канд. филол. наук. 2007. М. С. 50.
34. Стоянова Н.И., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в даргинском языке. 2005. Махачкала. С. 35.
35. Халиков К.Г., Эфендиев И.И. Словарь ориентализмов в аварском языке. 2002. Махачкала. С. 39.
36. Халилов М.Ш. Бежтинско-русский словарь. 1995. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 143.
37. Халилов М.Ш. Грузинско-дагестанские языковые контакты. 2004. М.: Наука. 285 с.
38. Халилов М.Ш. Цезско-русский словарь. 1999. М.: Academia, Махачкала: ДНЦ РАН. С. 143.
39. Челидзе В. История древних еврейских беженцев в Грузии (в Иберии) // Газета «Алион»: 2 декабря 2020а.
40. Челидзе В. Переписка по электронной почте. 2021.
41. Челидзе В. По следам контекстов грузинской поэмы Возрождения (Шота Руставели в Иерусалиме) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 41-60. DOI: 10.17759/langt.2020070404
42. Черный И. Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения // Кавказские еврей-горцы (сборник) / В.И. Немирович-Данченко. М.: Центрполиграф. 2017.
43. Bostrom S. Archaeologists Discover that Earliest Known Arabic Writing Was Penned by a Christian [Электронный ресурс] // Ancient Origins. 2016. URL: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/archaeologists-discover-earliest-known-arabic-writing-was-penned-christian-020778> (дата обращения: 16.02.2023)
44. Cook E.M. Hebraisms in the Targumim // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). DOI: 10.1163/2212-4241
45. David A. Before Islam: When Saudi Arabia Was a Jewish Kingdom [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haaretz.com/archaeology/.premium-before-islam-when-saudi-arabia-was-a-jewish-kingdom-1.5626227> (дата обращения: 11.10.2022)
46. Enoch R. Judeo-Georgian, Hebrew Component in // Encyclopedia of Hebrew Language and

Нешер С.
Параллели древнееврейского корня כִּפַּר *k-p-r* (*k-f-r*)
«покрытие» в лексике семитских и кавказских языков
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 52–67.

Nesher S.
Parallels of the Hebrew Root כִּפַּר *k-p-r* (*k-f-r*) 'Covering'
in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 52–67.

- Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013. Vol. 2. Leiden: Brill, pp. 179-180.
47. *Fraenkel S.* Die Aramaische Fremdwörter im Arabischen. 1886. Leiden: Brill.
48. *Geiger A.* Was hat Mohammed aus dem Judentume Aufgenommen? 1833/1896. Bonn.
49. *Gesenius H.F.W.* Gesenius' Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament. 1996. Grand Rapids Michigan: Baker Book House, p. 411.
50. *Gesenius H.F.W.* Gesenius' Hebrew Grammar / E. Kautzsch (ed.). 1910. Oxford: Clarendon Press, p. 12, 99-100.
51. *Gilliot C., Larcher P.* Language and Style // Encyclopedia of the Qur'ān. Vol. III / J.D. McAuliffe (ed.). 2003. Leiden, Boston: Brill, p. 115.
52. *Hafiz, Albara Altaher A.* Lexical Borrowing (Ta'rib) in Arabic Computing Terminology: Issues and Strategies [Электронный ресурс]. 2015. Durham University, p. 44. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/11195/> (дата обращения: 10.02.2023)
53. *Henshke Y.* The Hebrew and Aramaic Component of Judeo-Arabic // Languages in Jewish Communities, Past and Present. 2018. Boston, Berlin: Walter de Gruyter Inc., p. 650.
54. *Hopkins S.* Arabic, Hebrew Loanwords in Pre-Modern Period // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013.
55. *Horowitz J.* Das Koranische Paradies // Scripta Universitatis atque Bibliothecae Hierosolymitanarum. Jerusalem: Hebrew University, 1923.
56. *Hurvitz A.* Hebrew and Aramaic in the Biblical Period: the Problem of 'Aramaism' in Linguistic Research on the Hebrew Bible // Journal for the Study of the Old Testament. Supplement Series. 2003. No. 309. New York: T&T, p. 25.
57. *Jastrow M.* Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. 1903. London: Luzac & Co.; New York: G.P. Putnam's sons. 1736 p.
58. *Jeffery A.* The Foreign Vocabulary of the Quran. 2007. Leiden, Boston: Brill, pp. 2-51, 250.
59. *JVL. Jewish Virtual Library.* Ancient Jewish History: the Two Kingdoms (c.920 BCE — 597 BCE) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-two-kingdoms-of-israel> (дата обращения: 11.10.2022)
60. *Kadi W. (al-Qādī), Mir M.* Literature and the Qur'ān // Encyclopedia of the Qur'ān. Vol. III. / J.D. McAuliffe (ed.). 2003. Leiden, Boston: Brill, p. 213.
61. *Kernerman L.K.* Oxford English-Hebrew Hebrew-English Dictionary. 1995. Oxford: Oxford University Press, p. 137.
62. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. The University of Haifa. 1987. Jerusalem: Carta. 721 p.
63. *Kogan L.* Semitic Etymology in a Biblical Hebrew Lexicon: the Limits of Usefulness // Biblical Lexicology: Hebrew and Greek / E. Bons, J. Joosten, R. Hunziker-Rodewald, Walter de Gruyter (eds.). 2015. Berlin, Boston, p. 86.
64. *Lambdin T.O.* Introduction to Biblical Hebrew. 1973. Darton: Longman & Todd Ltd., p. XIII.
65. *Lerner K.B.* The Wellspring of Georgian Historiography: The Early Medieval Historical Chronicle, the Conversion of Kartli and the Life of St. Nino. 2004. L., E.: Bennett and Bloom. 237 p.
66. *Mamistvalishvili E.* The History of Georgian Jews. 2014. T.: Georgian Academic Book. 340 p.
67. *Nöldeke T., Schwally F.* The History of the Qur'ān. 2013. Leiden, Boston: Brill, p. 5, 194.
68. *Rippin A.* Foreign Vocabulary // Encyclopedia of the Qur'ān. Vol. 2, E-I / J.D. McAuliffe (ed.). 2002. Leiden, Boston: Brill, pp. 226-227.
69. *Rosenbaum G.M.* Judeo-Arabic, Egyptian, Hebrew Component in // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013.

Нешер С.

Параллели древнееврейского корня כִּפַּר *к-п-р* (*к-ф-р*) «покрытие» в лексике семитских и кавказских языков Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 52–67.

Nesher S.

Parallels of the Hebrew Root כִּפַּר *k-p-r* (*k-f-r*) 'Covering' in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 52–67.

70. Sokoloff M. A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period. 2nd ed. 2002. Ramat-Gan, Baltimore & London: Bar-Ilan University Press, John Hopkins University Press.

71. Tal A. Dictionary of Samaritan Aramaic. 2000. Boston-Köln: Brill. 1072 p.

72. University of Birmingham. Birmingham Qur'an Manuscript Dated among the Oldest in the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.birmingham.ac.uk/news/latest/2015/07/quran-manuscript-22-07-15.aspx> (дата обращения: 11.10.2022)

73. University of Haifa. Most Ancient Hebrew Biblical Inscription Deciphered [Электронный ресурс]. URL: <https://phys.org/news/2010-01-ancient-hebrew-biblical-inscription-deciphered.html> (дата обращения: 30.04.2023)

74. Zammit M.R. A Comparative Lexical Study of Qur'anic Arabic // Handbook of Oriental Studies. Section 1. The Near and Middle East. 2002. Vol. 61. Leiden, Boston: Brill, p. 53, 539.

References

1. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. Tom 3 [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. 3]. 1979. Moscow: AN SSSR, p. 6 (In Russ.)
2. Avshalumova L.Kh. Iudaizm i ego osobennosti v Dagestane [Judaism and its peculiarities in Dagestan]. 1997. Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 11, 34 (In Russ.)
3. Agarunov A. Evrei Dagestana — Istoriya i Sovremennost' [Jews of Dagestan — History and Modernity]. *Vsemirnyi Kongress Gorskikh Evreev = World Congress of Mountain Jews*. 2009, pp. 26-54 (In Russ.)
4. Al'murzaeva P.Kh. Zaimstvovannaya leksika chechenskogo yazyka: diss. ... kand. filol. nauk. [Borrowed Chechen lexicon. Ph. D. (Philology) Thesis]. 2012. Moscow: Institut yazykoznaneya RAN, pp. 20-22 (In Russ.)
5. Anisimov I.Sh. «Kavkazskie evrei-gortsy» [Caucasian Highlander Jews]. *Sbornik materialov po etnografii. Dashkovskii etnograficheskii muzei*. 1888. Moscow, pp. 12-13, 96 (In Russ.)
6. Ben-Yakov B., Kholmyanskii M. Novyi slovar' russko-ivritskii, ivrit-russkii [New Russian-Hebrew Hebrew-Russian Dictionary]. 1992. Ierusalim: Publ. Sh. Zak. 913 p. (In Russ.)
7. Bibliya. Russkii sinodal'nyi perevod [The Bible. Russian Synodal Translation]. 1917 (In Russ.)
8. Vetkhii Zavet. (Tanakh «Evreiskaya Bibliya» na ivrite) [Old Testament (Tanakh "Hebrew Bible")].
9. David I. Istoriya evreev na Kavkaze [History of Jews in the Caucasus]. 1989. Tel'-Aviv: Kavkasioni. 1406 p. (In Russ.)
10. Dalgat B.K. Pervobytnaya religiya chechentsev i ingushei [Primitive religion of Chechens and Ingush]. Bulatova A.O., Arutyunov S.A. (eds.). 2004. Moscow: Nauka, pp. 44-51 (In Russ.)
11. Zabitov S.M. Arabskie zaimstvovaniya v leksiko-semanticheskoi sisteme vostochnokavkazskikh yazykov [Arabic borrowings in the lexico-semantic system of East Caucasian languages]. *Yazyki Rossii (Kavkazskie yazyki) = Languages of Russia (Caucasian Languages)*. 2001. Moscow, pp. 89-98 (In Russ.)
12. Ibragimov G.Kh. Khristianstvo u tsakhurov (ikiitsev-albantsev) [Christianity among the Tzahurs (Yiqiu-Albanians)]. *Alfa i Omega = Alpha and Omega*. 1999. No. 1 (19). Moscow, pp. 170-181 (In Russ.)
13. Karimova R.Sh., Khalilov M.Sh. Zaimstvovannaya leksika v khvarshinskom yazyke [Borrowed vocabulary in Khvarshi language]. B. Komri (ed.). 2013. Makhachkala: Alef. 335 p. (In Russ.)
14. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie [Introduction to Caucasian linguistics]. 1986. Moscow: Nauka, p. 107 (In Russ.)
15. Krikheli S. Gruzinskie evrei [Georgian Jews]. *Evrei: bukharskie, gorskie, gruzinskie v*

vodovorote istorii = Jews: Bukhara, Highlander, Georgian in the Maelstrom of History. 2017. New York: Kaykov Media, pp. 285-486 (In Russ.)

16. Kurbanova Z.G. Arabskie zaimstvovaniya v rutul'skom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk. [Arabic loanwords in the Rutul language. Ph. D. (Philology) Thesis]. 1999. Makhachkala, pp. 57-59 (In Russ.)

17. Lavrov L.I. Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 1. Nadpisi X-XVII vekov [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th-17th centuries]. 1966. Moscow: Nauka, pp. 57-58, 173 (In Russ.)

18. Lavrov L.I. Etnografiya Kavkaza (po polevym materialam 1924-1978 gg.) [Ethnography of the Caucasus (based on field materials of 1924-1978)]. 1982. Leningrad: Nauka, p. 146 (In Russ.)

19. Lerner K.B. Evrei Gruzii ot ellinizma do pozdnego feodalizma (II v. do n.e. — XIX v. n.e.) [The Jews of Georgia from Hellenism to Late Feudalism (II century BC — XIX century AD)]. 2008. Jerusalem, p. 9, 12, 95-127 (In Russ.)

20. Lyavdanskii A.K. Bibliya. II. Rukopisi i izdaniya evreiskogo i grecheskogo teksta. Evreiskie rukopisi Vetkhogo Zaveta [Bible. II. Manuscripts and editions of the Hebrew and Greek text. Jewish manuscripts of the Old Testament] [Elektronnyi resurs]. *Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya Entsiklopediya» = Church-scientific centre "Orthodox Encyclopedia"*. 10th August 2009. Vol. 5, pp. 97-110. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/209477.html> (Accessed: 28.04.2023) (In Russ.)

21. Magomedova P.T. Tindinsko-russkii slovar' [Tindin-Russian dictionary]. 2003. Makhachkala: DNTs RAN. 616 p. (In Russ.)

22. Magomedova P.T. Chamalinsko-russkii slovar' [Chamalin-Russian dictionary]. 1999. Makhachkala: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy Dagestanskogo nauchnogo tsentra DNTs RAN. 437 p. (In Russ.)

23. Magomedova P.T., Khalidova R.Sh. Karatinsko-russkii slovar' [Karatin-Russian dictionary]. 2001. Saint Petersburg: Skriptorium, p. 162 (In Russ.)

24. Manoakh B.B. Plenniki Salmanasara (Iz istorii evreev Vostochnogo Kavkaza) [Prisoners of Salmanasar (From the history of Jews of the East Caucasus)]. 1984. Jerusalem. 160 p. (In Russ.)

25. Makhmudova S.M. It is my cross. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, no. 6, pp. 236-242.

26. Matsiev A.G. Chechensko-russkii slovar' [Chechen-Russian dictionary]. 1961. Moscow: Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, p. 208 (In Russ.)

27. Miller V.F. Materialy dlya izucheniya evreisko-tatskogo yazyka. Vvedenie, teksty i slovar' [Materials for the study of the Jewish-Tat language. Introduction, texts and dictionary]. 1892. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. 92 p. (In Russ.)

28. Miller V.F. Ocherk fonetiki evreisko-tatskogo narechiya — Tatskie etyudy. Vyp. 3 [Sketch of phonetics of the Jewish-Tat dialect — Tat etudes]. 1900. Moscow: Lazarevskii institut vostochnykh yazykov. 31 p. (In Russ.)

29. Muzhukhоеv M.B. Proniknovenie khristianstva k vainakham [Penetration of Christianity to the Vainakhs] [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://saunje.ge/index.php?id=1674> (Accessed: 10.06.2021) (In Russ.)

30. Muzhukhоеv M.B. Srednevekovaya material'naya kul'tura gornoj Ingushetii [Medieval material culture of mountainous Ingushetia]. 1977. Grozny, pp. 137-140 (In Russ.)

31. Naftaliev M.N. Evreisko (dzhuri)-russkii slovar' [Jewish (Jhuri)-Russian dictionary]. Nazarova E.M. (ed.) 2016. Moscow: Izd. dom STMEGI, p. 278 (In Russ.)

32. Nemirovich-Danchenko V.I. Voinstvuyushchii Izrail'. Nedelya u dagestanskikh evreev [Militant Israel. A week at the Dagestan Jews]. *Kavkazskie evrei-gortsy = Caucasian Highlander Jews*. 1880/2017, p. 46 (In Russ.)
33. Ozdoeva R.M. Arabizmy v ingushskoi leksike: diss. ... kand. filol. nauk. [Arabisms in Ingush lexicon. Ph. D. (Philology) Thesis]. 2007. Moscow, p. 50 (In Russ.)
34. Stoyanova N.I., Efendiev I.I. Slovar' arabskikh i persidskikh leksicheskikh zaimstvovaniy v darginском языке [Dictionary of Arabic and Persian lexical borrowings in the Dargin language]. 2005. Makhachkala, p. 35 (In Russ.)
35. Khalikov K.G., Efendiev I.I. Slovar' orientalizmov v avarском языке [Dictionary of Orientalisms in the Avar language]. 2002. Makhachkala, p. 39 (In Russ.)
36. Khalilov M.Sh. Bezhtinsko-russkii slovar' [Bezhtin-Russian dictionary]. 1995. Makhachkala: DNTs RAN, p. 143 (In Russ.)
37. Khalilov M.Sh. Gruzinsko-dagestanskije yazykovye kontakty [Georgian-Dagestan linguistic contacts]. 2004. Moscow: Nauka. 285 p. (In Russ.)
38. Khalilov M.Sh. Tsezsko-russkii slovar' [Tsez-Russian dictionary]. 1999. Moscow: Academia, Makhachkala: DNTs RAN, p. 143 (In Russ.)
39. Chelidze V. Istoriya drevnikh evreiskikh bezhentsev v Gruzii (v Iberii) [History of ancient Jewish refugees in Georgia (in Iberia)]. *Gazeta «Alion»: 2 dekabrya 2020a = Newspaper “Alion”*: 2nd December 2020a (In Russ.)
40. Chelidze V. Perepiska po elektronnoi pochte [E-mail correspondence]. 2021 (In Russ.)
41. Chelidze V. In the Footsteps of the Contexts of the Georgian Renaissance Poem (Shota Rustaveli in Jerusalem) [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 41–60. DOI: 10.17759/langt.2020070404. (In Russ., abstr. in Engl.)
42. Chernyi I. Gorskie evrei Terskoi oblasti. Kratkie istoricheskie svedeniya [Mountain Jews of the Tersk region. Brief historical information]. *Kavkazskie evrei-gortsy (sbornik) = Caucasian Highlander Jews (collection)*. V.I. Nemirovich-Danchenko. Moscow: Tsentrpoligraf. 2017 (In Russ.)
43. Bostrom S. Archaeologists Discover that Earliest Known Arabic Writing Was Penned by a Christian [Elektronnyi resurs]. *Ancient Origins*. 2016. Available at: <https://www.ancient-origins.net/news-history-archaeology/archaeologists-discover-earliest-known-arabic-writing-was-penned-christian-020778> (Accessed: 16.02.2023)
44. Cook E.M. Hebraisms in the Targumim. *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*. G. Khan, S. Bolozky (eds.). DOI: 10.1163/2212-4241
45. David A. Before Islam: When Saudi Arabia Was a Jewish Kingdom [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.haaretz.com/archaeology/.premium-before-islam-when-saudi-arabia-was-a-jewish-kingdom-1.5626227> (Accessed: 11.10.2022)
46. Enoch R. Judeo-Georgian, Hebrew Component in. *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics*. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013. Vol. 2. Leiden: Brill, pp. 179-180.
47. Fraenkel S. Die Aramaische Fremdwörter im Arabischen. 1886. Leiden: Brill.
48. Geiger A. Was hat Mohammed aus dem Judentume Aufgenommen? 1833/1896. Bonn.
49. Gesenius H.F.W. Gesenius' Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament. 1996. Grand Rapids Michigan: Baker Book House, p. 411.
50. Gesenius H.F.W. Gesenius' Hebrew Grammar. E. Kautzsch (ed.). 1910. Oxford: Clarendon Press, p. 12, 99-100.
51. Gilliot C., Larcher P. Language and Style. *Encyclopedia of the Qur'ān*. Vol. III. J.D. McAuliffe (ed.). 2003. Leiden, Boston: Brill, p. 115.

52. Hafiz, Albara Altaher A. Lexical Borrowing (Ta'rib) in Arabic Computing Terminology: Issues and Strategies [Elektronnyi resurs]. 2015. Durham University, p. 44. Available at: <http://etheses.dur.ac.uk/11195/> (Accessed: 10.02.2023)
53. Henshke Y. The Hebrew and Aramaic Component of Judeo-Arabic. Languages in Jewish Communities, Past and Present. 2018. Boston, Berlin: Walter de Gruyter Inc., p. 650.
54. Hopkins S. Arabic, Hebrew Loanwords in Pre-Modern Period. Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013.
55. Horovitz J. Das Koranische Paradies. Scripta Universitatis atque Bibliothecae Hierosolymitanarum. Jerusalem: Hebrew University, 1923.
56. Hurvitz A. Hebrew and Aramaic in the Biblical Period: the Problem of 'Aramaism' in Linguistic Research on the Hebrew Bible. Journal for the Study of the Old Testament. Supplement Series. 2003. No. 309. New York: T&T, p. 25.
57. Jastrow M. Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. 1903. London: Luzac & Co.; New York: G.P. Putnam's sons. 1736 p.
58. Jeffery A. The Foreign Vocabulary of the Quran. 2007. Leiden, Boston: Brill, pp. 2-51, 250.
59. JVL. Jewish Virtual Library. Ancient Jewish History: the Two Kingdoms (c.920 BCE — 597 BCE) [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-two-kingdoms-of-israel> (Accessed: 11.10.2022)
60. Kadi W. (al-Qādī), Mir M. Literature and the Qur'ān. Encyclopedia of the Qur'ān. Vol. III. J.D. McAuliffe (ed.). 2003. Leiden, Boston: Brill, p. 213.
61. Kernerman L.K. Oxford English-Hebrew Hebrew-English Dictionary. 1995. Oxford: Oxford University Press, p. 137.
62. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. The University of Haifa. 1987. Jerusalem: Carta. 721 p.
63. Kogan L. Semitic Etymology in a Biblical Hebrew Lexicon: the Limits of Usefulness. Biblical Lexicology: Hebrew and Greek. E. Bons, J. Joosten, R. Hunziker-Rodewald, Walter de Gruyter (eds.). 2015. Berlin, Boston, p. 86.
64. Lambdin T.O. Introduction to Biblical Hebrew. 1973. Darton: Longman & Todd Ltd., p. XIII.
65. Lerner K.B. The Wellspring of Georgian Historiography: The Early Medieval Historical Chronicle, the Conversion of Kartli and the Life of St. Nino. 2004. London, England: Bennett and Bloom. 237 p.
66. Mamistvalishvili E. The History of Georgian Jews. 2014. Tbilisi: Georgian Academic Book. 340 p.
67. Nöldeke T., Schwally F. The History of the Qur'ān. 2013. Leiden, Boston: Brill, p. 5, 194.
68. Rippin A. Foreign Vocabulary. Encyclopedia of the Qur'ān. Vol. 2, E-I. J.D. McAuliffe (ed.). 2002. Leiden, Boston: Brill, pp. 226-227.
69. Rosenbaum G.M. Judeo-Arabic, Egyptian, Hebrew Component in. Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. G. Khan, S. Bolozky (eds.). 2013.
70. Sokoloff M. A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period. 2nd ed. 2002. Ramat-Gan, Baltimore & London: Bar-Ilan University Press, John Hopkins University Press.
71. Tal A. Dictionary of Samaritan Aramaic. 2000. Boston-Köln: Brill. 1072 p.
72. University of Birmingham. Birmingham Qur'an Manuscript Dated among the Oldest in the World [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.birmingham.ac.uk/news/latest/2015/07/quran-manuscript-22-07-15.aspx> (Accessed: 11.10.2022)
73. University of Haifa. Most Ancient Hebrew Biblical Inscription Deciphered [Elektronnyi resurs].

Нешер С.
Параллели древнееврейского корня כִּפַּר *к-п-р (к-ф-р)*
«покрытие» в лексике семитских и кавказских языков
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 52–67.

Nesher S.
Parallels of the Hebrew Root כִּפַּר *k-p-r (k-f-r)* ‘Covering’
in the Lexicon of Semitic and Caucasian Languages
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 52–67.

Available at: <https://phys.org/news/2010-01-ancient-hebrew-biblical-inscription-deciphered.html>
(Accessed: 30.04.2023)

74. Zammit M.R. A Comparative Lexical Study of Qur’anic Arabic. Handbook of Oriental Studies. Section 1. The Near and Middle East. 2002. Vol. 61. Leiden, Boston: Brill, p. 53, 539.

Информация об авторе

Нешер Сара, аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация; учитель иностранных языков, международная языковая школа Berlitz, Иерусалим, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

Information about the author

Sarah Nesher, PhD student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Foreign Language Teacher, Berlitz International Language School, Jerusalem, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-0261>, e-mail: sarah19931998job@gmail.com

Получена 31.05.2024

Принята в печать 15.06.2024

Received 31.05.2024

Accepted 15.06.2024

Специфика интерпретационного анализа диалектных фразеологизмов

Ибрагимова М.О.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

Для понимания семантики отдельных фразеологических единиц рутульского языка, способов переноса значения в них необходимо привлекать материал его субстандартных единиц и языков лезгинской группы, что в дальнейшем будет способствовать решению проблем сравнительной фразеологии языков лезгинской группы. Исчерпывающее описание диалектной фразеологии как специфического пласта лексикологии представляет ценность для освещения истории эволюции механизма фразеобразования рутульского языка, в составе которого выявляются пять диалектов: мухадский, лежащий в основе формируемого литературного языка, борчинско-хновский, ихрекский, мюхрекский и шиназский. Отличия диалектной фразеологии от общенародной в сфере культурных компонентов семантики, в характере экспрессивности, в основе которой — специфическая образность, средства оценочности и уровень эмотивности, не позволяют применять стандартные методики, алгоритм которых в науке устоялся, для их семантической интерпретации.

Ключевые слова: рутульский язык, фразеология рутульского языка, диалектная фразеология, интерпретация фразеологизмов.

Для цитаты: *Ибрагимова М.О.* Специфика интерпретационного анализа диалектных фразеологизмов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 68–74. DOI: [10.17759/langt.2024110206](https://doi.org/10.17759/langt.2024110206)

Features of the Interpretative Analysis of Dialect Phraseological Units

Mariza O. Ibragimova

Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research
Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

To understand the semantics of individual phraseological units of the Rutul, ways of transferring meaning into them, it is necessary to involve the material of its sub-standard units and languages of the Lezgian group, which will further contribute to

solving the problems of comparative phraseology of the languages of the Lezgian group. The description of dialectal phraseology as a specific layer of lexicology is valuable for highlighting the history of the evolution of the mechanism of phrase formation of the Rutul language, which includes five dialects: Mukhad, which is the basis of the literary language being formed, Borch-Khnov, Ihrek, Muhrek and Shinaz. Dialectal phraseology differs from the national sphere in the cultural components of semantics, the nature of expressiveness, which is based on specific imagery, means of evaluation and the level of emotivity. This does not allow the use of standard techniques, the algorithm of which is well-established in science, for the semantic interpretation of dialectal phraseological units.

Keywords: Rutul language, phraseology of the Rutul, dialect phraseology, interpretation of phraseological units.

For citation: Ibragimova M.O. Features of the Interpretative Analysis of Dialect Phraseological Units. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 68–74. DOI: 10.17759/langt.2024110206 (In Russ.).

В настоящей работе предполагается исследовать особенности интерпретации семантики диалектных ФЕ, уровень их эквивалентности в парах субстандартных единиц рутульского языка, что позволит эксплицитно представить их общие свойства и выявить специфические черты, обусловленные развитием ареальных языковых единиц в различных условиях. Объектом исследования являются ФЕ пяти диалектов рутульского языка: мухадского, лежащего в основе формируемого литературного языка, борчинско-хновского, ихрекского, мюхрекского и шиназского.

Тот факт, что диалектная фразеология транслирует специфический тип ментальности группы людей, объединенных территорией проживания, обуславливает ее самостоятельную лингвокультурную ценность. Основные отличия диалектной фразеологии состоят в использовании лексем, лингвокультурем, оборотов, характерных для отдельных субстандартных единиц языка. Общепринято называть лексику и фразеологию, использование которой не ограничивается территориальными границами или социальной средой.

В отношении рутульского языка мы не можем говорить о четком противопоставлении общепринятой и диалектной фразеологии, т.к. фразеология мухадского диалекта, лежащего в основе формируемого рутульского языка, включает в себя несвободные выражения, не столь широко распространенные и общепонятные для носителей других диалектов рутульского языка. Это отчасти связано и со сравнительно недавней письменной традицией рутульцев, алфавит для которых был утвержден в 1990 году, и с относительной автономностью бытового использования местной речи.

Фразеологические единицы рутульского языка исследованы фрагментарно в работах Ф.И. Гусейновой [1, 2], М.О. Ибрагимовой [5]. Во «Фразеологическом словаре рутульского языка», составленном С.М. Махмудовой, идиоматика систематизирована и подробно интерпретирована в семантическом аспекте [6].

Проблему недостаточной исследованности диалектной фразеологии освещали теоретики-специалисты. Так, А.Г. Гюльмагомедов отмечает как «досадный факт, — полное отсутствие работ, посвященных фразеологической системе многих дагестанских

диалектов» [3, с. 92], М.М. Магомедханов считает проблемой, ожидающей решения «Исследование вопросов диалектной фразеологии, основывающиеся на описательном и сравнительно-историческом методах, создание диалектных словарей, которые способствовали бы обогащению фразеологического фонда и нормированию младописьменных литературных языков» [7, с. 79]. Н.Д. Сулейманов отчасти восполнил этот пробел, рассмотрев вопросы междиалектной фразеологии на материале 900 глагольных фразеологических единиц, записанных в 11 населенных пунктах у носителей агульского языка. Диалектные фразеологизмы им определяются как «... *сверхсловные воспроизводимые в речи единицы, территориально ограниченные в своем употреблении*» [8, с. 12].

Привлечение диалектного материала рутульского языка способствует (в некоторых случаях) пониманию семантики и этимологии несвободных сочетаний, способов переноса значения. Зачастую для интерпретационного анализа ФЕ недостаточно сведений из одного диалекта: парное фразеологическое сочетание *хын-хыдычI* «ковровые изделия» состоит из общерутульской лексемы *хын* «ковровое изделие; ковер» и лексемы из ихрекского диалекта *хыдычI* «бахрома ковра», в мухадском диалекте компонент *хыдычI* используется только в составе приведенного нами несвободного словосочетания. С.М. Махмудова во «Фразеологическом словаре рутульского языка» приводит пословицу «Хьан хьидыхда сивигыр а, я хьуIвгьуIд, я хьуIджувгьуIд — “Дело поручено тому, кто может совершенно провалить его” (букв. Сито за водой послано — или вернется, или нет)» [6, с. 15], отмечая при этом, что «слово *хьан* “сито”, исконно рутульское, сохранилось только в данном выражении. В современном рутульском языке употребляется слово *субхь* — заимствование» [Там же]. Между тем лексема *хьан* «сито, решето» функционирует в ихрекском диалекте на синхронном уровне, о чем свидетельствуют данные «Рутульско-русского словаря (ихрекский диалект)» [4, с. 392].

Анализируя несвободные сочетания слов в диалектах рутульского языка, мы пришли к заключению о наличии в парах диалектов мухадский — ихрекский, мухадский — шиназский, мухадский — борчинско-хновский единиц с разной степенью эквивалентности:

1. Единицы с идентичной семантикой и сходным фонетико-грамматическим оформлением:

- **мухад.** *лывхьыд викьиддиш* «о человеке, который умеет приспосабливаться к окружающим условиям» (букв. кушающий не умрет) // **ихрек.** *выхьаьды викьейш*;
- **мухад.** *гьил-хыл йитIур* «оказаться в беспомощном состоянии, лишиться возможности свободно действовать» (букв. нога-рука связав) // **ихрек.** *гьил-хыл йитIыр*;
- **мухад.** *йикI сихьыр* «искренне, от души сделать что-нибудь» (букв. сердце положив) // **шиназ.** *гьикI сихьыр* и т. д.

2. Некоторые фразеологические единицы имеют частично сходные эквиваленты в диалектах, в них единая семантика передается разными лексическими средствами: как правило, один из компонентов заменяется синонимом или лексемой, отражающей базовую образность:

- **мухад.** *хыл-худ йывхьыс* «оказывать посильную помощь кому-нибудь» (букв. руку-кулак приложить) // **шиназ.** *гьил-хыл кевкьас* (букв. ногой-рукой тронуть);

- **мухад.** йиклис серинды «неприятный человек» (букв. сердцу прохладный) // **шиназ.** гьиклис мыкьды (букв. сердцу холодный);
- **мухад.** джудды йилагмыклаа гьыгьыд «надоедливый человек, зануда» (букв. из мелких железок сделанный) // **шиназ.** джудды члал хад (букв. мелкие слова имеющий) и т.д.;

3. К безэквивалентным можно отнести следующие фразеологические единицы, не имеющие соответствий в мухадском диалекте:

- **ихрек.** ваз фабкьыр лузури «о довольном человеке» (букв. луну держа, стоит);
- **ихрек.** джудды рулхал лаварув «не умеющий слушать других» (букв. на своей мельнице молотит);
- **шиназ.** гар рубгьалй «не знающий страха; бесстрашный, отважный, смелый» (букв. тот, кто глотает змею) и т. д.

В диалектах рутульского языка от доисламского периода сохранились устойчивые выражения с компонентом *йиниш* / *йинчи* (мухад.), *гьыныш* (ихрек., шиназ.), *гьыниш* (борч.-хнов.) «бог; всевышний»;

- **мухад.** йиниш кьулыы гьад «богобоязненный, человечный» (букв. всевышнего над головой имеющий) // **ихрек.** гьыныш укьлий гьаьды;
- **мухад.** йинчире хьл гакьыри «о чудесном спасении из угрожающей жизни ситуации» (букв. бог руку подставил) // **ихрек.** гьынчираь хьл гекькьыри;
- **мухад.** йинчид члел джавацлад «выражающий отказ слушаться, повиноваться кому-нибудь» (букв. божьего языка не знающий) // **ихрек.** гьынчид гаь ун джьырлхьыд (букв. божьего даже голоса не слышащий) и т.д.

В рутульском языке выявляются междиалектные синонимичные фразеологизмы, характеризующиеся сходными образными системами при аналогичных структурных моделях и семантике:

- **мухад.** гаьшды тыла «жадина, ненасытный» (букв. голодная собака) // **ихрек.** гаьшды убул (букв. голодный волк);
- **мухад.** кьулуу сукьун «обнаглеть, почувствовать себя хозяином положения» (букв. на голове сидеть) // **ихрек.** гваргый сикьун (букв. на позвоночнике сидеть);
- **мухад.** гаьшинире йикьыре «о жадном человеке» (букв. от голода умирает) // **ихрек.** гаьшераь гьурхьури (букв. от голода сгорел);
- **мухад.** кьалсды вайхьыр «дряхлый старик» (букв. старая кляча) // **хнов.** кьалсды мамаш (букв. старая овца);
- **мухад.** гар кид мыхьыл «о постоянно чешущемся нечистоплотном человеке» (букв. козленок с чесоткой) // **хнов.** гьутура цлигь (букв. коза с чесоткой).

Интересны случаи омонимии в области литературно-диалектной и междиалектной фразеологии. Мы выявили следующие фразеологические единицы, имеющие идентичный набор компонентов, но отличающиеся семантикой в разных формах существования языка:

- **мухад.** вахт вахтинды «вовремя, своевременно» (букв. время на время) — **ихрек.** вахтийа вахтий «время от времени» (букв. со времени на время; в мухадском диалекте в таком значении используется лексема *арабир*);

- **мухад.** *Глаьле ад ихтилат* «новость, которая у всех на устах» (букв. во рту имеющийся разговор) — **ихрек.** *Глаьле аьд ихтилаьт* «неоконченный разговор» (букв. разговор, который во рту);
- **ихрек.** *гьурдигенаьд хал* «наволочка» (букв. подушки дом; ср. в мухадском диалекте *гьурдигенед хьесым* (букв. подушки лицо)) — **шиназ.** *гьурдикнед хал* «отсутствие своего очага, жилья» (букв. подушки дом).

Семантическое неравенство формально совпадающих ФЕ проявляется и в следующих примерах: в мухадском диалекте выражение *ул йывхыӀс* (букв. глаз ударить) означает «проведать», шиназский когнат *ул йывхалас* характеризует порядок действий при лечении от порчи; мухадская ФЕ *уле йакв мадана* означает «до сумерек, до темноты, пока светло» (букв. пока в глазу свет), в шиназском диалекте *уле йакв ана* имеет два значения: «1) делать или говорить что-нибудь в предсмертный час по желанию умирающего человека; 2) засветло, пока светло»; мухадский фразеологизм *ул-убур хьудишине* (букв. глаз-ухо не имея) означает «без должного внимания, без заботы», шиназский когнат *ул-убур хьуджшина* имеет семантику «уверенно, не имея сомнений».

Специфика образности проявляется и в подборе объектов сравнения: так, в шиназском диалекте встречаются ФЕ с существительным *гутӀ* «куча, свалка», характеризующие мужчин и женщин, допускающих множественные любовные отношения: *рышбаьшды гутӀ* «ловелас» (букв. девочек куча); *гаьдишды гутӀ* «девушка легкого поведения» (букв. мальчиков куча). В мухадском диалекте для характеристики невоспитанного человека используют ФЕ *дамаа хакьыд* (букв. пойманный в лесу); в шиназском диалекте в близкой по форме и семантике единице лексему *дам* «лес» заменяют словом *чул* «степь, поле»: *чулдаа акьыд* «угрюмый, избегающий общения, любящий одиночество» (букв. в степи найденный).

Специфическая образность диалектной фразеологии объясняет научный интерес к процессу понимания образности этого пласта языка. Интерпретационный анализ диалектных ФЕ осложняется характером их экспрессивности, основанной на специфических средствах оценочности, образности. Эти особенности требуют отхода от традиционных методик с устоявшимися в науке алгоритмами и привлечения приемов внутренней и внешней реконструкции, этимологического анализа. При этом лингвокультурологические особенности отдельных диалектов можно рассматривать сквозь призму рутульского языка в целом, так как базовые фразеологизмы у носителей диалектов едины.

Список условных сокращений: борч.-хнов. — борчинско-хновский диалект рутульского языка, ихрек. — ихрекский диалект рутульского языка, мухад. — мухадский диалект рутульского языка, ФЕ — фразеологическая единица, шиназ. — шиназский диалект рутульского языка; хнов. — хновский говор рутульского языка.

Литература

1. Гусейнова Ф.И. Фразеологизмы рутульского языка // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. 1984. Махачкала. С. 141-149.
2. Гусейнова Ф.И. Лексика рутульского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1988. Тбилиси. 25 с.
3. Гюльмагомедов А.Г. Некоторые итоги и очередные задачи исследования фразеологических единиц языков Дагестана // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. 1984. Махачкала.

С. 88-97.

4. Джамалов К.Э., Семедов С.А. Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). 2006. М.: Экон-Информ. 466 с.
5. Ибрагимова М.О. Формы ограниченного множественного числа в устойчивых выражениях рутульского языка // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 5 (41).
6. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
7. Махмудова С.М. О философской основе соматических фразеологизмов в рутульском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Тамбов. № 1 (55). С. 154-158.
8. Махмудова С.М., Хангереев М.-Б.Д.-Г., Алиева З.М., Базиева З.М., Гаджиахмедов Т.И., Гасанова М.А., Гасанова У.У., Гусейнов Г.М., Джалилова А.Б., Исрапилов П., Керимова К.Р., Кусегенова Ф.А., Магдилова Р.А., Мудунова Г.А., Сиражудинов Р.М., Солтаханов И.Э., Сулейманова Г.П., Султанмурадова Н.Э. Краткий разговорник на языках народов Дагестана. 2015. Махачкала.
9. Магомедханов М.М. Проблемы национально-русской фразеологии. 1988. Махачкала. 228 с.
10. Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 1986. Махачкала. 24 с.

References

1. Guseinova F.I. Frazеologizmy rutul'skogo yazyka [Phraseologisms of the Rutul language]. *Voprosy obshchei i dagestanskoi frazeologii = Issues of General and Dagestan Philology*. 1984. Makhachkala, pp. 141-149 (In Russ.)
2. Guseinova F.I. Leksika rutul'skogo yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Lexicon of the Rutul language. Ph. D. (Philology) Thesis]. 1988. Tbilisi. 25 p. (In Russ.)
3. Gyul'magomedov A.G. Nekotorye itogi i ocherednye zadachi issledovaniya frazeologicheskikh edinits yazykov Dagestana [Some results and next tasks of the study of phraseological units of Dagestan languages]. *Voprosy obshchei i dagestanskoi frazeologii = Issues of General and Dagestan Philology*. 1984. Makhachkala, pp. 88-97 (In Russ.)
4. Dzhamalov K.E., Semedov S.A. Rutul'sko-russkii slovar' (ikhrekskii dialekt) [Rutul-Russian dictionary (Ihrek dialect)]. 2006. Moscow: Ekon-Inform. 466 p. (In Russ.)
5. Ibragimova M.O. Formy ogranichenogo mnozhestvennogo chisla v ustoichivyykh vyrazheniyakh rutul'skogo yazyka [Limited plural forms in Rutul stable expressions]. *Russkii lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2023. No. 5 (41) (In Russ.)
6. Makhmudova S.M. Frazеologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka [Phraseological dictionary of the Rutul language]. 2016. Moscow: Epokha. 215 p. (In Russ.)
7. Makhmudova S.M. O filosofskoi osnove somaticheskikh frazeologizmov v rutul'skom yazyke [On the philosophical basis of somatic phraseological expressions in the Rutul language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2016. Tambov. No. 1 (55), pp. 154-158 (In Russ.)
8. Makhmudova S.M., Khangereev M.-B.D.-G., Alieva Z.M., Bazieva Z.M., Gadzhiakhmedov T.I., Gasanova M.A., Gasanova U.U., Guseinov G.M., Dzhaliilova A.B., Israpilov P., Kerimova K.R., Kusegenova F.A., Magdilova R.A., Mudunova G.A., Sirazhudinov R.M., Soltakhanov I.E., Suleimanova G.P., Sultanmuradova N.E. Kratkii razgovornik na yazykakh narodov Dagestana [Brief phrasebook in the languages of Dagestan peoples]. 2015. Makhachkala (In Russ.)
9. Magomedkhanov M.M. Problemy natsional'no-russkoi frazeografii [Problems of national Russian phraseography]. 1988. Makhachkala. 228 p. (In Russ.)

Ибрагимова М.О.
Специфика интерпретационного анализа диалектных
фразеологизмов
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 68–74.

Ibragimova M.O.
Features of the Interpretative Analysis of Dialect
Phraseological Units
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 68–74.

10. Suleimanov N.D. Glagol'naya frazeologiya agul'skogo yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Verb phraseology of the Agul language. Ph. D. (Philology) Thesis]. 1986. Makhachkala. 24 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ибрагимова Мариза Оглановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

Information about the author

Mariza O. Ibragimova, Doctor in Philology, Associate Professor, Leading Research Associate, Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3910-3923>, e-mail: mariza71@mail.ru

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024

Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»

Кулакова В.А.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kbera96@gmail.com

Образ персонажа в литературном тексте реализуется набором различных средств, и не только описание физических качеств может наделять действующие лица характеристиками. Пространственные и временные показатели определяют, как «существует» персонаж в вымышленном мире, и накладывают на него отпечаток создаваемого автором повествования, эпохи и смены событий. На примере персонажа (совести) из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина показывается, как синтаксические конструкции формируют пространство, время и облик персонажа.

Ключевые слова: время, образ персонажа, пространство, синтаксис, синтаксические средства.

Для цитаты: Кулакова В.А. Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81. DOI: [10.17759/langt.2024110207](https://doi.org/10.17759/langt.2024110207)

The Influence of Syntactic Means of Representing Time and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"

Veronika A. Kulakova

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,
e-mail: kbera96@gmail.com

The image of a character in a literary text is realized by a set of various means, and not only the description of physical qualities fills the characters up with characteristics. Spatial and temporal indicators determine how a character "exists" in a fictional world, and leave the imprint of the narrative created by the author (epoch and change of events) on him. Using the example of a character (conscience) from M.E. Saltykov-Shchedrin's fairy tale it is shown how syntactic constructions shape space, time and the appearance around the character.

Keywords: time, character image, space, syntax, syntactic means.

For citation: Kulakova V.A. The Influence of Syntactic Means of Representing Time and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience". *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81. DOI: 10.17759/langt.20241100207 (In Russ.).

Введение

Восприятие и познание мира является уникальным и неповторимым опытом для каждого человека — оно не может быть шаблонным в силу своей природы. Все объекты действительности, в том числе художественное произведение, понимаются человеком по-своему.

Образы в тексте и их восприятие

Литературный текст может быть рассмотрен с двух точек зрения: ученого-исследователя и читателя. Ю.Н. Караулов, изучая языковую личность, отметил, что *«критик, литературовед, исследователь языка в своем подходе к анализу литературного произведения как бы ставит себя на место автора, и поэтому решающей категорией такого анализа становится образ автора, отчуждаемый от структуры данного литературного произведения»*, но *«в иной позиции стоит читатель, который в процессе движения по тексту ставит себя в один ряд с персонажами, совершает подстановки на место разных героев, поскольку сокровенная тайна воздействия художественных образов на читателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни»* [5, с. 32]. Значит, разница в перцепции текста проявляется в позиции, которую занимает человек, работающий с текстом: *«образ автора — категория чисто исследовательская, тогда как художественный образ — категория читательская, хотя для последнего эта категория функционирует лишь на уровне знания, а ее осознание как категории остается привилегией исследователя»* [5, с. 32]. Образ автора и образ персонажа выступают как отдельные, не связанные элементы анализа. Подобного мнения придерживался М.М. Бахтин: *«персонажи говорят как участники изображенной жизни, говорят, так сказать, с частных позиций, их точки зрения так или иначе ограничены (они знают меньше автора). Автор вне изображенного (и в известном смысле созданного им) мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и качественно иных позиций. Наконец, все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними возможны диалогические отношения»* [2]. Следовательно, особенностью изучения образа персонажа всегда является то, что над ним возвышается категория автора. Эти категории не являются тождественными.

Категория пространства

Автор помещает свои образы в создаваемое им пространство. М.М. Бахтин пояснил: *«между изображающим реальным миром и миром изображенным в произведении проходит резкая и принципиальная граница. Об этом никогда нельзя забывать, нельзя смешивать, как это делалось и до сих пор еще иногда делается, изображенный мир с изображающим миром (наивный реализм), автора — творца произведения с автором-человеком (наивный биографизм), воссоздающего и обновляющего слушателя-читателя разных (и многих) эпох с пассивным слушателем-читателем своей современности (догматизм понимания и оценки). Все подобного рода смешения методологически совершенно недопустимы. Но совершенно*

недопустимо понимание этой принципиальной границы как абсолютной и непреходимой (упрощенческое догматическое спецификаторство)» [3, с. 402]. Художественный мир и мир реальный не являются тождественными, но в них происходят подобные процессы. Л. Эйлер установил, что «понятие пространства мы можем воспринять лишь с помощью абстракции: для этого мы должны мысленно удалить свое тело, и уже то, что, по нашему представлению, после этого остается, мы называем пространством» [10, с. 266]. Однако если убрать образ персонажа из текста, останется ли пространство? Для реального мира «Эйлер признавал и относительное пространство, т. е. пространство, связанное с телами, и абсолютное пространство» [4, с. 18]. Эта теория проявляется в следующем.

Определение. «Место есть часть неизмеримого или бесконечного пространства, в котором находится весь мир. Принятое в этом смысле место обычно называют абсолютным, чтобы отличить его от места относительного» [10, с. 41].

Следствие 1. «...если тело последовательно занимает одну за другой части этого неизмеримого пространства, то оно движется; наоборот, если оно постоянно пребывает в одном и том же месте, тогда оно находится в покое» [10, с. 41].

Следствие 2. «...обыкновенно представляют себе определенные границы этого пространства, к которым и относят тела. Это отношение и есть то, что называется положением. О тех телах, которые сохраняют то же самое положение относительно этих границ, говорят, что они находятся в покое. Наоборот, о тех телах, которые меняют свое положение, говорят, что они движутся» [10, с. 41].

Таким образом, если объект меняет положение в пространстве, он движется, следовательно, совершает действие во времени. Перемещения для персонажа в литературном произведении, вероятно, необходимы именно потому, что без них не создается окружающего пространства, которое может отображать не только его «физическое» местонахождение, но и ментальное состояние.

Пространственные путешествия совести

После небольшого физико-математического отступления будет предложено рассмотреть, как проявлялось подобное движение у персонажа в тексте художественного произведения — сказке «Пропала совесть» М.Е. Салтыкова-Щедрина — и как оно повлияло на создание образа персонажа.

Временная парадигма. С утратой совести люди стали раскованы в своих действиях, в связи с чем «и настоящее, и будущее — все, казалось, так и отдавалось им в руки, — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести». Совесть существовала, «еще вчера ... мелькала перед глазами», а затем исчезла. Люди «наконец, освободились от последнего ига». Временная парадигма произведения обозначена наречием времени *вчера* и вводным компонентом *наконец*, восходящим к темпоральному наречию. В своем общем значении они «репрезентируют различные темпоральные отношения к моменту речи с точки зрения говорящего» [9, с. 26]. Узкие значения могут быть следующими:

- *вчера* — «в день, предшествовавший текущему дню; накануне»; «то, что было до настоящего дня, до настоящего времени; события вчерашнего дня или недавнего прошлого» [8, т. 2, ст. 932];

- *наконец* — «в конце всего, после всего, напоследок» [8, т. 2, ст. 276] (может пониматься как вводное слово: «означает, что мера терпения, ожидания и т. п. переполнена» [8, т. 7, ст. 276]).

Частица *еще* употреблена «для придания выразительности и оттенка неудовольствия по поводу соответствующего вопроса или заявления», а также для «указания на то, что сказанное является уточнением, добавлением деталей» [6, с. 118].

Таким образом, в произведении четко противопоставляется время *до* и *после* потери совести, которую заметил «говорящий» — автор. Он отобразил в своем тексте этот переломный момент, который повлечет дальнейшее «движение» совести в пространстве произведения.

Преобразования, которые провоцирует обретение совести, однотипны. Так, первый владелец «*вдруг* он почувствовал» (ср.: глагол совершенного вида + *вдруг* = «одноактные, совершенные в один прием действия и действия результативные» [9, с. 26]), «*постепенно* возвращается то горькое сознание действительности», «*сначала* он почувствовал только страх ... *потом* всполошилась память, заговорило воображение», «*затем*, сам собой, проснулся суд» [7]. Подобные преобразования будут происходить с каждым владельцем. Для них протяженность во времени не существенна, однако важен результат — *что-то произошло, теперь* все будет иначе. Употребление глаголов совершенного вида создает ситуацию неизбежно совершившегося действия. Для образа совести средства реализуют такую характеристику, как обязательное влечение за собой резких «пагубных» изменений.

Пространственная парадигма. У совести после утраты было несколько владельцев. Сначала «бедная совесть лежала между тем *на дороге*», «*в благоустроенном городе, и на самом бойком месте*».

Владелец 1. Несчастный пропоец. «прячет находку *в карман* и удаляется с нею», «приближается он *к питейному дому*» [7].

Владелец 2. Прохорыч. «ужасная находка уже лежит у него *в руке*»; Арина Ивановна, жена, «выкрала у спящего мужа совесть и стремглав бросилась с нею *на улицу*» [7].

Владелец 3. Ловец. «сунула потихоньку совесть *в карман его пальто*», «совесть осталась, вместе с пальто, на стенке», ловчиха «сунула совесть *в штемпельный конверт*» [7].

Владелец 4. Самуил Давыдыч «распечатал присланный по почте конверт, вынул из него щипчиками посылку [совесть], переложил ее *в другой конверт*»; «шталась бедная, изгнанная совесть *по белому свету*» [7].

Последний владелец нашел «маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил *в нем совесть*» [7].

Таким образом, совесть посредством синтаксических конструкций передвигается по следующей цепи: *улица — карман — питейный дом — улица — карман — штемпельный конверт — другой конверт — чистое сердце ребенка*. Цепочка имеет несколько одинаковых звеньев, что доказывает ненужность совести для людей. Толкования для мест нахождения совести следующие:

- *улица* — ‘1. пространство между двумя параллельными рядами домов ...’, ‘2. место, пространство вне дома, за пределами жилого помещения (обычно под открытым небом)’ [8, т. 16, ст. 542-543];

- карман — ‘1. пришитый к одежде мешочек ... для мелких вещей и денег’, ‘2. *перен.* о материальном благосостоянии, богатстве, деньгах’, ‘3. особое отделение в портфеле, чемодане...’; ‘4. *спец.* об углублениях различного рода (пример: карман толстой кишки) [8, т. 5, ст. 821-822];
- питейное ‘устар. связанный с торговлей спиртными напитками [8, т. 9, ст. 1257]’ заведение ‘устар. торговое предприятие, трактир и т. п.’ [8, т. 4, ст. 278];
- конверт — ‘бумажный пакет, сложенный с четырех сторон углами, в который вкладывают письмо’ [8, т. 5, ст. 1275];
- сердце — ‘1. центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка’, ‘2. *перен.* Этот орган как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека’ [8, т. 13, ст. 680-681].

Исходя из этого, можно сделать следующие заключения: 1) изначально брошенной на дороге на улице «бедной» совести было плохо, ей необходимо замкнутое пространство, и именно в нем она может функционировать; 2) она крошечная, ей достаточно небольших вместилищ; 3) ей необходимо взаимодействие: в кармане повешенного на крючок пальто она не влияет на человека. Помещенная в сердце маленького ребенка совесть получает благоприятные для нее условия, т. к. именно здесь, согласно автору, она «станет не робкая», и впоследствии «исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия» [7].

Заключение

Образ персонажа создается совокупностью средств, к которым относятся временные и пространственные показатели. Целостность литературного героя, его характеристики и влияние на окружение создаются с помощью движения в литературном пространстве — перемещения, направляемого автором. М.М. Бахтин заметил, что «*позиция автора-художника и его художественное задание может быть и должно быть понято в мире в связи со всеми ценностями познания и этического поступка*», «движение» которого необходимо постичь [1, с. 32–33]. Следовательно, «поступки» — действия — так или иначе формулируют позицию автора, являются частью средств, способствующих ее проявлению, и именно *движение поступка* мотивирует писателя формировать пространство и время своего произведения.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 6-71.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
4. Егоршин В. Предисловие редактора // Эйлер Л. Основы динамики точки / пер. В.С. Гофмана, С.П. Кондратьева. М., Л.: Главная редакция технико-теоретической литературы, 1938. С. 5-28.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Кулакова В.А.
Влияние синтаксических средств репрезентации
времени и пространства на образ персонажа в сказке
М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81.

Kulakova V.A.
The Influence of Syntactic Means of Representing Time
and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-
Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81.

6. *Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. 421 с.*
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Пропала совесть [Электронный ресурс] // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0370.shtml (дата обращения: 29.01.2024).
8. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1930-1965.*
9. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в современном русском языке. М.: МПУ, 2000. 156 с.
10. Эйлер Л. Основы динамики точки / пер. В.С. Гофмана, С.П. Кондратьева. М., Л.: Главная редакция технико-теоретической литературы, 1938. 500 с.

References

1. Bakhtin M.M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material and form in verbal artistic creativity]. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let = Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 6-71 (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience in philosophical analysis] [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://www.infolib.info/philol/bakhtin/probltext.html> (Accessed: 29.01.2024) (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let = Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234-407 (In Russ.).
4. Egorshin V. Predislovie redaktora [Editor's Preface]. Euler L. *Osnovy dinamiki tochki = Mechanica sive motus scientia analytice exposita*. Translated V.S. Gofman, S.P. Kondrat'ev. Moscow, Leningrad: Glavnaya redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938, pp. 5-28 (In Russ.).
5. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. 7th edition. Moscow: LKI, 2010. 264 p. (In Russ.).
6. Ob"yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: ok. 1200 edinit [Explanatory dictionary of the Russian language: structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, copular verbs: approx. 1200 units]. V.V. Morkovkin (ed.). 2nd edition. Moscow: Astrel': AST, 2003. 421 p. (In Russ.).
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Propala sovest' [The Lost Conscience] [Elektronnyi resurs]. Az.lib.ru. Available at: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0370.shtml (Accessed: 29.01.2024) (In Russ.).
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow, Leningrad: Publ. Akademii nauk SSSR, 1930-1965 (In Russ.).
9. Shapovalova T.E. Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v sovremennom russkom yazyke [Category of syntactic tense in modern Russian language]. Moscow: MPU, 2000. 156 p. (In Russ.).

Кулакова В.А.
Влияние синтаксических средств репрезентации
времени и пространства на образ персонажа в сказке
М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81.

Kulakova V.A.
The Influence of Syntactic Means of Representing Time
and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-
Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81.

10. Eiler L. *Osnovy dinamiki tochki = Mechanica sive motus scientia analytice exposita*. Translated V.S. Gofman, S.P. Kondrat'ev. Moscow, Leningrad: Glavnaya redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938. 500 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Кулакова Вероника Александровна, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, kbera96@gmail.com

Information about the author

Veronika A. Kulakova, PhD student, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, kbera96@gmail.com

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024

Вокативы и их функции в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (к 225-летию со дня рождения)

Черникова Н.В.

Мичуринский государственный аграрный университет (ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ),
г. Мичуринск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, e-mail: chernikovanat@mail.ru

В статье рассмотрены разные виды вокативов, которые выполняют в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» ряд значимых функций. Установлено, что они не только служат средством номинации и идентификации адресата, но и выполняют не менее важные функции — социально-регулятивную и эмотивную. Выявлено, что нейтральные, характерологические и иронические обращения создают речевой портрет говорящего, дают оценку героям произведения, указывают на их социальный статус, характеризуют действия, поступки, раскрывают внутренний мир, демонстрируют отношения между коммуникантами.

Ключевые слова: вокатив, обращение, функции, А.С. Пушкин, «Капитанская дочка».

Для цитаты: Черникова Н.В. Вокативы и их функции в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (к 225-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 82–90. DOI: [10.17759/langt.2024110208](https://doi.org/10.17759/langt.2024110208)

Vocatives and Their Functions in the Story by A.S. Pushkin “The Captain’s Daughter” (to the 225th Anniversary of the Birth)

Natalia V. Chernikova

Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, e-mail: chernikovanat@mail.ru

The article discusses different types of vocatives that are performed in the story by A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter" has a number of significant functions. It has been established that they not only serve as a means of nomination and identification of the addressee, but also perform equally important functions — social-regulatory and emotive. It has been revealed that neutral, characterological and ironic addresses create a speech portrait of the speaker, evaluate the characters of the work, indicate their social status, characterize actions, reveal the inner world, demonstrate the relationship between communicants.

Keywords: vocative, address, functions, A.S. Pushkin, "The Captain's Daughter".

For citation: Chernikova N.V. Vocatives and Their Functions in the Story by A.S. Pushkin "The Captain's Daughter" (to the 225th Anniversary of the Birth). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 82–90. DOI: 10.17759/langt.2024110208 (In Russ.).

Введение

В повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» представлена широкая историческая картина, которая охватывает русскую действительность эпохи восстания Пугачева. В ней ярко отражена жизнь разных слоев русского общества — помещиков, губернских чиновников, крестьян, казаков, солдат и офицеров — затерянного в степях Белогорской крепости, двора Екатерины II. Герои произведения, представляющие разные социальные сословия, показывают умонастроения, нравы, быт, язык и речь того времени. Повесть наполнена диалогами, а следовательно, и обращениями, отражающими коммуникативные доминанты эпохи, социальных слоев, официальной и бытовой сфер жизни. Словесно-речевая деятельность персонажей художественного произведения является «не менее важной и характерной для общей картины жизни, чем деятельность, воплощенная в поступке, предметном мире и социальном укладе» [3, с. 168]. При этом вокатив (обращение) выступает «как одна из важнейших примет времени и культуры, как симптом общего положения вещей и в этом качестве далеко выходит за рамки «речевой характеристики» персонажа» [3, с. 168].

Выявленные обращения в повести «Капитанская дочка» мы классифицировали в группы, выделенные Т.Г. Лупашку: 1) нейтральные; 2) характерологические; 3) иронические [6, с. 18]. Исследователь утверждает, что содержательно-художественное своеобразие произведения обеспечивает возможность использования вокативов в социально-психологическом и повседневно-интимном ракурсах [6, с. 15]. Рассмотрим каждую из указанных групп.

Нейтральные обращения

Назначение нейтральных вокативов в речи — выполнение «регулятивно-апеллятивной функции», т.е. «коммуникативной установки на контакт» [4, с. 45]. В качестве нейтральных, общепринятых в описываемую эпоху обращений в повести прежде всего используются имена собственные: обращения по имени (*Петр, Маша*), по имени и отчеству (*Петр Андрееч, Иван Кузмич, Василиса Егоровна*), только по отчеству (*Савельич, Максимыч, Наумыч*).

Нередко нейтральные обращения «не только идентифицирует адресата речи, но также выступают в процессе общения как индикатор социальных и межличностных отношений между коммуникантами» [5, с. 194], т.е. выполняют социально-регулятивную функцию. Вокатив содержит указание на возраст, пол, степень знакомства, официальный или неофициальный характер межличностных отношений. Например, в письме, адресованном молодому Гриневу, старший Гринева использует обращение «Сын мой Петр!» [8, с. 43].

О социальном статусе второстепенных персонажей повести свидетельствуют адресованные к ним обращения по имени *Юлай* и *Палашка*. *Юлай* — простой калмык, верный помощник коменданта крепости. Капитан Миронов, давая ему разные поручения, обращается к нему по имени: «*Юлай, отведи башкирца в анбар*» [8, с. 56]. *Палашка* — служанка и единственная крепостная крестьянка семьи Мироновых. Такая форма обращения к дворовым была общепринятой: «*Палашка, позови барина обедать*» [8, с. 27].

В российских дворянских семьях естественным считалось обращение супругов друг к

другу, а также нередко и к своим детям по имени-отчеству: (отец Петра Гринева — к своей супруге) «**Авдотья Васильевна**, а сколько лет Петруше?» [8, с. 6]; (мать Петра Гринева — к своему супругу) «**Не забудь, Андрей Петрович**, ...поклониться и от меня князю Б.» [8, с. 7].

Капитан Миронов и его жена по имени и отчеству обращаются к молодому офицеру Петру Гриневу, учитывая его офицерский чин и дворянское происхождение: (комендантша — к Петру Гриневу) «**Петр Андреич**, Максимыч отведет вас на вашу квартиру» [8, с. 25–26].

Вокативы-отчества *Савельич*, *Максимыч*, *Наумыч* адресованы персонажам повести, принадлежащим к низкому сословию, а также занимающим невысокую должность или имеющим невысокий офицерский чин: (Петр Гринева — к старому слуге) «**Ну, ну, Савельич!** полно, помирился, виноват; вижу сам, что виноват» [8, с. 13]; (Василиса Егоровна — к уряднику) «**Максимыч!**.. Отведи господину офицеру квартиру, да почище» [8, с. 25].

«Одним из аспектов социально-регулятивной функции вокативов выступает национально-культурная обусловленность, которая отражает исторические и национально-специфические формы обращения, сложившиеся в определенном этносе на протяжении длительного периода времени и закрепленные в этикете... Следовательно, в терминах этноэтикета вокативы носят системно-ритуализованный характер в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия, отражая этнокультурные исторические традиции, обуславливающие выбор форм обращения» [5, с. 194-195].

Общепринятым официальным обращением к лицам высших и средних сословий, к военным и гражданским чинам в дореволюционной России было этикетное *господин/господа*. В пушкинской повести оно встречается как одиночное, так и в сочетании с лексемами, конкретизирующими адресата речи: (капитан Миронов — к офицерам): «**Господа офицеры**, важная новость!» [8, с. 49]; (генерал Р. — к гражданскому чину) «**Господин коллежский советник!** скажите нам ваше мнение!» [8, с. 82].

Широко распространенным в России было обращение *государь/государь*, появившееся в русской речи гораздо раньше, чем *господин/господа*. В словаре В.И. Даля отмечены варианты обращения *государь* в зависимости от положения в социальной иерархии: «Встарь *государь* или *осударь* употребляли безразлично, вм. *господин*, *барин*, *помещик*, *вельможа*; поныне царю говорим и пишем: *Всемилоостивейший Государь*; великим князьям: *Милоостивейший Государь*; всем частным лицам: *Милоостивейший Государь*» [2, т. 1, с. 387]. «*Милоостивый государь* — самое общее вежливое обращение к кому-либо, устно и на бумаге. *Всемилоостивейший Государь* говорят и пишут царю; *милоостивейший* — вельможам» [2, т. 2, с. 326].

В «Капитанской дочке» находим подтверждение такой градации при употреблении вокатива: (генерал Р. — к военным и гражданским чинам, т.е. высший — к низшим) «**Государь мои!** должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен...» [8, с. 83]; (отставной премьер-майор А.П. Гринева — к своему старинному другу, действующему генералу Р., т.е. низший — к высшему): «**Милоостивый государь Андрей Карлович**, надеюсь, что ваше превосходительство...» [8, с. 21].

Государь как этикетная формула-вокатив к первому лицу государства — императору в пушкинской повести адресуется царю-самозванцу Пугачеву. Льстивое, раболепное обращение звучит из уст предателя Швабрина, пренебрегшего своим долгом и честью

офицера: *«Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит...»* [8, с. 102].

В повести присутствует немало официальных обращений, принятых в дореволюционной России в соответствии с классом и чином «Табели о рангах» [9]:

- к чинам высших классов (3–4 классы): *ваше превосходительство* (обращение к генералу): *«Старичок в глазетовом кафтане...: «Я думаю, **ваше превосходительство**, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно»* [8, с. 82];
- к чинам низших классов (9–14 классы): *ваше благородие*. Такое обращение часто встречается в повести: (обращение казака к офицеру) *«Ну, **ваше благородие**, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят ...* [8, с. 69]; (обращение пугачевского урядника к Петру Гриневу) *«**Ваше благородие!** Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча...»* [8, с. 79].

Социально-регулятивная функция характерна и для неофициальных обращений, указывающих на возраст, социальное положение, выполняемую работу и т.п. адресата речи: *молодой человек, сударь, барин, ямщик, ребята* и др.

Вокатив *молодой человек* адресует Петру Гриневу старый генерал Р. *Молодой человек* употребляется и как риторическое обращение. Так обращается Петр Гринев к своим предполагаемым читателям, так как повествование в повести ведется от его имени: *«**Молодой человек!** если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»* [8, с. 56].

Одним из самых распространенных неофициальных обращений в дореволюционной России было этикетное *сударь*. В «Капитанской дочке» так нередко обращается Савельич к молодому Гриневу: *«Выходи, **сударь**: приехали»* [8, с. 17].

Ямщик, который везет Петра Гринева, называет его *барин*. В свою очередь, Гринев обращается к везущему его человеку *ямщик*.

Ребята — так по-отечески капитан Миронов именует своих солдат, защитников Белогорской крепости: *«**Ребята!** вперед, на вылазку, за мною!»* [8, с. 62–63].

Встречаются в повести и обращения, распространенные в народной среде: *дядя, старуха*, риторические *владыко, Господи владыко*.

Вокатив *дядя* звучит в речи «вожатого» (Е. Пугачева), когда он ведет иносказательный разговор с хозяином постоялого двора: *«Молчи, **дядя**, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки...»* [8, с. 19]. *Старуха* — такое народное, восходящее к русским народным сказкам обращение адресуется попадье Акулине Памфиловне (отец Герасим — к жене) *«Полно, **старуха**, — прервал отец Герасим. — Не все то ври, что знаешь...»* [8, с. 105]; (Пугачев — к попадье) *«А кто это у тебя охает, **старуха?**»* [8, с. 67].

Риторическое обращение Савельича к Богу, которого он почтительно, по-народному именует *владыко*, раскрывает его христианскую духовность: *«Слава тебе, **владыко!** — сказал он, перекрестившись...»* [8, с. 74].

Характерологические обращения

Характерологические вокативы не только номинируют и идентифицируют адресата речи, но и передают эмоциональное состояние говорящего, отражают поведение адресата, дают оценку его

поступкам, чертам характера, выражают отношение говорящего к адресату. Такой вокатив, «с одной стороны, позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. С другой стороны, в апеллятиве часто выражается отношение к адресату говорящего» [1, с. 340].

Поведение героя в сложившейся ситуации, совершаемые им поступки и реакция на поступки других, взаимодействие с окружающим миром и людьми в разных жизненных сферах и обстоятельствах раскрывают сущность его характера. В «Капитанской дочке» выделяется несколько таких сфер взаимодействия героев: повседневная (бытовая), социальная, любовная. Отсюда и особая роль характерологических вокативов, которые имеют либо положительную, либо отрицательную коннотацию.

Характерологические обращения с мелиоративной коннотацией. Чаще всего такие вокативы-мелиоративы употребляются в бытовой обстановке и эксплицируют положительное отношение адресанта к адресату речи: любовь, ласку, дружелюбие, почтение, уважение. Перечислим средства выражения таких обращений:

- диминутивные формы имени адресата: «Все равно, **Петруша**, — отвечала мне матушка...» [8, с. 17];
- местоимение *мой* + имя/имя и отчество адресата: «Прощай, **мой Иван Кузмич**. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила...» [8, с. 62];
- диминутивные формы имени нарицательного (*детушки, братцы, мужичок*): (капитан Миронов — к солдатам) «Ну, **детушки**, постойм сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» [8, с. 60];
- диминутивные формы имени нарицательного фольклорного характера: *старинушка, (моя) голубушка, красная девица, добрый человек, сокол наш ясный, удалая солдатская головушка*. В основном такие обращения звучат из уст Пугачева — человека из народа, хорошо знающего русский фольклор: (Пугачев — к Маше Мироновой): «Скажи мне, **голубушка**, за что твой муж тебя наказывает?...»; «Выходи, **красная девица**; дарю тебе волю. Я государь» [8, с. 103].

Отдельного внимания заслуживают риторические обращения фольклорного характера в составе народных песен, включенных в повесть в качестве эпиграфов к главам: «**Сторона ль моя, сторонушка, Сторона незнакомая!** Что не сам ли я на тебя зашел...» [8, с. 13] или исполняемых героями повести: «Не шуми, **мати зеленая дубровушка**, Не мешай мне доброму молодцу думу думати...» [8, с. 71];

- имя нарицательное *папенька* как обращение-регулятив к своему отцу: «Нет, **папенька**, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее» [8, с. 60];
- имена нарицательные *батюшка (мой батюшка), брат, отец (отец наш милостивый, отец родной), батько мой, матушка* как обращения-регулятивы к людям, не связанным с адресантом отношениями кровного родства. В пушкинской повести обращение *батюшка* звучит из уст разных персонажей и чаще всего адресуется Петру Гриневу как знак уважения, расположения, доверия: (генерал Р. — к Петру Гриневу) «Ну, **батюшка**, — сказал он, прочитав письмо., — все будет сделано: ты будешь офицером переведен в *** полк...» [8, с. 22]; (капитан Миронов — к Петру Гриневу) «От кого, **батюшка**, ты изволил это слышать?» [8, с. 28]. Грубовато-фамильярное *батько* в сочетании с притяжательным местоимением *мой* приобретает ласковое звучание в устах Василисы Егоровны при обращении к мужу: «То-то, **батько мой**, ...не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами» [8, с. 53];

- имя нарицательное с характерологическим значением в составе словосочетания: *друг ты мой, свет ты мой*. Такие обращения-регулятивы употребляются в речи героев повести самостоятельно или в сопровождении имени и отчества адресата. Так, ласковое, дружески-фамильярное и вместе с тем выражающее мольбу обращение *Свет ты мой!* адресует Савельич Петру Гриневу, пытаясь убедить молодого Гринева не возвращать деньги Зурину.

Коннотация интимизации характерна для обращений персонажей, связанных любовными отношениями. Сопоставив обращения, которые Петр Гринева и Маша Миронова адресуют друг другу, мы выявили различия в их употреблении. Гринева, обращаясь к Маше, использует разные типы и виды вокативов: нейтральные — по имени или имени и отчеству (*Маша, Марья Ивановна*) и после признания в своих чувствах — интимные, характерологические (*моя милая, моя желанная, ангел мой* и т.п.). В отличие от него Маша на протяжении всей повести обращается к Гринева нейтрально — по имени и отчеству (*Петр Андреич*) и только однажды, когда просит у него заступничества, к имени и отчеству добавляет характерологическое обращение *батюшка (батюшка Петр Андреич)*. Предполагаем, что такое различие в употреблении вокативов объясняется гендерными факторами. Решительность, энергичность, порывистость чувств мужчины находят отражение во всем строе речи, обращенной к возлюбленной, в том числе и в формах вокатива. Женское же начало Марьи Ивановны, воспитанной в патриархальных традициях, проявляется и в «скромности» ее обращений к Петру Гринева.

Характерологические обращения с отрицательной коннотацией. Вокативы-пейоративы в повести немногочисленны: *разбойник, мерзавец, бездельник, хрыч (старый хрыч), старый пес, окаянные, злодеи, бесов кум*.

Обращение *разбойник* возмущенный Савельич адресует незнакомцу-проводителю (Пугачеву), который с радостью забирает заячий тулуп, подаренный ему Петром Гринева в знак благодарности: «*Бога ты не боишься, разбойник!*» [8, с. 20].

Мерзавцем называет Петр Гринева Швабрина в сцене их ссоры, когда Швабрин за глаза оговаривает Машу Миронову: «*Ты лжешь, мерзавец!*» [8, с. 33]. В этом порицающем, бранном слове (разг. «подлый, мерзкий человек, негодяй» [7, с. 280]) отражена вся сущность дворянина и офицера Швабрина. Используя его в качестве характерологического вокатива, Петр Гринева выражает свое презрение к этому человеку.

Вокатив *бездельник* также адресован Швабрину. Так к нему обращается Пугачев, когда Швабрин солгал царю-самозванцу, сказав, что Марья Ивановна Миронова его жена: «*Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?*» [8, с. 103]. В этом обращении Пугачев выразил не только свое возмущение ложью Швабрина. В нем — презрение к русскому офицеру, который нарушил свой воинский долг, присягу, перейдя в стан Пугачева. Самозванец принял его, но люди такого типа не вызывают у него уважения, расположения и доверия.

Вокатив *хрыч* (прост. бран. «старый человек, старик» [7, с. 711]) адресуется в пушкинской повести пожилым людям низкого сословия — слуге Савельичу, бунтовщику Белобородову. Например, обращение к Савельичу *старый хрыч*, сопровождающееся оценочной номинацией *Глупый старик!*, свидетельствует о гневе Пугачева, возмущенного дерзостью старика, посмеявшегося потребовать возврата вещей, отнятых разбойниками Пугачева.

Иронические обращения

Ироническое обращение связано, как правило, не столько с лексическим наполнением

языкового знака, сколько с условиями его употребления [6, с. 19], с коммуникативной ситуацией, в которой оказываются герои повести.

Так, лексема *батюшка* употребляется в повести не только в функции характерологического вокатива с положительной коннотацией (выражение уважения, почтения). Обращение *батюшка* приобретает ироническое звучание, когда оно адресуется отрицательным персонажам. Например, комендантша Василиса Егоровна обращение *батюшка* дважды адресует Швабрину. И если при обращении к Петру Гриневу из ее уст оно звучит тепло и сердечно, то при обращении к Швабрину приобретает иронический оттенок: «*Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело». — «Ах! мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и одна плоть?»*» [8, с. 36-37].

С некоторой иронией обращается попадя к Петру Гриневу, избежавшему расправы разбойника Пугачева: «*Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не уколошил?»*» [8, с. 105].

Иронически из уст Пугачева звучит обращение *братец*, адресованное Швабрину. Таких трусливых и подлых людей Пугачев не уважает, поэтому он обращается к Швабрину с иронией и пренебрежением: «*Скажи-ка, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом?..*» [8, с. 102].

Иронический оттенок имеют вокативы *государь* и *отец родной*, которые Савельич адресует Пугачеву, благодаря его за разрешение остаться при своем молодом господине и поехать вместе с ним в Белогорскую крепость: «*Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил и успокоил. Век за тебя буду бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану*» [8, с. 97]. Ирония в обращении к государю-самозванцу усиливается лукавым упоминанием о заячьем тулупе, о котором старик «обязуется» больше не вспоминать. В этой сцене читатель вновь видит проявление народной хитрости, лукавства и мудрости старого слуги.

В контекстном употреблении приобретает ироническое звучание и диминутив *дядюшка*, также адресованный Пугачеву. Так к нему обращается старый офицер Иван Игнатъич, отказываясь присягать царю-самозванцу: «*Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!*» [8, с. 64]. Здесь ироническое обращение *дядюшка* усиливается оценочными лексемами *вор* и *самозванец*, имеющими яркую пейоративную коннотацию.

Полны иронии и вокативы *господа енаралы*, *фельдмаршал*, которые Пугачев адресует лицам своего ближайшего окружения. Так, пытаясь помирить поссорившихся Хлопушу и Белобородова, он восклицает: «*Господа енаралы! ... Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь*» [8, с. 95]. Иронический оттенок усиливается фонетической формой *енаралы*, характерной для народной речи, и сравнением ссоры пугачевских «генералов» с поведением собак. Позже следует обращение Пугачева к Белобородову: «*Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем*» [8, с. 96]. Обращения к людям низкого сословия словами,

«предназначенными» для высоких военных чинов, звучат насмешливо-иронически, и это, конечно, понимает самопровозглашенный царь.

Заключение

Итак, в повести «Капитанская дочка» присутствуют разные виды вокативов, которые выполняют в художественном произведении ряд значимых функций. Они не только служат средством номинации и идентификации адресата, но и выполняют не менее важные функции — социально-регулятивную и эмотивную. Нейтральные, характерологические и иронические обращения создают речевой портрет говорящего, дают оценку героям произведения, указывают на их социальный статус, характеризуют действия, поступки, раскрывают внутренний мир, демонстрируют отношения между коммуникантами. Используя вокативы, А.С. Пушкин *«воспроизводит процесс общения, погружая нас в естественную речевую стихию, где нет ничего фальшивого, формульного, шаблонного»* [10, с. 325], наоборот, все обычно, свойственно «живой жизни».

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация (виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 304-357.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981-1984.
3. Есин А.Б. Изображенное слово у Пушкина и Чехова // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 168-180.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
5. Красицова Е.Н., Соцкая Е.В. Функции вокатива в коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2014. № 3. С. 193-195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-vokativa-v-kommunikatsii> (дата обращения: 25.03.2024).
6. Лунашку Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А.С. Пушкина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ЛЕМА, 2007. 23 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
8. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М.: АСТ: Астрель: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 126 с.
9. Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных [Электронный ресурс]. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/army/range-table.htm> (дата обращения: 25.03.2024).
10. Юхнова И.С. Общение и диалог в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. 2010. № 4. С. 320-325. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-i-dialog-v-kapitanskoj-dochke-as-pushkina> (дата обращения: 25.03.2024).

References

1. Arutyunova N.D. Nominaciya i tekst [Nomination and text]. Yazykovaya nominaciya (vidy naimenovanij) [Language nomination (types of names)]. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimceva (eds.). Moscow: Nauka, 1977, pp. 304-357. (In Russ.).
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.]. Moscow: Rus. yaz., 1981-1984 (In Russ.).
3. Esin A.B. Izobrazhennoe slovo u Pushkina i Chekhova [The depicted word in Pushkin's and Chekhov's works]. Literaturovedenie. Kul'turologiya [Literaturology. Culturology]. Moscow: Flinta: Nauka, 2003, pp. 168-180 (In Russ.).
4. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa [The language of social status]. Moscow: In-t

Черникова Н.В.
Вокативы и их функции в повести А.С. Пушкина
«Капитанская дочка» (к 225-летию со дня рождения)
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 82–90.

Chernikova N.V.
Vocatives and Their Functions in the Story by
A.S. Pushkin “The Captain’s Daughter” (to the 225th
Anniversary of the Birth)
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 82–90.

yazykoznaniiya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. 330 p. (In Russ.).

5. Krasikova E.N., Sockaya E.V. Funkcii vokativa v kommunikacii [Functions of the vocative in communication] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik KGU = Bulletin of Kostroma State University*. 2014. No. 3, pp. 193–195. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-vokativa-v-kommunikatsii> (Accessed: 25.03.2024) (In Russ.).

6. Lupashku T.G. Obrashchenie i ego tekstoobrazuyushchie funkcii v proze i poezii A.S. Pushkina: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Address and its text-forming functions in A.S. Pushkin’s prose and poetry. Ph. D. (Philology) Thesis]. Saint Petersburg: LEMA, 2007. 23 p. (In Russ.).

7. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz., 1988. 750 p. (In Russ.).

8. Pushkin A.S. Kapitanskaya dochka [The Captain’s Daughter]. Moscow: AST: Astrel': HRANITEL', 2007. 126 p. (In Russ.).

9. Tabel' o rangah vsekh chinov voinskih, statskih i pridvornyh [Table of ranks of all military, statutory and court officials] [Elektronnyj resurs]. Available at: <http://gosudarstvo.voskres.ru/army/range-table.htm> (Accessed: 25.03.2024) (In Russ.).

10. Yuhnova I.S. Obschenie i dialog v «Kapitanskoj dochke» A.S. Pushkina [Communication and dialogue in A.S. Pushkin’s “The Captain’s Daughter”] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik NNGU = Bulletin of Nizhniy Novgorod State University*. 2010. No. 4, pp. 320-325. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-i-dialog-v-kapitanskoy-dochke-as-pushkina> (Accessed: 25.03.2024) (In Russ.).

Информация об авторе

Черникова Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет (ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ), г. Мичуринск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, e-mail: chernikovanat@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Chernikova, Doctor in Philology, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, e-mail: chernikovanat@mail.ru

Получена 28.05.2024

Принята в печать 15.06.2024

Received 28.05.2024

Accepted 15.06.2024

Значение интертекстуальных связей в истолковании религиозно-нравственного аспекта рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи»

Родин А.Л.

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Российская Федерация
e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Статья посвящена анализу интертекстуальных связей рассказа «Темные аллеи» с библейскими текстами — книгой Иова, книгой Экклезиаст, повестью А.И. Куприна «Суламифь». Цитата из книги Иова анализируется в библейском контексте, который ставит вопрос о покаянии героя рассказа Николая Алексеевича. Внимательный анализ цитаты из книги Иова позволяет предложить новое понимание выбора автором имени героини Надежда. Аллюзия на повесть А.И. Куприна «Суламифь» также дает возможность обратиться к библейскому контексту рассказа — книги Экклезиаст. Интертекстуальные связи рассказа с библейскими ветхозаветными книгами предлагают пути для объяснения вероятного духовного подтекста рассказа, в котором звучит тема несостоявшегося покаяния главного героя, обуславливающего его несчастье и безнадежность.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Темные аллеи», покаяние, книга Иова, Экклезиаст, интертекстуальные связи.

Для цитаты: Родин А.Л. Значение интертекстуальных связей в истолковании религиозно-нравственного аспекта рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 91–97. DOI: [10.17759/langt.2024110209](https://doi.org/10.17759/langt.2024110209)

The Importance of Intertextual Connections in the Interpretation of the Religious and Moral Aspect of I.A. Bunin's Story "Dark Alleys"

Alexander L. Rodin

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia,
e-mail: a.rodin@rvs-law.com

The article is dedicated to the analysis of the intertextual connections of the story "Dark Alleys" with biblical texts — the book of Job, the book of Ecclesiastes and the story of A.I. Kuprin "Sulamith". The quote from the book of Job is analyzed in a biblical context, which indicates the failed repentance of the hero of the story Nikolai Alekseevich. A careful analysis of the quotation from the book of Job makes it

possible to offer a new understanding of the author's choice of the name of the heroine Nadezhda (Hope). The allusion to the story of A.I. Kuprin "Sulamith" also makes it possible to refer to the biblical context of the story — the book of Ecclesiastes. The intertextual connections of the story with the biblical Old Testament books make it possible to explain the probable spiritual subtext of the story, in which the theme of the main character's failed repentance, which causes his misfortune and hopelessness, sounds.

Keywords: I.A. Bunin, "Dark Alleys", repentance, book of Job, the book of Ecclesiastes, intertextual connections.

For citation: Rodin A.L. The Importance of Intertextual Connections in the Interpretation of the Religious and Moral Aspect of I.A. Bunin's Story "Dark Alleys". *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 91–97. DOI: 10.17759/langt.2024110209 (In Russ.).

Введение

Интертекстуальные связи рассказа И.А. Бунина «Темные аллеи» с произведениями других русских классиков и иными общеизвестными текстами неоднократно становились предметом рассмотрения исследователей. Так, Е.Р. Пономарев, А. Ранчин [9], Р.Л. Спивак [8, с. 163] рассматривают связи рассказа с романом Л.Н. Толстого «Воскресение», первый из исследователей также указывает на возможную связь рассказа «Темные аллеи» с пушкинской повестью «Станционный смотритель» [7]. Т.Ф. Панченко исследует интертекстуальные связи рассказа со стихотворением Н.П. Огарева «Обыкновенная повесть», а также затрагивает библейский контекст, связанный с использованием в рассказе цитаты из книги Иова. Явным указателем на религиозно-нравственное содержание рассказа является произносимая героем произведения Николаем Алексеевичем цитата из книги Иова, которая в рассказе звучит вне контекста и в сокращении: «Как о воде протекшей будешь вспоминать» [6, с. 36].

На эту цитату обращает внимание также М.Р. Милуд, указывающий на ветхозаветную параллель в произведении: «В рассказе приводится имя Иова как образец веры и терпения в параллель «несчастью» автора ради своей прихоти» [4, с. 114]. Автор указывает на экзистенциальный вопрос, поднимаемый в книге Иова — можно ли считать, что несчастье происходит в жизни человека по Божьей воле? В рассматриваемом рассказе данная тема действительно есть, но герой соотносится скорее не с праведным Иовом, а с грешником, страдающим по собственной вине.

В этом контексте сложно согласиться с мнением Т.Ф. Панченко, которая в своей статье исследует библейскую цитату в более развернутом виде, но интерпретирует ее следующим образом: «Закончившаяся внезапно любовь, ушедшая молодость, «пошлое», «обыкновенное» течение жизни героев становится истинным горем, словно наказанием, посланным Богом. Бывшие влюбленные «безвинно страдают» [2, с. 57], лишь время способно притупить чувства грусти, сожаления о случившемся и неслучившемся, но также оно способно возрождать былые обиды и воспоминания, причиняющие боль. Но попробуем расширить реминисцентный контекст: «И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро. И будешь спокоен, ибо есть надежда...» [Иов 11.17-18]. Необходимо забыть то горе, что причиняло и причиняет до сих пор боль, отпустить прошлое. Только тогда возможно почувствовать всю прелесть того мгновения жизни, что принесло счастье, оценить

блаженство, ниспосланное человеку в дар: Любвиная встреча — это космическое событие» [6]. Представляется, что содержание книги Иова истолковано в данной статье не в библейском ключе и однозначно противоречит смыслу, заложенному автором в слова героя указанной библейской книги. С целью уточнения значения цитаты из книги Иова в рассказе «Темные аллеи» проведем анализ данной цитаты в библейском контексте.

Интертекстуальные связи рассказа «Темные аллеи» с библейскими текстами

Рассказ «Темные аллеи», давший название всему сборнику, повествует о неожиданной встрече пожилого, но все еще стройного и молодящегося генерала Николая Алексеевича с женщиной Надеждой, хозяйкой небольшой гостиницы на одной из тульских дорог. Из диалога героев читатель узнает, что за тридцать лет до этой встречи герои были влюблены друг в друга, их связывала близость, но Николай Алексеевич бросил Надежду (крепостную крестьянку, жившую при своих господах и вскоре после этой трагедии получившей от них вольную) и все эти тридцать лет не интересовался ее судьбой.

При анализе рассказа «Темные аллеи», следует обратить внимание на интертекстуальную связь рассказа со стихотворением Н.П. Огарева «Обыкновенная повесть». Обратим внимание на то, что в стихотворении Огарева время движется линейно — сначала автор описывает весну с ее темными липовыми аллеями и влюбленность героев, а затем пишет о зрелости героев, которые смогли пережить и позабыть свои чувства, построили свою жизнь с другими. Это, действительно, вполне обыкновенная повесть, то, что часто встречается в жизни. Бунин, отталкиваясь от этого сюжета и вводя его в рассказ через воспоминания Надежды о том, как Николенька читал ей стихи «про всякие темные аллеи», избирает обратную временную последовательность событий: повествование начинается с осени, времени подведения итогов — итогов года, итогов человеческой жизни, поскольку в жизни героев тоже наступает осень: и он, и она уже совсем не молоды, жизнь прожита. Весенняя пора их жизни вводится в повествование через воспоминания героев, открытые читателю в их диалоге.

Закон жизни физической и жизни духовной одинаков: что посеешь, то и пожнешь: мы видим в заключении рассказа дорогу, заходящее холодное осеннее солнце над пустыми полями — это итог жизни Николая Алексеевича, брошенного женой, преданного сыном. Итог жизни Надежды тоже печален — она состоятельна, свободна и независима, дает деньги в рост, но она всю жизнь одинока и несчастлива, поскольку в своей любви сохраняла верность одному возлюбленному — Николеньке и на него же пронесла через жизнь глубокую обиду.

Она нашла лишь некоторое успокоение в хозяйстве, но по ее словам — «а надо же чем-нибудь жить» [1, с. 9] — мы видим, что это слабое утешение, а рана от предательства, совершенного Николаем, осталась на всю жизнь. На восклицание Николая Алексеевича, что не могла она любить его всю жизнь, героиня вполне уверенно отвечает: «Значит, могла. Сколько ни проходило времени, все одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот...» [1, с. 9].

Николай Алексеевич, в устах которого звучит аллюзия на стихотворение Огарева («Обыкновенная повесть» — «история пошлая, обыкновенная»), говоря об их истории, упоминает библейскую книгу Иова, которая может служить подсказкой к пониманию глубинного, духовного смысла рассказа «Темные аллеи»: «Все проходит, мой друг, — забормотал он. — Любовь, молодость — все, все. История пошлая, обыкновенная. С годами

все проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протекшей будешь вспоминать» [1, с. 9].

Помимо аллюзии на Н.П. Огарева, первые слова Николая Алексеевича («Все проходит»), повторенные еще раз спустя несколько фраз («А! Все проходит. Все забывается» [1, с. 9]), отсылают читателя к повести «Суламифь» А.И. Куприна о несчастной любви, описывающему перстень, который носил царь и пророк Соломон на указательном пальце: *«Много сотен лет было этому кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: «Все проходит»»* [3, с. 10].

В свою очередь, через аллюзию на произведение Куприна, через образ перстня Соломона — автора нескольких ветхозаветных книг мы снова попадаем в библейский контекст. Проанализируем смысл этой цитаты, контекст и ее значение в рассказе. Начнем с первых слов цитаты, которые через произведения Куприна отсылают читателя к книге Соломона «Экклезиаст». Именно эта библейская книга ближе всего к рассуждениям и настроению Николая Алексеевича. Подобно автору Экклезиаста Николай Алексеевич рассуждает как человек долго живший, много вкусивший, прежде всего — скорбей, и пришедший к неутешительному выводу о том, что все проходит. Наиболее близкой по значению цитатой из самой книги Экклезиаста является фрагмент первой главы: *«Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»* [Эккл. 1:11]. Ведь именно об этом нам повествует и стихотворение Огарева:

*Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
(...)
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто* [5, с. 31].

Пессимизм Экклезиаста с одной стороны дополняется, а с другой — в некотором смысле опровергается обращением к другой библейской книге — книге Иова. Герой рассказа цитирует слова из 11 главы книги Иова: это диалог Иова с его другом Софаром Наамитянином. На праведного Иова уже пали все несчастья, он находится в глубокой печали, отчаянии и непонимании того, за что Бог наказывает его. Друг Иова, полагающий, что тот наказан Богом за грехи, говорит Иову о покаянии: *«Если Он пройдет и заключит кого в оковы и представит на суд, то кто отклонит Его? Ибо Он знает людей лживых и видит беззаконие, и оставит ли его без внимания? (...) Если ты управишь сердце твое и прострешь к Нему руки твои, и если есть порок в руке твоей, а ты удалишь его и не дашь беззаконию обитать в шатрах твоих, то поднимешь незапятнанное лицо твое и будешь тверд и не будешь бояться. Тогда забудешь горе: как о воде протекшей, будешь вспоминать о нем. И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро. (...) А глаза беззаконных истают, и убежище пропадет у них, и надежда их исчезнет»* (Иов 11:10-20) — курсив наш.

Из приведенного фрагмента вполне очевидно, что счастье и благоденствие человека согрешившего, благоволение Бога к нему зависит от покаяния — если он раскается и изменится, удалит от себя грех, то, как о воде протекшей будет вспоминать о своем горе,

ставшем результатом его греха. А Николай Алексеевич вкладывает в эти слова другой смысл: он пытается убедить Надежду и, видимо, себя самого в том, что проходят и чувства, и жизнь и страдания и обо всем можно забыть. Этим он пытается себя оправдать. Но забыть горе можно, только вновь обретя благоволение в очах Бога, а возможно это только в результате покаяния.

Конец приведенной цитаты описывает результат жизни Николая Алексеевича, который не смог и не захотел раскаяться: *«глаза беззаконных истают, и убежище пропадет у них, и надежда их исчезнет»* [Иов 11:20]. Не случайно Бунин выбирает для героини имя Надежда — Николай Алексеевич предаёт свою Надежду и лишается на всю жизнь надежды. К концу жизни он подходит лишенным всего, что его радовало: вместо дома, убежища, семейного гнезда — его одиночество, предательство жены, неблагодарность и мотовство сына, все это — результат его подлости, его собственного предательства.

Содержание рассказа «Темные аллеи» повествуют и о другом духовном вопросе — о сложном взаимодействии в человеке душевных сил и одного из духовных начал — совести. Первоначально Николай, будучи еще относительно молодым тридцатилетним мужчиной, был пленен душевным и телесным чувством влюбленности и влечения к Надежде. Пойдя на поводу у этих чувств и позволив себе сблизиться с Надеждой, Николай по прошествии какого-то времени, вероятно, совсем непродолжительного, бросает ее, причем делает это, по выражению самой героини, жестоко: *«Поздно теперь укорять, а ведь, правда, очень бессердечно вы меня бросили, — сколько раз я хотела руки на себя наложить от обиды от одной, уж не говоря обо всем прочем»* [1, с. 9].

Чем был мотивирован этот поступок? — Очевидно, что житейским, лукавым разумом, который основывается на гордости и тщеславии. Мы видим, что даже спустя тридцать лет герой не может себе представить честного исхода его отношений с Надеждой — брака с ней: *«Но, Боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»* И, *закрывая глаза, качал головой»* [1, с. 10]. Отчего это не укладывается у него в голове? Героем руководят два рука об руку идущих греха — гордость и тщеславие: он понимает, что в социальном статусе он гораздо выше своей возлюбленной (принадлежность к дворянству, положение в обществе, образованность и проч.), он понимает, что брак или даже подобие брака с нею (как это было с героями рассказа «Грамматика любви») — это удар по его карьере, самолюбию, повод для осуждения среди людей его круга. Гордость Николая Алексеевича не позволяет ему пойти на такую жертву.

С другой стороны, когда герои прощались, Надежда поцеловала у него руку, а он у нее, после чего, уже едучи в тарантасе, Николай Алексеевич *«со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда»* [1, с. 10]. Вот в этом фрагменте читатель может увидеть, что совесть не дремлет в этом человеке и обжигает его и теперь в старости. Очень важными является заключительные слова рассказа в диалоге с кучером: тот, рассуждая о справедливости, но и строгости Надежды в кредитных делах, говорит, что, если «не отдал вовремя — пеняй на себя» [1, с. 10]. А герой рассказа вторит кучеру: *«Да, да, пеняй на себя...»* [1, с. 10]. Что значат его слова? Любовь настоящая, а не проходящая влюбленность или влечение, всегда жертвенная — по примеру любви Бога к миру, она требует оторвать от себя, отдать что-то свое другой личности — предмету любви, тогда эта любовь принесит плоды, тогда Бог благоволит к человеку.

В противоположность этому Николай Алексеевич не набрался мужества отдать, принести

в жертву свою гордость, свое тщеславие, малодушие, житейское мудрование ради возлюбленной. Более того, спустя годы, претерпев горе в собственной жизни, он так и не раскаялся по-настоящему, он даже не попросил искренне прощения у обманутой, брошенной им женщины. Николай Алексеевич сам называет свое наказание за то, что он не поступил праведно: «Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни» [1, с. 10] — он потерял Надежду.

Если попытаться резюмировать духовный смысл рассказа «Темные аллеи» в одной фразе, то можно охарактеризовать его известной поговоркой: «на чужом несчастье счастья не построишь» — народная мудрость очень часто оказывается сведенными в простую формулу, обобщенными словами Священного Писания: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную». [Гал. 6:7-8]. Феофан Затворник комментирует этот фрагмент послания апостола Павла так: «*Что кто посеял в естестве своем, что есть он по итогу всей жизни и деятельности, таковым он и признан будет, по тому определится его прямое достоинство, такое и место получит, и соответственную ему сумму или благ, или казней. Вот что пожнет и целую вечность будет жать*» [10, с. 571]. Таков неутешительный итог осени жизни героя рассказа «Темные аллеи».

Литература

1. Бунина И.А. Темные аллеи // Полное собрание сочинений в XIII томах. Том 6. М. 2006. 436 с.
2. Бонами Т.М. Творчество И.А. Бунина в контексте русской культуры. М.: б. и., 2003. 130 с.
3. Куприн А.И. «Суламифь» Полное собрание сочинений. Том 3, книга 6. СПб.: Изд. Товарищества А.Ф. Маркса. 1912. 324 с.
4. Милуд М.Р. Лингволитературоведческий анализ рассказа «Темные аллеи» И.А. Бунина // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Выпуск №1 (49), 2021. С. 114-125.
5. Огарев Н. Стихотворения. Лондон: Изд. Н. Трюбнера и Ко. 1858. 443 с.
6. Панченко Т.Ф. Рассказ И.А. Бунина «Темные аллеи» и стихотворение Н.П. Огарева «Обыкновенная повесть»: интертекстуальный диалог // Известия Восточного института. 2020. № 3 (47). С. 31-40.
7. Пономарев Е. Интертекст «Темных аллей»: Растворение новеллы в позднем творчестве И.А. Бунина // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/150_nlo_2_2018/article/19577/ (дата обращения: 03.05.2024)
8. Спивак Р.Л. Энергожизнь рассказа И. Бунина «Темные аллеи» // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4 (10). С. 163-165.
9. Ранчин А. О толстовском подтексте в рассказе Бунина «Темные аллеи» [Электронный ресурс] // Новый мир. № 2. 2024. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2024/2/o-tolstovskom-podtekste-v-rasskaze-bunina-temnye-allei.html (дата обращения: 03.05.2024)
10. Феофан Затворник, святитель. Толкование Послания апостола Павла к галатам. М.: Правило веры. 2004. 624 с.

References

1. Bunin I.A. Temnye allei [Dark alleys]. Polnoe sobranie sochinenii v XIII tomakh. Tom 6

[Complete works in XIII volumes. Volume 6]. Moscow. 2006. 436 p. (In Russ.)

2. Bonami T.M. Tvorchestvo I.A. Bunina v kontekste russkoi kul'tury [I.A. Bunin's creativity in the context of Russian culture]. Moscow, 2003. 130 p. (In Russ.)

3. Kuprin A.I. «Sulamif» Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3, kniga 6 ["Sulamith" The complete works. Volume 3, book 6]. Saint Petersburg: Izd. Tovarishchestva A.F. Marksa. 1912. 324 p. (In Russ.)

4. Milud M.R. Lingvoliteraturovedcheskii analiz rasskaza «Temnye allei» I.A. Bunina [Linguistic and literary analysis of the story "Dark alleys" by I.A. Bunin]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya = Modern linguistic and methodological-didactic research*. Issue 1 (49), 2021, pp. 114-125 (In Russ.)

5. Ogarev N. Stikhotvoreniya [Poems]. London: Izd. N. Tryubnera i Ko. 1858. 443 p. (In Russ.)

6. Panchenko T.F. Rasskaz I.A. Bunina «Temnye allei» i stikhotvorenie N.P. Ogareva «Obykonnennaya povest'»: intertekstual'nyi dialog [I.A. Bunin's short story "Dark alleys" and N.P. Ogarev's poem "An Ordinary Story": intertextual dialogue]. *Izvestiya Vostochnogo instituta = News of the Oriental Institute*. 2020. No. 3 (47), pp. 31-40 (In Russ.)

7. Ponomarev E. Intertekst «Temnykh allei»: Rastvorenije novelly v pozdnem tvorchestve I.A. Bunina [The intertext of "Dark alleys": The dissolution of the novel in the late creativity of I.A. Bunin]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2018. No. 2 (150) [Elektronnyi resurs]. Available at:

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/150_nlo_2_2018/article/19577/
 (Accessed: 03.05.2024)

8. Spivak R.L. Energozhizn' rasskaza I. Bunina «Temnye allei» [The energy life of I. Bunin's story "Dark alleys"]. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University*. 2010. Issue 4 (10), pp. 163-165 (In Russ.)

9. Ranchin A. O tolstovskom podtekste v rasskaze Bunina «Temnye allei» [About Tolstoy's subtext in Bunin's story "Dark alleys"] [Elektronnyi resurs]. *Novyi mir = New World*. No. 2. 2024. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2024/2/o-tolstovskom-podtekste-v-rasskaze-bunina-temnye-allei.html (Accessed: 03.05.2024)

10. Feofan Zatvornik, svyatitel'. Tolkovanie Poslaniya apostola Pavla k galatam [Interpretation of the Epistle of the Apostle Paul to the Galatians]. Moscow: Pravilo very. 2004. 624 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Родин Александр Леонидович, аспирант кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры (МГИК), г. Химки, Российская Федерация, e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Information about the author

Alexander L. Rodin, PhD student, Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia, e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Получена 24.05.2024

Принята в печать 15.06.2024

Received 24.05.2024

Accepted 15.06.2024

«Снежная королева» Х.К. Андерсена: зримый образ и скрытый смысл в детской иллюстрации

Дорожкина М.А.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

В статье рассматривается зримый образ и скрытый смысл в детской иллюстрации на примере сравнения рисунков художников разного периода XX — начала XXI вв.: В.С. Алфеевского, Н.К. Гольц и В.Э. Ерко к сказочной повести датского писателя Х.К. Андерсена «Снежная королева» (история третья «Цветник женщины, умевшей колдовать»). Главная идея детской иллюстрации как визуального материала для рационального анализа заключается в соотношении живописной материи и возможностей вербальной интерпретации сюжетов и мотивов. Целью работы стало выявление скрытого смысла в визуальном образе детской иллюстрации. Материалом для анализа стали рисунки художников, а также сам текст произведения. Доказано, что детская иллюстрация — это синтез искусств, в котором зрительное пространственное искусство изображает ту же идею, что и словесное, но делает это другими средствами: цветом, светом, объемом, композицией, пространством, линией, фактурой и т.д. Живописная (материальная) метафора через диалогический строй (автор-художник-читатель) влияет на восприятие и понимание смысла художественного произведения и авторского замысла. Новизна исследования видится в расширении представлений о синтезе зрительного образа и вербального в восприятии художественного произведения.

Ключевые слова: Х.К. Андерсен, «Снежная королева», «Цветник женщины, умевшей колдовать», детская иллюстрация, В.С. Алфеевский, Н.Г. Гольц, В.Э. Ерко, художественный образ, зримый образ, голландский натюрморт XVII в.

Для цитаты: *Дорожкина М.А.* «Снежная королева» Х.К. Андерсена: зримый образ и скрытый смысл в детской иллюстрации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 98–111. DOI: [10.17759/langt.2024110210](https://doi.org/10.17759/langt.2024110210)

“The Snow Queen” by H.Chr. Andersen: Visible Image and Hidden Meaning in Children's Illustration

Maria A. Dorozhkina

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

The article examines the visible image and hidden meaning in children's illustrations using the example of comparing drawings by artists of from different periods of the XX — early XXI centuries: V.S. Alfeevsky, N.K. Golts and V.E. Yerko to the fabulous story of the Danish writer H.Chr. Andersen "The Snow Queen" (the third story "The Flower Garden of a woman who could conjure"). The main idea of children's illustration as a visual material for rational analysis is the correlation of pictorial matter and the possibilities of verbal interpretation of plots and motifs. The aim of the work was to identify the hidden meaning in the visual image of a children's illustration. The material for the analysis was the drawings of the artists, as well as the text of the work itself. It is proved that children's illustration is a synthesis of arts in which visual spatial art depicts the same idea as verbal art, but does it by other means: color, light, volume, composition, space, line, texture, etc. Pictorial (material) metaphor through a dialogical system (author-artist-reader) it affects the perception and understanding of the meaning of a work of art and the author's idea. The novelty of the research is seen in the expansion of ideas about the synthesis of visual image and verbal in the perception of an artistic work.

Keywords: H.Chr. Andersen, "The Snow Queen", "Flower garden of a woman who could conjure", children's illustration, V.S. Alfeevsky, N.G. Golts, V.E. Yerko, artistic image, visible image, Dutch still life of the XVII century.

For citation: Dorozhkina M.A. “The Snow Queen” by H.Chr. Andersen: Visible Image and Hidden Meaning in Children’s Illustration. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 98–111. DOI: 10.17759/langt.2024110210 (In Russ.).

Введение

Существует спор о том, что художественной литературе совсем не обязательно для понимания изображение. Произведение не утратит своей ценности и самодостаточности, если будет издано без иллюстраций. Искусствовед Ю.Я. Герчук задавал провокационный вопрос: «На каком основании позволяет себе художник продолжать и дополнять, конкретизировать и трансформировать в своих рисунках самостоятельные, законченные произведения другого искусства — литературы?» [11, с. 7]. Если в вопросе с иллюстрациями для взрослых текстов можно вести подобные споры, то в случае с детской книгой ответ очевиден. Детская книга должна быть «с картинками», потому что зримый образ становится ровнем с текстом и раскрывает художественный образ. В детской книге иллюстрация составляет существенную часть книги и без нее немыслима. Детская книга не может существовать без хорошей иллюстрации. Для ребенка важен не только текст, если быть точнее, не столько текст, сколько визуализированный смысл, скрытый в иллюстрации. Хорошее детское издание — это всегда книжка «с картинками», в которой иллюстрация

становится частью текста, дополняя, и расширяя его. Известно, что книга воздействует на сознание и чувства ребенка, формирует освоения словесного и изобразительного искусств. Книжная иллюстрация не только украшает текст, поясняет его, она еще и знакомит ребенка с миром искусства. В XIX в. лингвист, историк литературы и искусства Ф.И. Буслаев дал определение книжной иллюстрации: *«Иллюстрация, то есть объяснение текста очертаниями в формах ваяния и живописи, есть существенное и прямое назначение этих обоих искусств в их отношении к словесности во все времена и у всех народов»* [8, с. 70].

Целью работы стало выявление скрытого смысла в визуальном образе на примере иллюстраций В.С. Алфеевского, Н.Г. Гольц и В.Э. Ерко к сказке Х.К. Андерсена «Снежная королева» (история третья «Цветник женщины, умевшей колдовать»).

Материалы и методы

Творчество больших писателей всегда привлекало внимание художников. Художник детской книги — соавтор писателя. Он не просто раскрывает идею автора, визуализирует, он углубляет смыслы текста. Очень часто от художника-иллюстратора зависит первое впечатление ребенка от книги, потому что в детском восприятии первична иллюстрация, а текст вторичен. Известный график В.А. Фаворский писал об иллюстрации: *«Подчиняясь определенному ритму, оформление движения по книге организует наше восприятие прочитанного»* [20, с. 55].

Основные принципы детской иллюстрации изложил художник, график В.М. Конашевич в статье «Некоторые мысли и о приемах иллюстрирования книги» [14, с. 198]. Он писал: *«Направление, по которому идет иллюстратор в своих рисунках, должно точно совпадать с основной линией рассказа, точно следовать развитию фабулы. <...>... Обе эти линии — линия повествования и линия иллюстрации — должны быть строго параллельны»* [Там же, с. 198]. Также Конашевич говорил и о другом методе работы художника: *«Возможен случай, когда индивидуальный, большой художник поведет свою, вовсе не параллельную литературную линию: она будет отклоняться от первой и даже пересекать ее. И тем не менее связь между текстом и иллюстрацией будет сохранена: она в этом случае будет напоминать связь голосов в двухголосной фуге, когда голоса, как бы двигаясь по кривым разного рисунка (различные мелодии), составляет одно гармонически неразрывное целое»* [Там же, с. 198]. *«...Я считаю, что оформить книгу, раскрыть средствами изобразительного искусства мир, созданный писателем, это не только ответить на сюжет, но и на стиль литературного произведения. На мой взгляд, эти два момента неразделимы»,* — писал Фаворский об иллюстрации детской книги [20, с. 75].

Стоит выделить некоторые исследования, затрагивающие данный вопрос — это работы В.М. Конашевича [14], В.А. Фаворского [19, 20], Е.Н. Колокольцева [13], Л.С. Кудрявцевой и Л.У. Звонаревой [15, 16], Н.Ю. Богатыревой [7], Ю.Я. Герчук [11] и др. Методологический аппарат исследования составили базовые литературоведческие методы — **культурно-исторический метод**, связанный с анализом развития книжной иллюстрации; **сравнительно-исторический метод**, помогающий проследить генезис детской иллюстрации; **структурно-типологический анализ**, связанный с определением механизмов конструирования зримо воспринимаемого художественного образа.

Материалом для анализа стали иллюстрации художников В.С. Алфеевского, Н.Г. Гольц и В.Э. Ерко к третьей истории «Цветник женщины, умевшей колдовать» из сказки Х.К. Андерсена «Снежная королева», а также сам текст произведения.

Результаты и обсуждение

Сказки Х.К. Андерсена оказались близки многим художникам. Первым иллюстратором сказочника был датский художник Вильгельм Педерсен, который в 1849 г. проиллюстрировал пятитомное издание сказок, создав 125 рисунков. В России первым иллюстратором Андерсена стал академик М.П. Клодт, сын скульптора П.К. Клодта, он оформил сборник «Новых сказок» в 1868 г. Издательницы М.В. Трубникова и Н.В. Стасова отправили Андерсену сборник, и писатель ответил благодарственным письмом. Как подсчитано Л.С. Кудрявцевой и Л.У. Звонаревой, к 2010 г. Андерсена на русском языке проиллюстрировали около 400 художников. [15, с. 10]. Такой высокий интерес у художников к творчеству датского сказочника можно объяснить тем, что сам писатель обладал образным мышлением и был не только художником слова, но и ощущал себя живописцем. Сохранились его рисунки, силуэты, которые он вырезал из бумаги. Часто в название своих сказок Андерсен выносил слово «картинка» («Картинки без картинок», «Теневые картинки», «Картинка с крепостного вала»). Некоторые сцены в сказках описаны как зримые картины, его пейзажи, портреты, интерьеры — образны, живописны. Видимо, поэтому художникам-иллюстраторам близки зримые образы, созданные сказочником.

Сказочная повесть Андерсена «Снежная королева» в семи историях (или рассказах) впервые была опубликована 21 декабря 1844 г. в сборнике «Новые сказки». С тех пор ее иллюстративная судьба насчитывает десятки хороших изданий. Сказка прекрасно оформлена лучшими советскими, российскими, зарубежными художниками. Зримый комментарий оставили В.С. Алфеевский, Б.А. Диодоров, К.К. Кузнецов, В.М. Конашевич, А.П. Могилевский, Н.Г. Гольц, К.Б. Челушкин, О.А. Давыдова, А.И. Архипова и др. Существует много экранизаций, в которых за литературную основу была взята сказка. Один из лучших мультипликационных фильмов был снят в 1957 году режиссером-постановщиком Л.К. Атамановым.

Для того чтобы раскрыть значение зрительного образа в детской книге, обратимся к иллюстрациям к третьей истории сказки «Цветник женщины, умевшей колдовать» в исполнениях В.С. Алфеевского, Н.Г. Гольц и В.Э. Ерко.

Анализ третьей истории сказки Х.К. Андерсена «Снежная королева» «Цветник женщины, умевшей колдовать»

Перед этим необходимо проанализировать сюжет истории. Кай пропадает зимой, а весной Герда отправляется на его поиски. Она доходит до реки, которая, как потом мы поймем, будет разделять два мира: человеческий (живой) и иной (потусторонний). Чтобы узнать, жив ли Кай, Герда приносит воде жертву, самое дорогое, что у нее есть, — красные башмачки. Река не принимает жертву, но по случайности уносит лодку с девочкой по течению. Не раз исследователи обращали внимание на то, что река — это переход в другой мир. Река разделяет мир людей, где жила Герда, и другой, потусторонний. По Проппу, героиня совершает переход в иное царство [17, с. 287]. Переправа всегда мотивирована, в сказке Андерсена она нужна для поиска Кая, потому что царство, «чертоги» Снежной королевы находятся в другом пространственно-временном измерении — в мире мертвых.

Лодка приносит Герду в чудесный сад женщины. У Андерсена — это старая женщина с клюкой. *«Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами»* [3, с. 240]. Она живет в особом мире: на берегу реки, в домике с соломенной крышей и цветными стеклами-витражами, окруженном вишневым садом. Дом охраняют два деревянных солдата с ружьями. В мире

русских сказок это была бы Баба-яга. По Проппу, Баба-яга — охранительница входа в тридцатое царство и вместе с тем существо, которое связано с животным миром и миром мертвых [17, с. 165]. Также Пропп связывает образ Яги с материнским началом: «Мать есть вместе с тем властительница. <...> ...она теряет материнство, сохраняет только атрибуты материнства и сохраняет власть над животными...» [Там же, с. 169]. В сказке Андерсена женщина, умевшая колдовать, — хозяйка райского сада с цветами *«красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки»* [3, с. 241]. Пропп выделяет мотив «напоила-накормила», который в сказке трансформируется в угощение вишнями, которые ест Герда. Также здесь появляется мотив сна, забвения, реализованный в волшебном гребне, которым она причесывает волосы Герды. *«На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. <...>. И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая, — старушка умела колдовать»* [Там же, с. 241-242]. По Проппу, в сказке Андерсена образ старушки, умеющей колдовать близок к Яге-похитительнице. Это такая Баба-яга наоборот: *«...старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия»* [3, с. 242].

Таким образом, третья история сказки — это переход героини в другой мир и испытание забвением. Под действием чар Герда забывает про Кая, про то, куда шла, и остается у этой женщины. Девочка пробыла все лето в прекрасном саду, в котором всегда лето и можно увидеть и насладиться ароматами цветов, цветущих в разное время года. Герда попадает в искусственно созданный рай, где вечное цветение и благоухание, а цветы, умеют разговаривать и рассказывать свои истории. Цветы как будто заговаривают Герду, чтобы она не вспоминала о Кае и о своей истории. Но в мире искусственного лета и счастья Герда не чувствует себя до конца счастливой. В какой-то момент она понимает, что здесь не хватает одного цветка — розы. А как мы знаем, роза в сказке Андерсена — это символ Христа, Богородицы, веры и спасения. Слезы Герды расколдовывают спрятанный под землю розовый куст, и девочка освобождается от чар забвения. Герда обращается к огненной лилии, выюнку, гиацинтам, колокольчикам, одуванчику, нарциссу с вопросом о Кае. Но каждый цветок рассказывает свою историю, как будто не слышит вопроса.

Интерпретация иллюстраций В.С. Алфеевского

В 1954 году В.С. Алфеевский проиллюстрировал сборник сказок Андерсена. Художник один из самых плодотворных иллюстраторов датского сказочника после В.М. Конашевича. Позже он вспоминал: «Весной пятьдесят четвертого года мне представился случай поехать в Таллин... Я тогда только что начал работать над иллюстрациями к “Снежной королеве” и к юбилейному изданию сборника сказок Андерсена, и лучше Таллина ничего нельзя было подумать. На средневековых улочках Таллина я часто встречал принцесс, а во дворах и на скверах бегали, играли Кай и Герда. Старый Таллин был городом из сказки. По крайней мере, я его таким видел, наделял его своим воображением. Здесь моя работа над Андерсеном приобрела реальное содержание» [1, с. 136]. «Ехали в пустом трамвае, который быстро катил по пригородам Таллина. Кадриорг — большой красивый парк и дворец петровских времен. Рисую в альбом интерьеры дворца, потом раскрашенные эти рисунки перейдут в сказку Андерсена “Снежная королева”. Герои сказок Андерсена обрели у меня здесь, в Таллине, свое местожительство» [Там же, с. 140].

В 1956 г. «Снежная королева» с рисунками Алфеевского вышла отдельным изданием.

Изначально в сказке помимо цветных иллюстраций была и черно-белая графика. В отдельное издание вошли только цветные изображения, выполненные в авторской технике Алфеевского: художник рисовал тростниковыми палочками. Он начал рисовать так в военные годы в эвакуации в Ташкенте: «Выдергивал из ширмы и затачивал тростниковые палочки. Я впервые начал рисовать ими здесь и рисую до сих пор. Тростниковое перо очень точно стенографирует твои намерения и через рембрантовские наброски помогло мне найти дорогу к живописному рисунку» [Там же, с. 94-95]. Автор книг и статей об иллюстраторах детских книг Л.С. Кудрявцева отмечала: «Тростниковое перо Алфеевского выразительно. Оно обладает каким-то особенным быстрым движением, а иногда словно останавливалось и делало точку — легкий наплыв, ломкие динамичные линии превращали обыденную сценку в романтическое зрелище. Возникал сплав абстрактного и конкретного, зримого, к чему и стремился художник» [15, с. 138].

Для Алфеевского всегда главным был рисунок. Он писал: «У рисунка свои ярко выраженные стилевые особенности, от других видов изображения отличные. Тинторетто любил говорить, что в живописи главное рисунок, а краски он купит в лавке. В этом шуточном высказывании глубокий смысл» [1, с. 205]. Алфеевский был убежден, что «никогда художник, хороший он или плохой, не может проиллюстрировать литературное произведение, не внося в него своего индивидуального прочтения, личного своего толкования» [Там же, с.214.] Художник, по мысли Алфеевского, «дает в рисунках вторую, видимую жизнь произведению, уточняя, договаривая то, что важно, и то, что неясно выражено писателем, а в некоторых случаях давая и то и другое, параллельное толкования. Следуя за автором, можно идти очень далеко, быть ему равноправным попутчиком» [Там же, с. 214].

К третьей истории «Цветник женщины, умевшей колдовать» Алфеевский делает четыре рисунка (к эпизодам: Герда не верит смерти Кая; бросает башмачки в рек; лодка приплывает к саду женщины, умевшей колдовать; Герда разговаривает с розами).

Рисую черной тушью и подсвечивая рисунок акварелью, художник всегда идет строго за текстом. На первом рисунке на фоне крыш изображена Герда, задумчиво смотрящая из раскрытого окна. На переднем плане — цветущие розы. Герда оперлась подбородком на ладонь, ее лицо полно решимости. «— *Надену-ка я свои новые красные башмачки. — Кай ни разу еще не видал их, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него*» [3, с. 238].

На втором рисунке изображено, как Герда, стоя в лодке, бросает свои красные башмачки в реку. Башмачки пока еще летят в воздухе, рука девочки еще не успела опуститься, а лодка уже плывет по реке. «*Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега*» [Там же, с. 239].

Далее художник воспроизводит сцену, в которой Герда попадает в мир женщины, умевшей колдовать. Алфеевский иллюстрирует диалог: «— *Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко? С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду*» [3, с. 240-241]. В лодке стоит растерянная Герда, а женщина, своей клюкой цепляет ее, чтобы вытащить из воды. На заднем фоне дом с разноцветными витражами и деревянными солдатами на посту.

На четвертом рисунке Алфеевский иллюстрирует диалог Герды с розами: «— *Как же я*

замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше? — Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землю, где лежат все умершие, но Кая меж нами не было» [Там же, с. 244]. Девочка обнимает руками розу. Неподалеку растет тигровая лилия. На заднем фоне — домик колдуньи. Сад изображен схематично, цветов мало, они почти неузнаваемы. Художник делает это для того, чтобы сосредоточить внимание на главном. Основная цветовая гамма — охристо-желтая, желто-зеленая, темно-серая. Розы и платье девочки выполнены в розовом цвете. Художнику важно передать чувства, которые испытывает Герда: грусть и печаль от того, как много времени она потеряла.

Интерпретация иллюстраций Н.Г. Гольц

Ника Гольц делает девять иллюстраций к третьей истории. Первая иллюстрация выполнена в голубых тонах, в ней Герда, попадает в потусторонний мир, отдав реке свои красные башмачки. Гольц иллюстрирует андерсеновский текст: *«Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась от берега»* [Там же, с. 239]. Гольц изображает, как Герда, стоя на носу лодки, бросает их вперед, и река уносит их. Пространство рисунка таинственно, две трети занимает река и берег, на котором растут куст и широкая ива. Река и деревья окрашены голубым цветом, создается ощущение тумана. Красные акценты на голубом фоне — это платье девочки, ее шапочка и красные башмачки. Герда испугана, ее поза говорит об этом: туловище наклонено вперед, руки расставлены в стороны. Она только что бросила башмачки в воду.

На втором рисунке изображен домик женщины, умевшей колдовать и деревянные солдаты, которые охраняют вход в него. *«Но вот она приплыла к большому вишневному саду, в котором приютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо»* [3, с. 240].

Третья иллюстрация рассказывает читателю о том, что происходило внутри домика. *«Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ. Окна были высоко от полу и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием»* [Там же, с. 241-242]. Рисунок контрастирует с предыдущими по цвету, настроению, динамике. Если первые два были выполнены в голубых тонах, в них присутствовало движение, то третий нарисован в желто-коричневых тонах с фиолетовыми акцентами витражей и цветов в шляпе женщины. Желто-коричневый цвет становится цветом морока, колдовства, статичности. В центре сидит спокойная и даже радостная Герда с корзиной вишен, она с интересом держит в руке две вишни, собираясь их съесть, за ней стоит довольная старушка, которая расчесывает волосы девочки. В этот момент она говорит: *«Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! <...>. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобою!»* [3, с. 242]. Художник рисует сцену забвения, в которой Герда забывает о Кая и своей беде. Гольц для создания иллюстраций выбирает даже не сцены, а фрагменты сцен, тем самым детализируя их. Для нее важен не только образ, но и психологизм. Средствами художественной выразительности она показывает, что героиня чувствует в данный момент.

Четвертый рисунок — это разговор Герды с розами. В центре большой белый куст роз и Герда, которая склонилась над одной из них и нежно обнимает ее. Интересно, что большинство художников изображает розы в этой сказке красными, у Гольца они белые. Фон иллюстрации розовый.

Следующие иллюстрации — это рассказы цветов, которые выделены в отдельные истории с помощью заголовков и шрифта. Огненная лилия представлена восточной красавицей, стоящей в центре красного цветка: *«В длинном красном одеянии стоит на костре индийская вдова»* [Там же, с. 244].

На качелях качаются прекрасные барышни в белых платьях, а сзади молодой человек, пускающий мыльные пузыри, внизу прыгает собака. Это история подснежника: *«— Между деревьями качается длинная доска, — это качели. На доске сидят две миленькие девочки; платьица на них белые, как снег, а на шляпах развеваются длинные зеленые шелковые ленты. Братишка, постарше их, стоит позади сестер, держась за веревки сгибами локтей; в руках же у него: в одной — маленькая чашечка с мыльной водой, в другой — глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колыхается от дуновения ветра. Черненькая собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, но доска взлетает кверху, собачонка падает, тьякает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются... Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху пена — вот моя песенка!»* [3, с. 245-246].

Три прекрасные девушки, как грации, танцуют, держась за руки, а на переднем плане изображен гиацинт: *«Жили-были три стройные, воздушные красавицы-сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера»* [Там же, с. 246].

На следующем рисунке сидит бабушка, а рядом стоит внучка, которая держит ее за руку. Это история лютика (в другом переводе одуванчика): *«На двор вышла посидеть старушка-бабушка; вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку»* [Там же, с. 248].

На последней иллюстрации изображена прекрасная балерина в белом платье и желтой косынке на шее, делающая фуэте. Это история нарцисса (в другом переводе желтая лилия): *«Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, еще резче оттеняющий белизну платьица. Опять одна ножка взвивается в воздух! Гляди, как прямо она стоит на другой, точно цветок на своем стебельке!»* [Там же, с. 249].

Интерпретация иллюстрации В.Э. Ерко

Из современных художников начала XXI в., обратившихся к этой сказке, наибольшую популярность обрел В.Э. Ерко. Всеобщее признание получили его рисунки к «Путешествию Гулливера» Свифта, произведениям Кастанеды, «Сказкам туманного Альбиона», «Маленькому принцу», «Алисе в стране чудес», «Ромео и Джульетте», «Гамлету», «Тарасу Бульбе» и др. В 2000 году вышло издание сказки «Снежная королева» на русском языке со значительным сокращением текста в издательстве «А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА». Ерко — победитель многих книжных выставок, обладатель титула «Человек книги» как лучший художник 2002 г. (Россия). Книга «Снежная королева» издавалась во многих странах. Пауло Коэльо о рисунках Ерко к «Снежной королеве» сказал: «это одна из самых удивительных детских книг, которые я видел в своей жизни».

Иллюстрации Ерко, как отмечают Л.С. Кудрявцева и Л.У. Звонарева отличают «современный интерес к культу материальной и телесной красоты, к изысканным гламурным деталям. Художник обустроивает каждую картинку многочисленными мельчайшими подробностями, за которыми стоит тщательно изученный быт конца XIX века и любование красивой вещью. <...>. Кай и Герда выглядят нарядно одетыми современными детьми из благополучных семей, а Снежная королева надменной современной красавицей» [15, с. 298].

Чтобы разгадать зрительный образ, созданный Ерко к этой истории, необходимо обратиться к голландской жанровой живописи XVII века. Обращение необходимо для понимания сюжетов и мотивов сада, описанных Андерсеном в сказке. Живописная материя голландский натюрмортов дает возможность вербально интерпретировать сюжеты, образы, символы. В образах повседневности (здесь цветах) скрыт смысл, который нужно разгадать, увидеть, прочесть.

На XVII век приходится рассвет жанра натюрморт в Голландии. Примечательно, что сами голландцы называли этот жанр не французским словом «натюрморт», что в дословном переводе звучит, как «мертвая природа», а «*stilleven*», что переводится как «тихая жизнь». Под натюрмортом голландцы подразумевали изображение неподвижной природы (лишенной возможности двигаться) или природы, обладающей этим свойством. Голландцы изображали не только фрукты, цветы, книги, музыкальные инструменты, посуду, рыбу, дичь, но и живых насекомых, птиц, змей, ящериц. Нам будет интересен «цветочный» или «ботанический» натюрморт, а также натюрморты «*vanitas*» («суета сует») и «*memento mori*» («помни о смерти»).

Интерес у голландцев к цветам возник значительно раньше XVII века. Натюрморт сохранял связь с религиозной картиной, были мастера, которые обрамляли цветочными и фруктовыми гирляндами фигуры младенца Христа и Богородицы. Позже интерес к миру растений сложился у голландцев в силу «расцвета естественных, научных и эстетических потребностей общества» [18, с. 11]. «Если роза, лилия, ирис, гвоздика, виола, маргаритка, нигелла, розмарин, анемон, календула, левкой, мальва и жимолость выращивались в Голландии со времен античности, то многие другие цветы появились там в конце XV-XVI веков», — пишет искусствовед и автор книги «Голландский натюрморт» Ю.А. Тарасов. «Историки ботаники установили, что садовый лютик стали культивировать в голландских садах в 1480 г., пион и бархатцы — 1542 г., сирень — 1554 г., травяной колокольчик — 1561 г., гиацинт — 1562 г., нарцисс и адонис — 1565 г., примулу — 1570 г., фритиллярию — 1572 г., дельфиниум — 1578 г, садовые незабудки — 1581 г., тюльпан — 1593 г., декоративную калину — 1594 г., крокус — 1597 г. И лишь некоторые из садовых цветов пришли в Голландию в XVII столетии: трехцветный вьюнок (1623), красный вьюнок (1629), аквилегия (1635), настурция (1864)». [Там же, с. 12].

Также у голландцев получил развитие вид философско-нравоучительного натюрморта, который называется «*vanitas*» («суета сует») и «*memento mori*» («помни о смерти»). «В идейных основах этого направления своеобразно переплелись средневековые представления о бренности всего земного, морализующие тенденции кальвинизма и гуманный идеал мудрого человека, стремящегося к истине и красоте», — пишет Б.Р. Виппер [9, с. 272].

Натюрморт XVII века следует всегда рассматривать в связи с особенностями культуры эпохи, а именно сложившейся эмблематикой, потому что характерной чертой этого периода стало сложение эмблематического мышления в искусстве. По сути, натюрморт — это не просто натюрморт, это иносказательное высказывание автора. Для того, чтобы понять о чем

говорит художник, нужно знать символическое значение предмета. Символ всегда многозначен, и все заключенные в нем смыслы обусловлены, как правило, реальными свойствами предмета. Символ выражает определенное понятие, которое шире и глубже изображаемого. Символ всегда загадочен и метафоричен.

Иллюстрация к третьей истории «Цветник женщины, умевшей колдовать» Ерко — коллажная композиция, которая сочетает в себе цветочный натюрморт и философско-нравоучительный «vanitas» (суета сует). Это декоративный коллаж: цветы, предметы, фигуры старушки и Герды заполняют всю плоскость изображения. Цветы нереалистичны, их лепестки вытянуты и превращены в подобие изящных и изысканных завитков. Изображение симметрично. Справа и слева вверху изображены Герда и женщина, умевшая колдовать, между ними гигантский цветок, на котором сидят две огромные бабочки, посередине в центре часы без стрелок с ангелом, под часами красный щит с драконом, спрятанный в цветах и листьях, внизу в середине расположена тигровая лилия.

Художнику удается средствами художественной выразительности передать жаркий летний полдень с запахами цветом и звуками насекомых. Плотность заполнения пространства говорит о том, что Герде тесно в этом искусственно созданном раю. Иллюстрации Ерко своей смысловой насыщенностью в какой-то степени даже вытесняют андерсеновский текст. В этом издании сказки текст напечатан в очень сильном сокращении, пропущены истории цветов.

В центре иллюстрации часы, скрытые цветами, на часах ангел, на ангеле бабочки. Часы — это знак суетности жизни, текущего и уходящего времени. Символизм часов заключается в том, что у них нет стрелок, потому что время остановилось, и Герда оказалась в плену забвения. В мире, где она находится, нет будущего, есть только настоящее, в котором всегда лето и всегда цветут цветы всех сезонов. На часы опирается задумчивый рафаэлевский ангел из «Сикстинской мадонны». Художник дорисовал ему правое крыло, которого нет у Рафаэля. Интересно, что на крыльях ангела также сидят бабочки, но они уже реалистичные, соразмерные пропорциям. Со стороны Герды коричневые, со стороны старушки — белые. Ангел символизирует божественный промысел.

Под часами — спрятанный в цветах щит с изображением красного китайского дракона, по нему ползут гусеница и улитка. В голландских натюрмортах XVII века драконов не изображали, зато могли быть пресмыкающиеся или земноводные. Как правило, они прятались в траве. Это было символом бренности. Змея могла быть символом коварства и зла, смерти, дьявола. «Антиномию “жизнь-смерть”, “вечная душа-бренная и грешная плоть” призвано было выражать также изображением бабочки рядом с гусеницей или улиткой» [12, с. 85]. Таким образом, художник показывает коварство и опасность «райского сада», в котором оказалась Герда.

На иллюстрации изображено много бабочек. Бабочка — символ спасенной души. Стрекоза, сидящая на розово-красном цветке, находится между драконом и часами. Они противопоставлены коварству спрятавшего дракона, как смерть, которая хочет побороть жизнь. Такая система символов позволяет прочесть скрытый смысл: Ерко противопоставляет символы смерти и забвения (часы без стрелок, красный дракон, гусеница, улитка) знакам надежды на спасение (ангел, бабочки). В композиции рисунка (так же, как и в сказке) много цветов. Центральный цветок — лилия. Традиционно он символизирует чистоту Девы Марии, но здесь это тигровая лилия, которая рассказывает девочке историю о страсти. Иллюстрация Ерко про то, как можно за красивыми пышными яркими цветами не увидеть того, что скрыто

в глубине, как искусственно созданный рай отвлекает и не дает идти к цели. Герда оказывается на первый взгляд в прекрасном мире, но этот мир не тот, за который себя выдает, он обманчив и коварен.

Следует обратить внимание на фигуры старушки и девочки и их взгляды. Портрет старушки стилизован под работу западноевропейских мастеров XVII века, девочка же изображена вне времени, трудно отнести ее к какой-то определенной эпохе, художник подчеркивает, что она не из этого мира. У нее распущенные волосы, она смотрит в сторону, в то время как старушка смотрит на зрителя, а в руках держит лорнет. Лорнет говорит о ее близорукости и недальновидности. Как известно, чтобы Герда не вспомнила о Кае, она спрятала все розы под землю, забыв о розе на своей шляпе. Цветы изображены на желтом фоне с каплями воды, отчего небо становится тоже желтым. В этом мире, куда попала Герда, всегда лето, всегда жаркий полдень. Фантазия Ерко соавторская. Его книжная графика красочна, символична, образна, лишена перспективы и светотени, ей характерна связь смыслового содержания и декоративности. Это стилизация, так как создана в манере старых мастеров XVII в. с особым вниманием к деталям, фактуре и предметам.

Выводы

Таким образом, иллюстрация — искусство пластического воплощения образа словесного в зрительный, на основе словесно-изобразительного синтеза. Художник-иллюстратор добивается взаимодействия с автором и читателем с помощью диалога. Любая иллюстрация несет в себе зримый образ и скрытый смысл, который интуитивно прочитывается ребенком. Алфеевский, Гольц, Ерко выступают соавторами, делают зримым сюжет литературного произведения (в данном случае главы), в графическом образе выражают его идею. Они художественными средствами комментируют текст Андерсена. «Иллюстратор может выступать комментатором текста, поясняя или дополняя фабулу, иногда даже развивая действие в стороны основной темы, внося подробности, упущенные автором, но имеющие существенное значение для характеристики героев и обстановки» [14, с. 199].

Работы представленных художников объединяет то, что в них много сотворчества и фантазии. Они все уловили «дух произведения». Рисунки Алфеевского — это классика советской детской книжной иллюстрации. Они иллюстративны. Художник следует за словом писателя, соблюдая точность. Иллюстрации Гольц соавторские. Художник визуально комментирует текст, домысливает, достраивает художественную реальность, позволяет читателю (зрителю) проникнуть в художественное пространство, увидеть то, что недосказано. Ее рисунки красочны, в них много образности. В них проявляется личное переживание литературного образа и отношение к авторской идее (интерпретация). Ерко говорит с читателем на своем изобразительном языке (стилизиция под голландский натюрморт), который раскрывает художественный текст, помогает понять его идейное содержание, дает возможность читателю визуально прожить написанное Андерсеном. Источником образности Ерко стали старые мастера голландской живописи XVII в. (Ян Давидс де Хем, Якоб де Гейн Младший, Амброзиус Босхарт и др.), восточной (красный дракон) и западноевропейской живописи («Сикстинская мадонна» Рафаэля). Его иллюстрации характерна яркая декоративная выразительность. Символическая наполненность визуальных образов Ерко передает перенасыщенность запахов цветов, внешнюю и внутреннюю тесноту пространства, которые позволяют представить трагизм ситуации, в которой оказалась Герда. Книжная детская иллюстрация — это синтез искусств, в котором зрительное пространственное искусство изображает ту же идею, что и словесное,

но делает это другими средствами: цветом, светом, объемом, композицией, пространством, линией, фактурой и т.д. Живописная (материальная) метафора через диалогический строй (автор-художник-читатель) влияет на восприятие и понимание смысла художественного произведения и авторского замысла.

Литература

1. Алфеевский В.С. По памяти и с натуры. 1991. М.: Книга. 335 с., ил.
2. Алфеевский В. Иллюстрация образное воплощение содержания // Детская литература. 1968. № 10. С. 38-39.
3. Андерсен Х.К. Снежная королева / «Роза Христа» и другие рождественские сказки. 2017. М.: Никая. С. 223-284.
4. Андерсен Х.К. Снежная королева / Г.Х. Андерсен; рис. В. Алфеевского; [пер. с дат. А.В. Ганзен]. 1956. Москва: Детгиз. 55 с., ил.
5. Андерсен Г.-Х. Снежная королева / худ. Н. Гольц. 2001. М.: Эксмо. 72 с., илл.
6. Андерсен Г.Х. Снежная королева. 2012. А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА. Иллюстрации Владислава Ерко, перевод Анны Ганзен. 31 с.
7. Богатырева Н.Ю. Отечественные художники-иллюстраторы детской книги XX-XXI вв. 2018. Москва: МПГУ. 86 с.
8. Буслаев Ф.И. Иллюстрации стихотворений Державина // Буслаев Ф.И. Мои досуги: в 2 ч. 1886. М.: Синодальная типография. Ч.2. С. 70-166.
9. Винтер Б.Р. Проблема и развитие натюрморта. 2005. СПб.: Азбука. 384 с.: ил.
10. Ганкина Э.З. Русские художники детской книги. 1963. М.: Советский художник. 279 с., ил.
11. Герчук Ю.Я. Художественные миры книги. 1989. М.: Книга. 239 с., ил.
12. Звездина Ю.Н. Эмблематика в мире старинного натюрморта. К проблеме прочтения символа. 1997. М.: Наука. 160 с.
13. Колокольцев Е.Н. Художественное произведение в аспекте речевого творчества школьника. 2013. М.: МГОУ. 110 с.
14. Конашевич В.М. О себе и своем деле. 1968. М.: Детская литература. 496 с.
15. Кудрявцева Л.С. Звонарева Л.У. Ханс Кристиан Андерсен и его русские иллюстраторы за полтора века. 2012. М.: Московские учебники. 352 с.: ил.
16. Кудрявцева Л.С. Собеседники поэзии и сказки: Об искусстве художников детской книги. 2008. М.: Московские учебники. 288 с., ил.
17. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. 1998. М.: Лабиринт. 512 с.
18. Тарасов Ю.А. Голландский натюрморт XVII века. 2004. СПб.: СПбГУ. 162 с. ил.
19. Фаворский В.А. О художнике, о творчестве, о книге. 1966. М.: Молодая гвардия. 128 с., ил.
20. Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. 1988. М.: Советский художник. 588 с., ил.

References

1. Alfeyevsky V.S. Po pamyati i s natury [From memory and from nature]. 1991. Moscow: Kniga. 335 p. (In Russ.).
2. Alfeyevsky V. Illyustratsiya obraznoe voploshchenie sodержaniya [Illustration figurative embodiment of the content]. *Detskaya literatura = Children's literature*. 1968. No. 10. pp. 38-39 (In Russ.).
3. Andersen H.K. Snezhnaya koroleva [The Snow Queen]. «Roza Khrista» i drugie rozhdestvenskie skazki [“The Rose of Christ” and other Christmas tales]. 2017. Moscow: Nikea, pp.223-284 (In Russ.).

Russ.).

4. Andersen H.K. Snezhnaya koroleva [The Snow Queen]. G.H. Andersen; fig. V. Alfeevsky; [trans. from the date of A.V. Hansen]. 1956. Moscow: Detgiz. 55 p.: color. ill. (In Russ.).
5. Andersen G.-H. Snezhnaya koroleva [The Snow Queen]. N. Golts (artist). 2001. Moscow: Eksmo. 72 p. (In Russ.).
6. Andersen G.H. Snezhnaya koroleva [The Snow Queen]. 2012. A-BA-BA-GA-LA-MA-GA. Illustrations by Vladislav Yerko, translated by Anna Hansen. 31 p. (In Russ.).
7. Bogatyreva N.Yu. Otechestvennye khudozhniki-illyustratory detskoj knigi XX-XXI vv. [Domestic illustrators of children's books of the 20th-21st centuries]. 2018. Moscow: MPSU. 86 p. (In Russ.).
8. Buslaev F.I. Illyustratsii stikhotvorenii Derzhavina [Illustrations of Derzhavin's poems]. Buslaev F.I. Moi dosugi: v 2 ch. [Buslaev F.I. My leisure: in 2 parts]. 1886. Moscow: Sinodal'naya tipografiya. Part 2. pp. 70-166 (In Russ.).
9. Whipper B.R. Problema i razvitie natyurmorta [The problem and development of still life]. 2005. Saint Petersburg: Azbuka. 384 p.: ill. (In Russ.).
10. Gankina E.Z. Russkie khudozhniki detskoj knigi [Russian artists of children's books]. 1963. Moscow: Sovetskii khudozhnik. 279 p. (In Russ.).
11. Gerchuk Yu.Ya. Khudozhestvennye miry knigi [Artistic worlds of the book]. 1989. Moscow: Kniga. 239 p. (In Russ.).
12. Zvezdina Yu.N. Emblematika v mire starinnogo natyurmorta. K probleme prochteniya simvola [Emblematics in the world of ancient still life. To the problem of reading the symbol]. 1997. Moscow: Nauka. 160 p. (In Russ.).
13. Kolokoltsev E.N. AKhudozhestvennoe proizvedenie v aspekte rechevogo tvorchestva shkol'nika [A work of art in the aspect of a student's speech creativity]. 2013. Moscow: MGOU. 110 p. (In Russ.).
14. Konashevich V.M. O sebe i svoem dele [About yourself and your business]. 1968. Moscow: Detskaya literatura. 496 p. (In Russ.).
15. Kudryavtseva L.S. Zvonareva L.U. Khans Kristian Andersen i ego russkie illyustratory za poltora veka [Hans Christian Andersen and his Russian illustrators for a century and a half]. 2012. Moscow: Moskovskie uchebniki. 352 p. (In Russ.).
16. Kudryavtseva L.S. Sobesedniki poezii i skazki: Ob iskusstve khudozhnikov detskoj knigi [Interlocutors of poetry and fairy tales: About the art of children's book artists]. 2008. Moscow: Moskovskie uchebniki. 288 p. (In Russ.).
17. Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Morphology of a fairy tale. The historical roots of the fairy tale]. 1998. Moscow: Labirint. 512 p. (In Russ.).
18. Tarasov Yu.A. Gollandskii natyurmort XVII veka [Dutch still life of the XVII century]. 2004. Saint Petersburg: SPBGU. 162 p. (In Russ.).
19. Favorsky V.A. O khudozhnike, o tvorchestve, o knige [About the artist, about creativity, about the book]. 1966. Moscow: Molodaya gvardiya. 128 p. (In Russ.).
20. Favorsky V.A. Literaturno-teoreticheskoe nasledie [Literary and theoretical heritage]. 1988. Moscow: Sovetskii khudozhnik. 588 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Дорожкина Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Государственный университет просвещения

Дорожкина М.А.
«Снежная королева» Х.К. Андерсена: зримый образ и
скрытый смысл в детской иллюстрации
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 98–111.

Dorozhkina M.A.
“The Snow Queen” by H.Chr. Andersen: Visible Image
and Hidden Meaning in Children’s Illustration
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 98–111.

(ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Information about the author

Maria A. Dorozhkina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Teaching Methods of Russian Language and Literature, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Получена 10.05.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 10.05.2024
Accepted 15.06.2024

Темпоральные конструкции с наименованием праздников в произведениях И.А. Бунина

Малинская Т.В.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>, e-mail: htgytdf@yandex.ru

На материале произведений И.А. Бунина в статье анализируются темпоральные конструкции, в состав которых входят наименования праздников. Цель исследования — выявить структурно-семантические особенности обозначенных темпоральных единиц и их функционирование в бунинских текстах. В работе использован метод сплошной выборки языкового материала, который помогает получить наиболее объективные результаты исследования. Применены методы наблюдения, обобщения и интерпретации. В результате проведенного исследования выявлено количественное соотношение относительных темпоральных синтаксем и относительных темпоральных субстантивных оборотов с лексемами-наименованиями праздников. Статистические данные представлены в виде диаграмм. Доказано, что в анализируемых темпоральных конструкциях чаще используются первообразные предлоги, репрезентирующие предшествование или совпадение с обозначенным временем. Особенности употребления темпоральных конструкций с наименованиями праздников находят отражение в идиостиле И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, идиостиль, наименования праздников, относительные темпоральные синтаксемы, относительные темпоральные субстантивные обороты.

Для цитаты: Малинская Т.В. Темпоральные конструкции с наименованиями праздников в произведениях И.А. Бунина [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 112–121. DOI: [10.17759/langt.2024110211](https://doi.org/10.17759/langt.2024110211)

Temporal Constructions with the Names of Holidays in the Works of I.A. Bunin

Tatyana V. Malinskaya

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>, e-mail: htgytdf@yandex.ru

Based on the material of the works of I.A. Bunin, the article analyzes temporal constructions, which include the names of holidays. The purpose of the study is to identify the structural and semantic features of the designated temporal units and their functioning in Bunin texts. The paper uses the method of continuous sampling of linguistic material, which helps to obtain the most objective research results. The methods of observation, generalization and interpretation are applied. As a result of the conducted research, a quantitative ratio of relative temporal syntaxes and relative temporal substantive turns with lexemes-names of holidays was revealed. Statistical data are presented in the form of diagrams. It is proved that in the analyzed temporal constructions, primitive prepositions are more often used, representing the antecedence or coincidence with the designated time. The peculiarities of the use of temporal constructions with names of holidays are reflected in I.A. Bunin's idiosyncrasy.

Keywords: I.A. Bunin, idiostyle, names of holidays, relative temporal syntaxemes, relative temporal substantive turns.

For citation: Malinskaya T.V. Temporal Constructions with the Names of Holidays in the Works of I.A. Bunin. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 112–121. DOI: 10.17759/langt.2024110211 (In Russ.).

Введение

Наименования праздников являются одним из элементов русской языковой картины мира. «*Вся эта картина мира, вся жизнь человека (точнее, человеческого общества) в мире, пропущенная сквозь коллективное человеческое сознание, отражается в языке и, находя в каждом языке соответствующие формы выражения, становится содержанием коммуникации*» [4, с. 5]. В творчестве И.А. Бунина нашла отражение религиозная картина мира, что является одной из характерных черт идиостиля писателя. В.В. Леденева понимает под идиостилем систему отношений, индивидуально установленную языковой личностью, «к разнообразным средствам и способам ее авторепрезентации через идиолект» [6, с. 11]. Идиолект, в свою очередь, воплощение языка «как индивидуализированной «версии» общенародного языка» [6, с. 16].

Слово *праздник* в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [МАС] имеет следующие толкования: «1. День торжества в честь или в память какого-л. выдающегося события. 2. Веселье, торжество, устраиваемое кем-л. по какому-л. поводу. 3. О дне, ознаменованном каким-л. важным, приятным событием, а также о самом таком радостном событии. 4. перен. Испытываемое от чего-л. наслаждение, приятное, радостное чувство, а также сам источник наслаждения, радости» [13]. Все лексико-семантические варианты указывают на то, что лексема *праздник* содержит положительную коннотацию, оценивается с точки зрения антропоцентризма как «событие высокой степени значимости».

В статье И.В. Бугаевой «Наименование праздников в православном социолекте» дана подробная классификация церковных праздников. Лингвист отмечает, что ядерными словами чаще всего выступают девербативы, репрезентирующие события, в честь которых и назначен праздник: *введение, явление* и подобные. «Апеллятивы *Покров, Введение, Похвала, Знамение, Обрезание* и другие подверглись онимизации, в речи употребляются без дополнительных определителей и дифференциаторов» [1, с. 86]. Ядерными словами могут выступать дни недели: *Вербное Воскресенье, Лазарева Суббота*, а также сама лексема *день*:

Петров день, День Святого Духа и подобные.

Вывод И.В. Бугаевой о том, что основными способами номинации церковных праздников являются «лексикализация словосочетаний и онимизация апеллятивов» [1, с. 88], не вызывает сомнений.

На наш взгляд, важной проблемой современного синтаксиса является актуализация времени с помощью предложно-падежных словоформ. Г.А. Золотова ввела термин «синтаксема» как минимальная единица синтаксиса [3, с. 4]. Ученый считает, что «в силу тех качеств, которые получает синтаксема в результате соединения усилий семантики и морфологии, она приобретает способность вступить в тот или иной тип словосочетания или предложения» [4, с. 49]. Т.Е. Шаповалова предложила понятие «темпорального субстантивного оборота», который представляет собой конструкцию, содержащую в себе синтаксему с распространителями [14].

Темпоральные конструкции, представляющие номинацию праздников, всегда реализуют относительное временное значение, так как их семантика указывает не только на время протекания действия, но и на сам процесс, на само событие. «Темпоральный субстантивный оборот с относительным временным значением наиболее семантически и синтаксически сложен. Он может содержать синкретичность значений» [9, с. 84]. Анализ темпоральных конструкций, найденных в произведениях И.А. Бунина, позволит выделить отдельные черты идиостиля писателя.

Темпоральные синтаксемы с относительным временным значением

Темпоральные синтаксемы с лексемой *Рождество* часто стоят в бунинском предложении в препозиции. Например: «*Перед Рождеством я как-то поехал в город*» [2]. «*К Рождеству непременно приеду!*» [2] «*На Рождество он не приехал*» [2]. Темпоральные синтаксемы содержат производные предлоги: *перед* указывает на действие, произошедшее до обозначенного времени, *к* — на действие, которое совершится близко перед репрезентируемым временем, *на* указывает на совпадение с точкой отсчета. Относительная темпоральная единица отражает время протекания действия и особенности самого праздника. Многослойность и многомерность таких синтаксем и обусловлена их относительным значением.

«<...> помню солнечное утро *на Троицу*, когда даже бородатые мужики, как истые потомки русичей, улыбались из-под огромных березовых венков; помню грубые, но могучие песни *на Духов день*, когда мы с закатом уходили в ближний дубовый лесок и там варили кашу, расставляли ее в черепках по холмикам и «молили кукушку» быть милостивой вещуньей; помню «игры солнца» *под Петров день*» [2]. Лексикализованные единицы входят в состав темпоральной синтаксемы и являются минимальной единицей синтаксиса, так как имеют одну дефиницию: *на Духов день, на Петров день*.

«И вот, братцы мои, почуявши такую историю, вышел он *на Покров* после обедни к народу – и простился со всеми» [2]. *Прошлый год убил, на Успенье* [2]. Темпоральные синтаксемы содержат онимизированные апеллятивы. Производный предлог *на* указывает на совпадение времени действия, переданного предикатом, и времени события, протекание которого отражено в относительной синтаксеме.

«*Накануне Николы она почему-то особенно ждала его, так томилась желанием видеть его, что, казалось, не может не исполниться ее желание*» [2]. Производный предлог *накануне* употребляется с родительным падежом и имеет значение «непосредственно перед чем-нибудь» [12]. Согласимся с И.В. Бугаевой в том, что полные наименования церковных

праздников установлены в церковных календарях, богослужебных книгах и произносятся во время богослужения, а носители языка употребляют редуцированные формы [1, с. 88], что и отражено в текстах И.А. Бунина.

«*На святках к Кузьме повадилса Иванушка из Басова*» [2]. «*И за масленицу, за эти серые дни, слегка туманившие, делавшие тусклыми сосны и ели в палисаднике, слегка кружившие голову своим теплом и праздничным чадом из труб, Игнату не раз приходилось натывать на игру барчуков с Любкой*» [2]. Темпоральные относительные синтаксемы *на святках* («В православии: праздничные дни между Рождеством и Крещением» [12]), *за масленицу* («Языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед так называемым Великим Постом и отмечаемый печением блинов и различными увеселениями» [13]) содержат в своем значении определенную временную протяженность. Следует отметить, что в произведениях И.А. Бунина данные лексемы не являются номинациями праздников, а указывают на длительный период между праздниками или подготовкой к более значимому христианскому событию.

«*С женой, отцом и с мачехой он приехал Петровками в гости к Устиану на толстой, низкой соловой лошади <...>*» [2]. Темпоральная синтаксема *Петровками* имеет форму множественного числа творительного падежа, указывает на совпадение с обозначенным временем. Только в контексте лексема приобретает семантику церковного праздника. В произведениях И.А. Бунина выявлен один пример, имеющий беспредложную словоформу наименования праздника в качестве темпоральной синтаксемы. Анализируемая конструкция не «репрезентирует повторяемость временного плана и условий протекания действия» [8, с. 173], которые отражают такие абсолютные темпоральные синтаксемы, как *вечерами, ночами, месяцами* и подобные, являющиеся «именами времени» [7, с. 42]. *Петровками* содержит сему длительности праздника, но не повторяемости, лексема является диминутивом, репрезентирующим эмоционально-оценочную коннотацию. «*Свойства темпоральных диминутивов оказываются результатом взаимодействия (не всегда предсказуемым) лексической семантики существительного и смысловых возможностей диминутива*» [15, с. 54].

В текстах И.А. Бунина проанализировано 58 темпоральных синтаксем с относительным временным значением. На рисунке 1 отражены наименования праздников, входящие в анализируемые единицы:

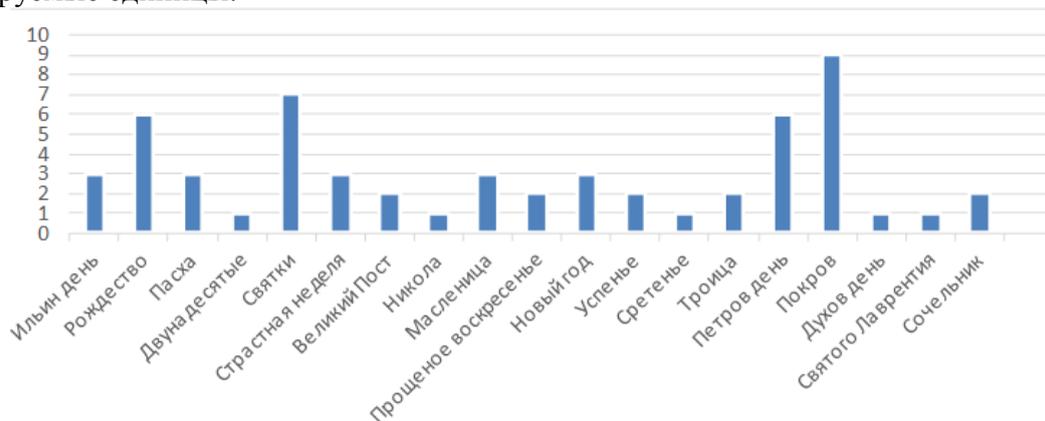

Рис. 1. Номинация праздников относительными темпоральными синтаксемами

Лексема *Покров* («Покров Пресвятой Богородицы в православии: великий церковный праздник в память о видении Богородицы, стоящей на воздухе и простирающей покров над молящимися в храме (14 октября)» [12]) наиболее частотна в текстах И.А. Бунина. Она

репрезентирует и календарное время: время года, месяц, конкретную дату.

Обследованный материал позволяет утверждать, что относительные темпоральные синтаксемы с наименованием праздников в произведениях И.А. Бунина указывают на предшествование или совпадение с обозначенным временем. Следовательно, время праздника становится мерилем совершения какого-либо действия, достижения результата, подводится итог духовных исканий, метаний, осуществляется переосмысление жизненного пути человека.

Темпоральные субстантивные обороты с относительным временным значением

Темпоральные субстантивные обороты с наименованиями праздников субъективно наполнены и осмыслены, благодаря присутствию различных распространителей, что ведет к более сложным интерпретациям временного плана событий.

«**К концу Фоминой** он стал выходить, но еще и теперь не поправился как следует» [2]. Относительный темпоральный субстантивный оборот содержит фазисное значение завершения длительности праздника. Непроизводный предлог **к** указывает на близкое предшествование обозначенному времени.

«**К вечеру Великой субботы** дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благостной и счастливой, тихо ждущей в своем благообразии великого Христова праздника» [2]. Темпоральный субстантивный оборот состоит из производного предлога, указывающего на предшествование моменту речи, лексемы, обозначающей конкретный временной отрезок части суток, и номинации праздника. Темпоральная синтаксема **к вечеру** распространена онимом, следовательно, не является минимальной синтаксической единицей, она более сложная структурно и семантически.

«**А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история, случившаяся с одним моим приятелем, форменным, как оказалось впоследствии, ослом, ровно три года тому назад, на второй день Рождества...**» [2] Темпоральный субстантивный оборот является в предложении уточняющим обстоятельством времени. Непроизводный предлог **на** указывает на совпадение с точкой отсчета. Наименование праздника в составе темпоральной конструкции приобретает значение длительности временного отрезка, интервала, измеряемого несколькими сутками.

«**На первый день Пасхи** стало везде совсем сухо, зазеленели лозинки и выгоны» [2]. «**На третий день Пасхи** он умер в вагоне метро, — читая газету, вдруг откинул к спинке сиденья голову, завел глаза...» [2]. В лексикографических источниках предлагается такое пояснение: «У христиан: весенний праздник, связанный с верой в чудесное воскресение Иисуса Христа, отмечаемый в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния» [12]. Из словарной статьи видно, что оним не содержит компонента 'длительности' в своей семантике. Темпоральные субстантивные обороты распространены относительными прилагательными со значением порядка при счете, которые указывают на суточное дробление праздника. Интерпретировать такой временной отрезок можно двумя способами:

1. Празднование Пасхи продолжается уже третий день.
2. Для героя праздник носит сакральный характер, после него идет счет календарных дней, опираясь на оним, как на абсолютную точку отсчета, начало нового витка времени жизни человека.

«**Это так вышло, — картаво начал он, обращаясь не к Василию и не к Ремеру, а только к одной барыне, — это вышло-с как раз под самый Николин день...**» [2]. Темпоральный субстантивный оборот состоит из наименования праздника, согласованного

распространителя и уточняющей частицы *как раз*. С.М. Колесникова доказывает, что частицы репрезентируют субъективные или объективные смыслы предложений-высказываний «для усиления качественного признака, участвуя в реализации коммуникативных намерений говорящего» [5, с. 72]. Ученый считает, что частицы «сближают внутренние миры говорящего и слушающего и отражают переходные явления в системе частей речи, передающие “идею отношений”» [5, с. 72].

«Сын народа, не отделяющего земли от неба, он просто и кратко рассказал о страшной встрече ее «в темных лугах», **в светлые пасхальные дни**, с самим воскресшим господом» [2]. Темпоральный субстантивный оборот с относительным временным значением **в светлые пасхальные дни** отличается тем, что наименование праздника выступает атрибутивным распространителем. Множественное число указывает на длительный временной отрезок, в который происходят события.

«Он был отрок прилежный и назубок решил вытвердить то, что ему задали **на рождественские каникулы**» [2]. Относительный темпоральный субстантивный оборот содержит атрибутивный распространитель, который репрезентирует как сам праздник, так и календарное время его протекания.

«И читал я как раз о ней: читал песнь о старом нормандском бароне, умиравшем в отдаленном покое замка **в бурную и темную ночь рождества Христова**» [2]. Темпоральный субстантивный оборот содержит оценку событий и эмоциональную характеристику времени. Временной план передан опосредованно через органы зрения, что подтверждает атрибутивный элемент **темную**. Наименование праздника не выражено явно, используется как апеллатив при имени собственном **Христова**.

В текстах И.А. Бунина выявлено 25 относительных темпоральных оборотов с наименованиями праздников. Данные отражены на рисунке 2:

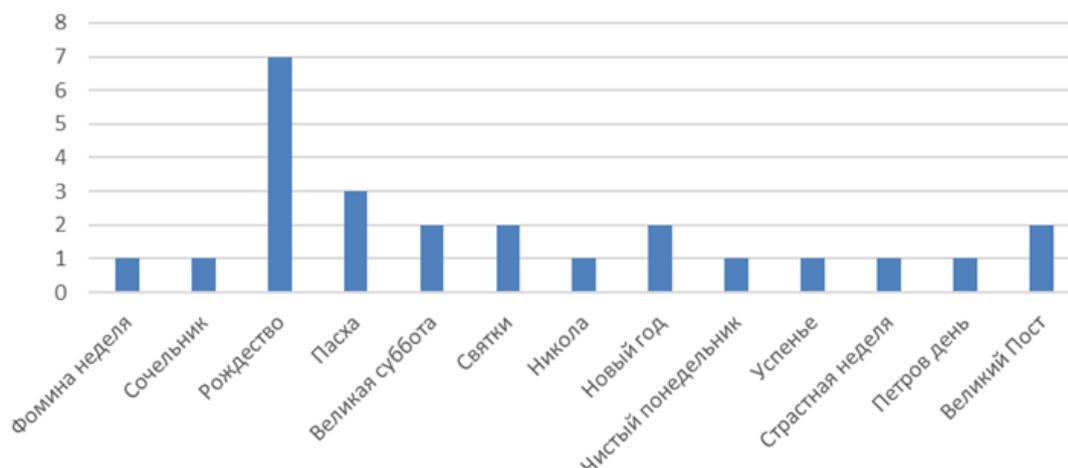

Рис. 2. Номинация праздников относительными темпоральными субстантивными оборотами

Как показали статистические данные, номинация праздника Рождества в произведениях И.А. Бунина наиболее частотна в составе темпорального субстантивного оборота, который при помощи атрибутивных элементов передает эмоционально-экспрессивную оценку времени протекания события и самого действия, репрезентированного предикатом.

Заключение

Обследованный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Относительные темпоральные синтаксемы и относительные темпоральные

субстантивные обороты с наименованиями праздников в произведениях И.А. Бунина употребляются с непроизводными предлогами, указывающими на предшествование или совпадение с обозначенным временем. События, которые происходят в значимые праздничные временные отрезки, приобретают весомость и влияют на последующее развитие действия.

2. В текстах писателя количественно преобладают темпоральные синтаксемы (58 примеров), они чаще всего употребляются в препозиции и выполняют роль приосновного распространителя — детерминанта. Темпоральных субстантивных оборотов с наименованиями праздников найдено 25 примеров, но они более полно и точно описывают относительность и субъективность временного плана.

3. Анализ первого и второго рисунка указывает на неоднородность употребления одних и тех же наименований праздников в качестве относительных темпоральных синтаксем и относительных темпоральных субстантивных оборотов. Например, лексема *Покров* является наиболее частотной в составе синтаксемы, но ни разу не использовалась в субстантивном обороте. Оценочно нагруженным представлен праздник *Рождества*, употребленный в качестве темпорального субстантивного оборота превалирующее количество раз.

4. И.А. Бунину присуща религиозная картина мира, поэтому номинация церковных праздников в составе темпоральных конструкций преобладает.

Все отмеченные особенности отражают отдельные черты идиостиля писателя. Собранные «по крупницам», в совокупности они раскрывают многогранность и многомерность таланта И.А. Бунина.

Литература

1. Бугаева И.В. Наименование праздников в православном социолекте // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 53, вып. 14. С. 84-92.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 4 томах [Электронный ресурс]. М.: Издательство «Правда», 1988. URL: <https://knigogid.ru/books/66225-i-a-bunin-sobranie-sochineniy-v-chetyreh-tomah-tom-1/toread?ysclid=lsqmybw4pd690755531> (дата обращения: 10.02.2024)
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. М.: Наука, 2001. 439 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд.6-е. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 368 с.
5. Колесникова С.М. Частицы как часть речи (к вопросу о значении и разрядах частиц по строению и функциям) // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 65-72.
6. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: монография. М.: ООО «Постатор», 2022. 462 с.
7. Лекант П.А. Метафорическое поле имен времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2016: сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 42-47.
8. Малинская Т.В. Темпоральные конструкции с лексемой *момент* в произведениях И.А. Бунина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К.А. / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: ООО «Постатор», 2024. С. 171-175.
9. Малинская Т.В. Темпоральные конструкции с лексемой *минута* в романе И.А. Бунина

«Жизнь Арсеньева» // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ. 2023. № 4. С. 80-86.

10. Малинская Т.В. Роль диминутивов со значением времени суток в составе темпоральных конструкций в произведениях И.А. Бунина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К.А. / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: ООО «Постатор», 2023. С. 238-241.

11. Менькова Н.В. Диминутивы как речевая неудача // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 4. С. 127-136.

12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/?ysclid=lsqovif8w9767773508> (дата обращения: 14.02.2024).

13. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?Ysclid=lsqohl7o9y17924907> (дата обращения: 12.02.2024)

14. Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]: монография. Электронные текстовые данные (7,28 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2020.

15. Шмелева Т.В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 50-57.

References

1. Bugaeva I.V. Naimenovanie prazdnikov v pravoslavnom sotsiolekte [Naming holidays in the Orthodox sociolect]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki = News of Ural State University. Serie 2. Humanities.* 2007. No. 53, iss. 14, pp. 84-92 (In Russ.)
2. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh [Collected Works in 4 volumes] [Elektronnyi resurs].* Moscow: Publ. «Pravda», 1988. Available at: <https://knigogid.ru/books/66225-i-a-bunin-sobranie-sochineniy-v-chetyreh-tomah-tom-1/toread?ysclid=lsqmybw4pd690755531> (Accessed: 10.02.2024) (In Russ.)
3. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinit russkogo yazyka [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of the Russian language].* Moscow: Nauka, 2001. 439 p. (In Russ.)
4. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of Russian Syntax].* 6th ed. Moscow: Editorial URSS, 2010. 368 p. (In Russ.)
5. Kolesnikova S.M. *Chastitsy kak chast' rechi (k voprosu o znachenii i razryadakh chastits po stroeniyu i funktsiyam) [Particles as a part of speech (to the question about the meaning and categories of particles by structure and functions)].* *Russkii yazyk v shkole = Russian language in school.* 2012. No. 7, pp. 65-72 (In Russ.)
6. Ledeneva V.V. *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova: monografiya [Features of N.S. Leskov's idiolect: a monograph].* Moscow: ООО «Postator», 2022. 462 p. (In Russ.)
7. Lekant P.A. *Metaforicheskoe pole imen vremeni v sovremennom russkom yazyke [Metaphorical field of time names in the modern Russian language].* *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom*

yazyke — 2016: *sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Rational and emotional in the Russian language — 2016: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: IIU MGOU, 2016, pp. 42-47 (In Russ.)

8. Malinskaya T.V. Temporal'nye konstruktсии s leksemoi moment v proizvedeniyakh I.A. Bunina [Temporal constructions with the lexeme moment in the works of I.A. Bunin]. *Russkii yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. n., professora Voilovoi K.A. = Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers on the results of the International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Dr. in Philology, Professor Voylova K.A.* O.V. Shatalova (ed.). Moscow: OOO «Postator», 2024, pp. 171-175 (In Russ.)

9. Malinskaya T.V. Temporal'nye konstruktсии s leksemoi minuta v romane I.A. Bunina «Zhizn' Arsen'eva» [Temporal constructions with the lexeme minute in the novel "Life of Arsenyev" by I.A. Bunin]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik: nauchnyi zhurnal = Verkhnevolzhsky philological bulletin: scientific journal*. Yaroslavl': RIO YaGPU. 2023. No. 4, pp. 80-86 (In Russ.)

10. Malinskaya T.V. Rol' diminutivov so znacheniem vremeni sutok v sostave temporal'nykh konstruktсии v proizvedeniyakh I.A. Bunina [The role of diminutives with the meaning of the time of day in the composition of temporal constructions in the works of I.A. Bunin]. *Russkii yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. n., professora Voilovoi K.A. = Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers on the results of the International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Dr. in Philology, Professor Voylova K.A.* O.V. Shatalova (ed.). Moscow: OOO «Postator», 2023, pp. 238-241 (In Russ.)

11. Men'kova N.V. Diminutivy kak rechevaya neudacha [Diminutives as a speech failure]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik: nauchnyi zhurnal = Verkhnevolzhsky philological bulletin: scientific journal*. Yaroslavl': RIO YaGPU, 2018. No. 4, pp. 127-136 (In Russ.)

12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [The explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow: Azbukovnik, 1999. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/?ysclid=lsqovif8w9767773508> (Accessed: 14.02.2024) (In Russ.)

13. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.] [Elektronnyi resurs]. RAN, In-t lingvistich. Issledovani. A.P. Evgen'eva (ed.). Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?Ysclid=lsqohl7o9y17924907> (Accessed: 12.02.2024) (In Russ.)

14. Shapovalova T.E. Temporal'naya semantika poeticheskogo vyskazyvaniya [Temporal semantics of poetic utterance] [Elektronnyi resurs]: monografiya. Elektronnye tekstovye dannye (7,28 Mb). Moscow: IIU MGOU, 2020 (In Russ.)

15. Shmeleva T.V. Diminutiv i semantika sushchestvitel'nogo: leksika vremeni [Diminutive and semantics of a noun: the lexicon of time]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Serie: Russian philology*. 2018. No. 1, pp. 50-57 (In Russ.)

Малинская Т.В.
Темпоральные конструкции с наименованиями
праздников в произведениях И.А. Бунина
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 112–121.

Malinskaya T.V.
Temporal Constructions with the Names of Holidays in
the Works of I.A. Bunin
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 112–121.

Информация об авторе

Малинская Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>, e-mail: htgytdf@yandex.ru

Information about the author

Tatyana V. Malinskaya, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Enlightenment, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3370-1770>, e-mail: htgytdf@yandex.ru

Получена 27.03.2024

Received 27.03.2024

Принята в печать 15.06.2024

Accepted 15.06.2024

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Специфика трансляции концепта «Город» средствами креолизованного текста для иностранных обучающихся

Воробьева Е.В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7881-9644>, e-mail: ebrinyuk@yandex.ru

В данной статье рассматриваются особенности учебных креолизованных текстов для иностранных обучающихся, с помощью которых раскрывается специфика функционирования концепта «ГОРОД». Исследование опирается на научные труды известных ученых, посвященные природе концепта. На основе анализа словарных статей было описано ядро концепта «ГОРОД», а также рассмотрены его особенности в рамках русской национальной картины мира. Системно изучены вербальные и невербальные компоненты креолизации, репрезентирующие концепт «ГОРОД» в учебных изданиях по русскому языку как иностранному. Разработана и охарактеризована самостоятельная классификация тематических групп, элементами которых транслируется концепт «ГОРОД» в анализируемом дидактическом материале. На основе метода подсчета были выявлены наиболее частотные лексемы-репрезентанты данного концепта. Исследована специфика раскрытия концепта «ГОРОД» в различных текстах.

Ключевые слова: учебный креолизованный текст, русский язык как иностранный, концепт, национальная языковая картина мира, вербальные и невербальные компоненты креолизации.

Для цитаты: Воробьева Е.В. Специфика трансляции концепта «Город» средствами креолизованного текста для иностранных обучающихся [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 122–130. DOI: [10.17759/langt.2024110212](https://doi.org/10.17759/langt.2024110212)

The Specifics of the Translation of the Concept "City" by Means of a Creolized Text for Foreign Students

Elena V. Vorobeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7881-9644>, e-mail: ebrinyuk@yandex.ru

This article examines the features of educational creolized texts for foreign students, with the help of which the specifics of the functioning of the concept “CITY” are

revealed. The scientific works of famous scientists devoted to the nature of the concept have been studied. Based on the analysis of dictionary entries, the core of the concept “CITY” was described, as well as its features within the framework of the Russian national worldview were considered. The verbal and non-verbal components of creolization, representing the concept of “CITY” in educational publications on Russian as a foreign language, have been systematically studied. An independent classification of thematic groups has been developed and characterized, the elements of which translate the concept of “CITY” in the analyzed didactic material. Based on the counting method, the most frequent lexemes representing this concept were identified. The specifics of the disclosure of the concept of “CITY” in various texts are investigated.

Keywords: educational creolized text, Russian as a foreign language, concept, national linguistic picture of the world, verbal and non-verbal components of creolization.

For citation: Vorobeva E.V. The Specifics of the Translation of the Concept "City" by Means of a Creolized Text for Foreign Students. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 122–130. DOI: 10.17759/langt.2024110212 (In Russ.).

Прагматической установкой учебных креолизованных текстов по РКИ продиктовано то, что они должны не только решать поставленные в процессе обучения методические задачи, но и транслировать иностранным студентам специфику страны изучаемого языка. Так, высокий уровень владения иностранным языком предполагает знание не только грамматического строя данного языка, основных способов словообразования и необходимого лексического запаса, но и знакомство с мировоззрением, миропониманием, системой ценностей народа-носителя, то есть с национальной картиной мира и концептосферой.

Как справедливо отмечал Ю.Н. Караулов, язык представляет собой не только внешнюю систему, но и «запечатленную в языке опосредованно отражающую мир ментальную структуру» [10, с. 7]. Именно описанная ментальная структура включает в себя языковое сознание, менталитет, языковую картину мира, а также национальный характер народа. Следовательно, любой из ныне функционирующих языков отражает культуру и менталитет этноса, сохраняя национальную языковую картину мира, содержащую главные ценностные ориентиры народа.

В.В. Морковкин и А.В. Морковкина, исследуя ментально-лингвальный комплекс, сделали вывод о том, что мышление, сознание и язык представляют собой единое целое относительно языковой личности [15, с. 20]. Таким образом, любой концепт создается, хранится и воспроизводится в рамках ментально-лингвального комплекса индивидуума, но транслируется средствами, доступными и понятными для расширения культурной и ментальной базы других носителей данного языка.

Каждый концепт является элементом национальной картины мира и концептосферы, а также единицей массового сознания определенного народа. Изучению природы различных концептов в лингвистике посвящены работы Н.Д. Арутюновой [6], В.И. Карасика [9], С.М. Колесниковой [11], В.А. Масловой [14], Д.С. Лихачева [13], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [17] и др. В данной работе мы будем придерживаться определения

Ю.С. Степанова, который рассматривал концепт как основную единицу культуры, так как концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также то, с помощью чего сам человек *«входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»* [19, с. 40]. Следовательно, концепт является культурно значимым элементом сложной структуры, формирующийся в рамках коммуникативной деятельности языковой личности, транслирует специфику языкового сознания определенного языкового социума.

Проведя анализ словарных статей с заголовочным словом *город*, выделим ядро изучаемого нами концепта. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля приводится несколько толкований слова *город*. По одному из них, *город* представляет собой административно-территориальную единицу, в которой проживают люди: «город — населенное место, признанное за город, коему правительство дало городское управление» [8, с. 339].

Для иностранных обучающихся, изучающих русский язык, важно понимать, что слово *город* встречается во всех славянских языках, а также является родственным для слов в некоторых древних и европейских языках, где приобретает иную семантизацию. Так, в литовском языке слово *gardas* — «ограда», албанском *garht* — «забор», в древнеисландском *gerði* — «огороженный участок земли», в готском *gards* — «дом» [20, с. 443]. Наличие подобных значений связано с тем, что первоначально слово *город* обозначало «ограду, забор», позднее — «огороженное место», так как место жительства необходимо было защищать от врагов [21, с. 96].

В нашем исследовании мы будем опираться на современное толкование лексемы *город* — это «*крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.*» [7, с. 221]. Следовательно, с течением времени *город* выступает не только как административно-территориальная единица, огороженная территория, но и приобретает значение центра культуры, торговли и промышленности.

«Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина зафиксировал более 40 имен прилагательных, сочетающихся со словом *город*, среди которых есть имена прилагательные, имеющие как положительную коннотацию (*красивый, прекрасный, любимый, чистый, родной*), так и отрицательную (*грязный, разрушенный*), а также описывающие местонахождение города (*приморский, портовый, южный, северный, заполярный, дальневосточный*), его положение среди других (*областной, главный, провинциальный, соседний, ближайший*), размер (*большой, крупный, огромный, быстрорастущий*), возраст и историческую ценность (*новый, молодой, старый, старинный, древний*). Кроме того, слово *город* может сочетаться с именами существительными как несогласованными определениями, приложениями: *город-герой, город с богатой историей, город будущего*, а также с глаголами-предикатами: *строить, основать, заложить, реконструировать, благоустроить, посетить* и т.д. [18, с. 109]. Это подтверждает высокую частотность использования слова-имени концепта «ГОРОД». Кроме того, в Национальном корпусе русского языка можно найти 277 879 примеров употребления слова *город*, что говорит о значимости в рамках реальной коммуникации концепта «ГОРОД» для носителей русского языка.

Необходимо отметить, что авторами используются различные средства репрезентации концепта «ГОРОД» в зависимости от типа издания, целевой аудитории, специфики текста. Так, в текстах художественной литературы *город* может выступать самостоятельным

действующим лицом, а также являться средством создания художественного мира автора [16], а в текстах рекламы и средств массовой информации обращение к *городу* связано с определенным воздействием на адресата.

Совершенно по-иному репрезентируется концепт «ГОРОД» в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Это продиктовано спецификой данных учебных изданий: познакомить иностранных граждан со страной изучаемого языка. Кроме того, концепт «ГОРОД» в текстах по РКИ способствует эффективной социальной адаптации иностранных студентов к новым условиям проживания.

С целью изучения специфики репрезентации концепта «ГОРОД» в учебных текстах по русскому языку как иностранному был проанализирован дидактический материал учебного комплекса В.Е. Антоновой [и др.] «Дорога в Россию».

Следует отметить, что основой дидактических материалов учебных изданий для иностранных обучающихся выступают креолизованные тексты, то есть тексты смешанного вида, в которых сочетаются вербальные и невербальные средства трансляции информации, что делает их «*проводником информации о специфичности означаемого вида текста, подключающим имплицитные семы 'неожиданный', 'нетипичный', 'яркий'*» [12, с. 59].

Использование креолизованных текстов в учебных изданиях по РКИ продиктовано принципом наглядности, так как наличие невербального образа увеличивает восприятие всего текста адресатом. Кроме того, вербальные и невербальные компоненты креолизации способны воспроизвести «картину мира, шкалу ценностей, эстетические идеалы нации» [1, с. 93]. С их помощью иностранные обучающиеся приобретают знания о культуре страны изучаемого языка, сопоставляя данные знания со своей национальной картиной мира в рамках диалога культур, что способствует формированию межкультурной коммуникации.

В рамках проведенного анализа учебных изданий по русскому языку как иностранному были выявлены следующие тематические группы креолизованных текстов, репрезентирующих концепт «ГОРОД»:

1. **Население города.** Наиболее частотными лексемами данной тематической группы являются слова, обозначающие профессии (например, *студент, преподаватель, продавец, художник, музыкант*), а также слова, характеризующие социальный статус человека (например, *москвичи, девушка, женщина, мужчина, прохожий, иностранец, иностранка*). Частотность данных лексем продиктована коммуникативной направленностью учебных текстов для иностранных обучающихся — охарактеризовать социальную структуру в обществе для формирования успешной коммуникации на русском языке. Креолизованные тексты данной группы содержатся в специальных диалогах, отражающих реальные ситуации общения, возникающие в рамках городского пространства, например, тексты «Первый день в Москве» [3, с. 189-190], «Книжная выставка» [2, с. 281]; диалоги [3, с. 208-210], [4, с. 195-200]; [2, с. 45, 68, 74, 83, 104 и др.], что позволяет иностранцам адаптироваться к условиям новой социальной среды. Кроме того, данные тексты описывают стиль жизни в городе (*Парк Победы на Поклонной горе — это любимое место отдыха москвичей* [4, с. 151]; *Москвичи любят свой город и гордятся своими музеями, театрами, картинными галереями, художественными выставками, концертными залами* [3, с. 185]; *В центре Театральной площади находится небольшой сквер с красивым фонтаном. У фонтана люди назначают свидания, встречаются, отдыхают* [4, с. 147]).

2. **Достопримечательности.** Данные креолизованные тексты знакомят иностранных обучающихся со знаковыми местами города, рассказывают об их истории, культурном

значении для всех жителей. Следует отметить, что невербальные репрезентанты (в 77% — фотографии) сопровождают основное содержание страноведческого текста, наглядно иллюстрируя объекты культурного наследия каждого города (например, текст «Редкие музеи» [3, с. 97-98], текст «Москва. Красная площадь» [3, с. 200-202], текст «История храма Христа Спасителя» [3, с. 205-206], текст «Москва не город, а целый мир» [4, с. 146-151]). К наиболее частотным репрезентантам относятся имена собственные (например, *Красная площадь, Кремль, Эрмитаж, Большой театр* и др.). Недостатком является преобладание репрезентантов, связанных с достопримечательностями Москвы и Санкт-Петербурга, что не дает возможности сформировать целостного представления у иностранных граждан о наследии всех городов России.

3. **Современность.** Наиболее частотными лексемами являются вербальные компоненты, обозначающие места городского пространства (например, *университет, дом, аптека, поликлиника, банк, парк, метро, магазин, улица, транспорт*). Креолизованные тексты носят описательный характер с целью транслирования иностранцам информации об общественных местах в России, например, текст «На Арбате» [2, с. 140-141], текст «Московское метро» [3, с. 187-188], текст «Парк Зарядье» [3, с. 193], текст «Измайловский парк» [2, с. 133], текст «Ворота города» [4, с. 134-135].

С целью репрезентации концепта «ГОРОД» в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному, а также воздействия на адресата используются следующие формы выразительности:

- имена прилагательные, обладающие положительной коннотацией: *в России на Волге есть старинный город Мышкин, и в этом городе есть единственный в мире Музей мыши* [3, с. 97-98]; *Московское метро всегда было очень красивым и считалось украшением Москвы* [3, с. 187]; *Сейчас Московский Кремль представляет собой уникальный архитектурный ансамбль, состоящий из знаменитых памятников истории, культуры и искусства России* [4, с. 180]; *Казань с ее кремлем, мечетями, церквями и богатыми музеями является уникальной достопримечательностью туристических маршрутов по Волге* [5, с. 44];
- формы компаратива и суперлатива: *Москва — это огромный культурный центр, в котором находятся самые лучшие музеи, театры, художественные выставки, картинные галереи, концертные залы* [3, с. 185]; *Современное московское метро — это самый любимый, надежный, быстрый, удобный и чистый вид транспорта* [3, с. 188]; *собор является одним из самых красивых соборов в Москве, украшением Красной площади (о соборе Василия Блаженного)* [3, с. 200]; *Как и прежде, этот храм является не только самым большим храмом в России, но и одним из самых больших православных храмов в мире (о храме Христа Спасителя)* [3, с. 206]; *Московский университет имени М.В. Ломоносова считается старейшим российским университетом* [4, с. 95]; *Тверская улица всегда была самой красивой в Москве* [4, с. 146]; *Большой театр — один из самых известных в мире* [4, с. 147] и др.;
- сравнения: *Московское метро — это подземный город, который продолжает развиваться с помощью новых технологий и современного электронного оборудования* [3, с. 188]; *Красная площадь — это место, которое, как магнит, притягивает всех — и туристов, и москвичей* [3, с. 202]; *Золотые купола храма Христа Спасителя были видны издалека, из любой точки города. Он как будто*

плыл над Москвой [3, с. 206];

- вводные слова: **Говорят**, что московское метро очень красивое и удобное [3, с. 190];
- безличные и определенно-личные предложения с целью рекомендации: *Там будет интересно и взрослым, и детям* (о парке «Зарядье») [3, с. 193]; *Приглашаем всех желающих посетить Московский Кремль* [4, с. 179];
- олицетворения: *Так что и сегодня Красная площадь по-прежнему торгует, гуляет, празднует, развлекается и отдыхает* [3, с. 202];
- прецедентные тексты: *Москва как на ладони* (о Воробьевых горах) [2, с. 116]; *Звучит как песня — Воробьевы горы Московский университет!!!* [4, с. 93]; *Покажите мне Москву, я прошу. Может, воздухом ее задышу* (А. Розенбаум) [4, с. 123]; *Люди говорили: «Город Тверь — в Москву дверь»* [4, с. 146]; *Москва — звонят колокола! Москва — золотые купола!* [4, с. 163];
- цитаты известных писателей: *«Москва! Как я любил тебя ...» — писал Пушкин* [2, с. 193]; *«Я навсегда москвич, — писал сам Чехов в одном из своих писем. — Тут мой дом и моя карьера»* [4, с. 53].

Таким образом, в учебных изданиях по русскому языку как иностранному концепт «ГОРОД» репрезентируется с помощью вербальных и невербальных компонентов креолизации, принадлежащих к тематическим группам «Население города», «Достопримечательности» и «Современность». Данные креолизованные тексты отражают реальные ситуации общения в городском пространстве, знакомят иностранных обучающихся с новыми для них локациями, раскрывают богатство исторического наследия России. Все это способствует эффективной адаптации иностранцев к новым социальным условиям.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 17-е изд. СПб.: Златоуст, 2019. 344 с.
3. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 13-е изд. СПб.: Златоуст, 2019. 256 с.
4. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т. I. 9-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 200 с.
5. Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т. II. 8-е изд., испр. СПб.: Златоуст, 2019. 184 с.
6. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. / Рос. АН, Ин-т языкознания / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рязцева. М.: Наука, 1993. С. 3-6.
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете. Ч. 1: А-З. 1863. 627 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

11. Колесникова С.М. Смыслообразующие начала понятия «Семья» в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53-59.
12. Леденева В.В. Обреченный на креолизацию? // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 2. С. 58-61.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
14. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
15. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.
16. Мегирьянц Т.А. Концепт «город» в творчестве Б. Пастернака: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 18 с.
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. 4-е изд., стер. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
18. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словар. статей / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1983. 688 с.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 1 (А – Д). 576 с.
21. Этимологический словарь русского языка / Сост. Г.А. Крылов. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.

References

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezkhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov): ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov [Linguistics of the text and intercultural communication (on the material of creolized texts): textbook for students of foreign language departments of universities]. Moscow: Akademiya, 2003. 128 p. (In Russ.)
2. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Safronova M.V., Tolstykh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (elementarnyi uroven') [The Road to Russia: Russian language textbook (elementary level)]. 17th ed. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. 344 p. (In Russ.)
3. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyi uroven') [The Road to Russia: Russian language textbook (basic level)]. 13th ed. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. 256 p. (In Russ.)
4. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven'). V 2 t. T. I [The Road to Russia: Russian language textbook (first level). In 2 volumes. Vol. I]. 9th ed. Saint Petersburg: Zlatoust, 2016. 200 p. (In Russ.)
5. Antonova V.E., Nakhabina M.M., Tolstykh A.A. Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven'). V 2 t. T. II [The Road to Russia: Russian language textbook (first level). In 2 volumes. Vol. II]. 8th ed., rev. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. 184 p. (In Russ.)
6. Arutyunova N.D. Vvedenie [Introduction]. Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya: sb. st. [Logical Analysis of Language. Mental actions: a collection of articles]. Ros. AN, In-t

- yazykoznaniiya. N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva (eds.). Moscow: Nauka, 1993, pp. 3-6 (In Russ.)
7. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznetsov (ed.). Saint Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)
8. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Izdanie Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti, uchrezhdenogo pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Part 1: A-Z. 1863. 627 p. (In Russ.)
9. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)
10. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. 6th ed. Moscow: Publ. LKI, 2007. 264 p. (In Russ.)
11. Kolesnikova S.M. Smysloobrazuyushchie nachala ponyatiya «Sem'ya» v russkoi lingvokul'ture [Meaning-forming beginnings of the concept "Family" in Russian linguoculture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Serie: Russian philology*. 2018. No. 5, pp. 53-59 (In Russ.)
12. Ledeneva V.V. Obrechennyi na kreolizatsiyu? [Doomed to creolization?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University*. 2017. No. 2, pp. 58-61 (In Russ.)
13. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya [Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text: Anthology]*. V.P. Neroznak (ed.). Moscow: Academia, 1997, pp. 280-287 (In Russ.)
14. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie [Introduction to Cognitive Linguistics: textbook]. 5th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 296 p. (In Russ.)
15. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem) [Russian agnonyms (words we do not know)]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 1997. 414 p. (In Russ.)
16. Megir'yants T.A. Kontsept «gorod» v tvorchestve B. Pasternaka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Concept "city" in the work of B. Pasternak. Ph. D. (Philology) Thesis]. Voronezh, 2002. 18 p. (In Russ.)
17. Popova Z.D., Sternin I.A. Yazyk i natsional'naya kartina mira [Language and the national picture of the world]. 4th ed., ster. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2015. 101 p. (In Russ.)
18. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka: ok. 2500 slovar. statei [Dictionary of word combinability of the Russian language: approximately 2500 dictionary articles]. Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina. P.N. Denisov, V.V. Morkovkin (eds.). 2nd ed., rev. Moscow: Russkii yazyk, 1983. 688 p. (In Russ.)
19. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. Experience of research]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. 824 p. (In Russ.)
20. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vol.]. M. Fasmer; translated from German and extended O.N. Trubachev. 2nd ed., ster. Moscow: Progress, 1986. Vol. 1 (A – D). 576 p. (In Russ.)
21. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. G.A. Krylov (compiled). Saint Petersburg: Poligrafuslugi, 2005. 432 p. (In Russ.)

Воробьева Е.В.

Специфика трансляции концепта «Город» средствами
креолизованного текста для иностранных
обучающихся
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 122–130.

Vorobeva E.V.

The Specifics of the Translation of the Concept "City" by
Means of a Creolized Text for Foreign Students
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 122–130.

Информация об авторе

Воробьева Елена Витальевна, кандидат филологических наук, старший педагог
дополнительного образования отделения русского языка как иностранного
Подготовительного факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7881-9644>, e-mail: ebrinyuk@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Vorobeva, PhD in Philology, Senior Teacher of Additional Education, Department of
Russian as a Foreign Language of the Preparatory Faculty, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7881-9644>, e-mail: ebrinyuk@yandex.ru

Получена 26.05.2024

Принята в печать 15.06.2024

Received 26.05.2024

Accepted 15.06.2024